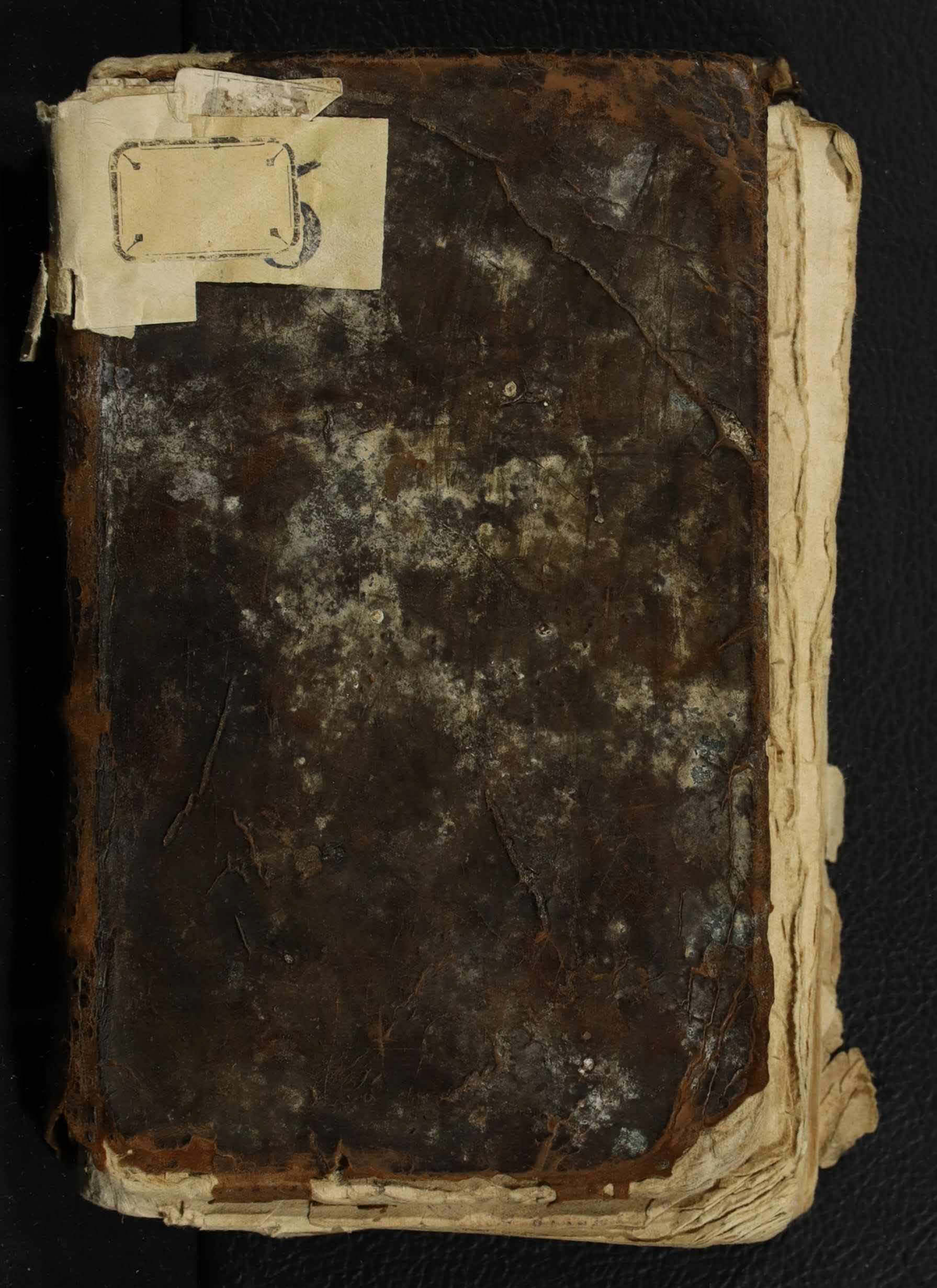

…НИГА
…ЗЫКЪ;

…едена

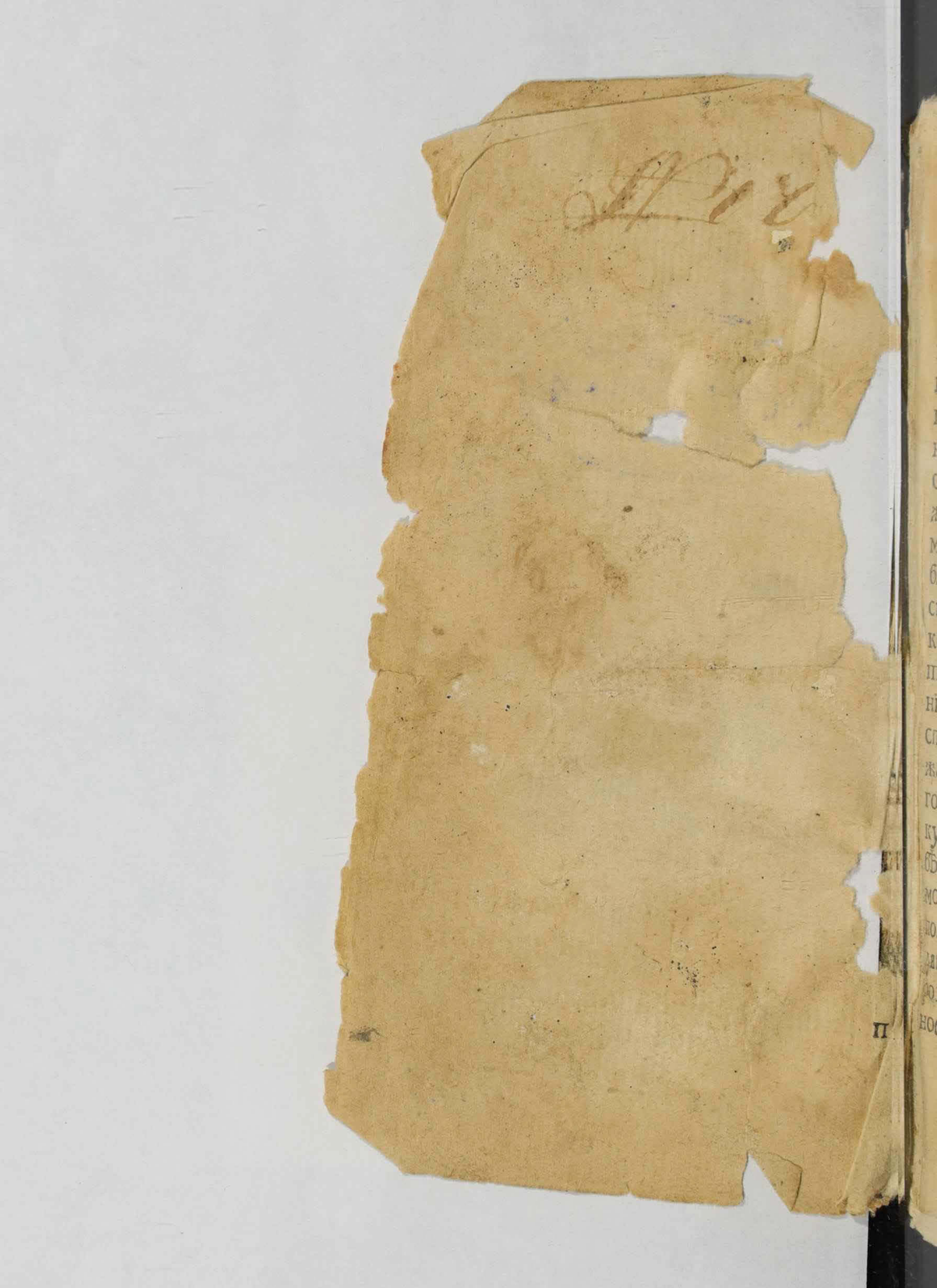
съ

…ранцусскаго

…ѣемъ Волчковымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
…ри Императорской Академіи Наукъ
1761 года.

ПРЕДЪИЗВѢЩЕНІЕ
Сочинителево.

Я предпріялъ сей трудъ въ такомъ намѣреніи, чтобъ предложеніемъ полезныхъ правилъ и примѣчаній, кои чрезъ многія лѣта съ великимъ прилѣжаніемъ чинилъ, сообщая купно собственныя мои объ оныхъ рассужденія, показать свѣту прямую пользу, которая отъ наблюденія ихъ зависитъ. Кто старается обладать своимъ языкомъ, тотъ самъ легко примѣтить можетъ, что къ сохраненію нашего благополучія ничто столь не нужно, какъ воздержаніе языка. Сіе мнѣніе паче всего подтверждается самымъ искусствомъ, и всякъ самъ къ себѣ примѣняющійся ясно понять можетъ, что счастіе и злополучіе человѣческое происходятъ отъ обхожденія и разговоровъ съ людьми, въ коихъ ложное рассужденіе, и неправедное

о другихъ мнѣніе почти всегда великое участіе пріемлютъ. Языкъ есть вождь, направляющій человѣка разными стезями во всѣ стороны, которой иногда заблуждая препинаетъ путь къ счастію, а иногда слѣдуя самъ по правому пути, приводитъ къ желаемому концу наши намѣренія. Хотя сей членъ весьма малую часть тѣла составляетъ; однакожъ всѣмъ человѣкомъ, какъ руль кораблемъ, по волѣ своей управляетъ, коимъ самимъ долженъ всегда повелѣвать разумъ, яко главной правитель всѣхъ склонностей и страстей человѣческихъ. Удаленіе отъ безумныхъ и пустыхъ рѣчей, честное обхожденіе съ благоразумными и добродѣтельными, и собственное воздержаніе отъ непристойныхъ поступокъ; само собою откроютъ истинное правило здраваго нравоученія, по которому всякой избирать можетъ, чему слѣдовать, и чего убѣгать должно.

жно. Естьли же кто сію книгу читать будетъ для одной только критики и переговоровъ, тому оная не столько къ наставленію, сколько къ предосужденію послужитъ. Стараться о пользѣ похвально; напротивъ того препятствовать въ томъ другимъ безчестно и поносно, когда кто ни о своей пользѣ ни ближняго, самъ радѣть не хочетъ. Такого по справедливости можно почесть за болящаго, которой страдая самъ въ неизлѣчимой болѣзни, отъ нетерпѣливости думаетъ облегчить свою скорбь тѣмъ, когда съ нимъ купно и другіе люди для компаніи захвораютъ. Но для излѣченія зараженнаго такимъ мнѣніемъ больнаго, употребить можно сіе общее, и всѣмъ нужное лѣкарство: *Знай и смотри себя: ежели книга худа, исправь, или здѣлай самъ лучше.*

Реэстръ

РЕЭСТРЪ ГЛАВАМЪ.

Глав: страни:

КНИГА:
ЯЗЫКЪ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ
О ОБХОЖДЕНІИ.

Правило перьвое

Обхожденіе приводитъ науку въ совершенство, и творитъ пріятною.

Рассужденіе.

Нѣтъ скучнѣе такого ученаго человѣка, которой всю свою жизнь во уединеніи препровождаетъ, и нималаго обхожденія не имѣя, по случаю въ такую компанію придетъ, гдѣ люди разумные, политичные и обходительные.

Тамъ будучи онъ ни слова не говоритъ, а естьли что и скажетъ, такъ съ великимъ размышленіемъ, безъ всякой пріятности, съ замѣшательствомъ, дико и всѣмъ странно. Или ужѐ въ обхожденіе умнаго свѣта не мѣшаться, или вступивши во оной всѣ тѣ способы употреблять, которыхъ сіе пріятное обходительство требуетъ. Учись, когда хочешь, непостижимымъ тайностямъ Метафизики въ твоей каморѣ; только въ знатной компаніи съ несомнѣннымъ упованіемъ ихъ не предлагай, и напрасно не надѣйся, будто люди съ такимъ же вниманіемъ и прилѣжностію будутъ слушать, съ какимъ усердіемъ ты ихъ проповѣдуешь. Буде же объ нихъ людямъ необходимо предложить желаешь, то учись такъ чисто реченныя Метафизическія тайности, или подобные имъ секреты предлагать, чтобъ оные больше того прилѣжанія не требовали, сколько для нихъ въ такихъ случаяхъ употребить можно,

можно, гдѣ къ свободѣ рожденные, и оную весьма любящіе нравы долговременнаго разговору безмѣрно боятся, и всякаго прилѣжно опасаются. Ежели я компанію разговорами моими утружду, то чрезъ сіе всѣ мои разговоры уничтожатся, сколь бы оные хороши ни были. Кто въ компаніи быть хочетъ, тому надобно обходительну быть; а обходительнѣйшимъ томъ становится, кто часто въ компаніи и собраніяхъ бываетъ. Обходительство есть наибольшая книга всего свѣта, которая людей тому учитъ, какъ другія книги употреблять. Безъ обхожденія вся наука пуста и нималой пріятности не имѣетъ.

Ученіемъ умножаются природныя дарованія, а обхожденіе производитъ ихъ въ дѣйство. Самые ученые науку свою симъ обходительствомъ въ совершенство приводятъ, для того что они имѣютъ случай къ познанію и рѣшенію многихъ и такихъ трудностей, о которыхъ бы въ домѣ,

 или

или въ кабинетѣ своемъ сидящей человѣкъ никогда не подумалъ. Мнѣ самому будучи въ компанїи часто случалось внутренне видѣть незнанїе мое такой правды, о которой я думалъ, что оную во уединенїи моемъ довольно познал. Ежели человѣкъ одинъ чему нибудь научился, то ему лучше и надежнѣе всего, чтобъ труды свои для пересмотру и исправленїя другимъ въ ученїи и практикѣ искуснѣйшимъ себя показать, вѣдая и принимая за подлинную истинну, что разговоръ съ умными и учеными людьми такая школа, гдѣ человѣкъ съ веселїемъ то у другихъ перейметъ, чему они чрезъ нѣсколько лѣтъ и съ великимъ трудомъ научились.

Правило 2.

Чѣмъ больше дашъ способу другимъ ко угожденїю въ компанїи, тѣмъ больше угодишь, и самъ имъ понравишься.

Рассужденїе.

Человѣкъ чрезъ то способъ другимъ

гимъ ко угожденію въ компаніи подаетъ, когда имъ поводъ или случай дастъ къ показанію природныхъ, или наукою полученныхъ ихъ талантовъ. Умному человѣку не много толкуй, но въ половину обьяви, что бы онъ достальное самъ угадывалъ. Сія поступка покажетъ, что ты объ немъ доброе мнѣніе имѣешь, а самолюбивому человѣку на свѣтѣ милѣе того нѣтъ. Хотя человѣкъ показаніемъ компаніи высокаго своего ума съ великими науками угождаетъ, и въ почтеніе себя нѣкоторымъ образомъ приводитъ; однако тѣмже самымъ способомъ и въ ненависть притти можетъ. Ибо которые слушаютъ, тѣ превозвышающаго ихъ не любятъ, а умной показаніемъ того довольствуется, что ученые и искусные люди учителей не любятъ; а тебѣ лучше молчать съ упованіемъ, что говорящіе съ тобою многому тебя научить могутъ. Ежели историческое или другое знатное обстоятельство сказываютъ, а особливо когда

знатная персона сїе объявляетъ, то лучше съ прилѣжанїемъ слушать, нежели перервавши рѣчь, или вступивши во оную, показать знанїе свое. Ежели рѣчь перебьешъ, то говорящаго опечалишь, а буде терпѣливно слушаешь, то онъ въ прїятномъ о себѣ мнѣнїи останется, будто ты предлагаемаго имъ не знаешь. Ты тѣмъ довольствуйся, что молчанїемъ своимъ большее удовольствїе ему причинишъ, нежели показанїемъ лучшаго своего о семъ дѣлѣ знанїя. Весьма того берегись, чтобъ тебѣ передъ другими разумнѣйшимъ и искуснѣе ихъ не показаться, и рѣчей ихъ своими словами отнюдь не заминай и не тѣсни, но всевозможной имъ способъ къ показанїю себя по желанїю ихъ давай, а сею учтивою поступкою покажешь, что главное удовольствїе компанїею въ томъ состоитъ, ежели человѣкъ такою основательною надеждою ласкать себя можетъ, что другїе люди имъ довольны.

Правило

Правило 3.

Человѣку надобно разговоромъ своимъ такъ обладать, что бы онъ не сердился, и себя не беспокоилъ, когда другіе рѣчь его перебьютъ.

Рассужденіе.

Человѣкъ долженъ въ такомъ намѣреніи съ другими говорить, чтобъ ихъ увеселить, или весьма искуснымъ и учтивымъ образомъ научить, а ежели онъ подлинно такъ поступитъ, то почто ему за пресѣченіе рѣчей своихъ сердиться? да лучше вѣрить, что другіе сіе дѣлаютъ, для произведенія радости, или наставленія ихъ въ лутчее совершенство. Хотябъ и то случилось, что люди нечаянно рѣчь твою перебьютъ, такъ какое тебѣ отъ того зло? Самые пересѣкатели твоего разговора справедливость тебѣ отдадутъ; терпѣливость твоя съ молчаніемъ большее почтеніе получитъ, нежели бы всѣ искуснѣйшіе и премудрые

мудрые твои разговоры. Человѣку рабомъ и невольникомъ разговоровъ своихъ быть не должно, но всегда и такъ ими обладать надлежитъ, чтобъ по случаю и обстоятельствамъ компанiи оныя употреблять. Правда, что сiе не легко, однакожъ человѣку исполнять можно, ежели суета и тщеславiе сему не противятся.

Прáвило 4.

Прекратя рѣчь помолчи, для усмотрѣнiя не станетъ ли тотъ еще чего говорить, которой передъ тѣмъ рѣчь свою продолжалъ?

Рассужденiе.

Берегись, чтобъ говорящимъ на носъ не набѣжать, то есть у такихъ рѣчи не перебить, которые скоро говорятъ. Иной бы и больше говорилъ, ежелибъ ему время дали начатой свой разговоръ окончать, и для того въ наибольшихъ компанїяхъ великiя несовершенства бываютъ, а отъ того, что всякъ умъ свой разговорами показать несытно желаетъ,

лаетъ, не дождався пока другіе выговорятъ, и рѣчь свою окончаютъ. „Въ сей школѣ обхожденія „съ людьми многажды примѣчена „такая погрѣшность, что человѣкъ, вмѣсто познанія другихъ по „разговорамъ ихъ, больше о томъ „старается, какъ бы собственнымъ „языкомъ себя показать, а притомъ болѣе иныхъ учить, нежели самому отъ другихъ научиться„.

Я для убѣжанія сего грубаго порока, говорящему съ охотою время на окончаніе рѣчи его дамъ, а во оную отнюдь вступать не буду, въ той надеждѣ, что ежели мнѣ только того желать, дабы тотчасъ послѣ его говорить, то я никогда противъ его рѣчи исправно отвѣчать не буду; ибо какъ я не далъ время ему выговорить, то и всего его разговору обстоятельно знать не буду, и ничего кромѣ пложенія своей рѣчи не желая, силы и склоненія рѣчей его познать не могъ.

Сіе подлинно, что языкомъ своимъ перьвой рангъ получить желающіе, послѣднихъ словъ того человѣка отнюдь не примѣчаютъ, которой передъ ними говорилъ, а для того не знаетъ, и подумать времени не имѣетъ, какъ ему говорить, и что на тѣ слова отвѣчать.

Пра́вило 5.

Ежели человѣкъ вопросу не выслушаетъ, и обстоятельно неыразумѣетъ, то никогда на оной исправно отвѣчать не можетъ.

Рассужденіе.

Отъ невнятности приходитъ затмѣніе, и замѣшательство во всей компаніи. Ибо хотя человѣкъ не внимая рѣчей другова въ половину слушаетъ, однакожъ къ отвѣту съ такою надежностью спѣшитъ, будто бы онъ все говоренное точно слушалъ, и подлинно помнитъ, и отъ того безпре-

безпрестанное замѣшаніе бываетъ, по извѣстной пословицѣ;

Я его спрашиваю про Ѳому,
А онъ мнѣ отвѣчаетъ про Ерему.

Часто сіе въ компаніяхъ бываетъ, что иные отъ задумчивости, а другіе отъ неразсудительной скоропостижности весьма странные вопросы дѣлаютъ, и удивительные отвѣты даютъ, чего умному и благовоспитанному человѣку весьма храниться, а притомъ рачительно слушать должно, что говорятъ, дабы самому учиться, и другимъ не надокучить. Да емужъ должно другова и весьма обыкновеннаго пороку беречься, то есть, за другова не говорить, кто самъ предлагать, и за себя отвѣчать имѣетъ, для того что чрезъ сіе можетъ ему и слушающимъ такое подозрѣніе податься, будто онъ о себѣ говорить не умѣетъ, а я себя самохваломъ учиню. Въ отвѣтахъ моихъ напрасныхъ словъ нераспространяю, по слову умнаго человѣка: Центръ твоего отвѣта

долженъ въ томъ состоять, чего вопрошающей вѣдать желаетъ. Какъ въ компанiи ничего ученаго говорить не надобно, такъ ничего на удачу и безъ разсужденiя врать не надлежитъ.

Прáвило 6.

Повѣренность и откровенное дружество больше ума и наукъ въ компанiи къ разговорамъ способу подаетъ.

Рассужденiе.

Человѣкъ въ повѣренности и дружбѣ съ большею смѣлостiю, и безъопасенiя говоритъ, тайну и дѣла свои другъ другу со взаимною искренностiю и такимъ теченiемъ разговоровъ открываетъ, что сей прiятной бесѣды ничто пресѣчь не можетъ. Ежелижъ человѣкъ умъ свой показать захочетъ, а притомъ думаетъ, какъ бы лучше и умнѣе сказать, то отъ сего разговоры тотчасъ пресѣкутся, и изсохнутъ; чего ради дружескiя и

простыя

простыя рѣчи лучше и прiятнѣе умныхъ, ученыхъ и нарочно вымышленныхъ разговоровъ.

Правило 7.

Ежели кто въ компанiи промолвится, или что худо скажетъ, того отнюдь высоко не подымать, не пересмѣхать, и изъ того комедiи не дѣлать.

Рассужденiе.

Съ какимъ бы я вниманiемъ въ компанiи ни сидѣлъ, однакожъ ничего того съ строгостiю не слушаю, въ чемъ другiе промолвятся. Компанiя есть свободное обхожденiе, гдѣ на малыя, а особливо неважныя вещи смотрѣть и изъ оныхъ суднаго дѣла производить не надобно, но лучше ихъ безъ критики и переговоровъ мимо ушей пускать, для того что оныя съ проста, и безъ всякаго намѣренiя сказаны.

Правило 8.

Ежели ты въ компанїи, то думай, что въ шахматы играешь, а несмотря игры ни за пѣшекъ не принимайся.

Рассужденїе.

Гдѣ компанїя печальна, туда шутить не ходи; а гдѣ молодые люди, тамъ нравоучительныхъ предикъ не говори, для того, что они кромѣ веселїя и забавъ, ни о чемъ слышать не хотятъ. Веселой компанїи ни ужасными, ни грубыми разговарами не стращай, и не разгоняй. При такихъ людяхъ поэзїи отнюдь не поноси, которыя стихотворство любятъ, и оному искусны Въ компанїи лучше о томъ говорить, что людямъ прїятно, а не о такихъ дѣлахъ, которыя мнѣ угодны. Кто о противномъ компанїи станетъ говорить, тотъ и самъ противенъ будетъ. Съ неученымъ и незнающимъ ни о какихъ наукахъ не

не разговаривай, для того что онъ твоимъ наукамъ ни малой хвалы и чести не учинитъ.

Правило 9.

Не всегда о себѣ говорить.

Рассужденіе.

Кто въ компаніи безпрестанно о себѣ говоритъ, тотъ подаетъ причину думать, что онъ кромѣ себя никого не любитъ, и ничего на свѣтѣ не почитаетъ, а чрезъ то въ крайнюю у всѣхъ ненависть, и совершенное презрѣніе придетъ. Нахалы и неучтивые ни о комъ кромѣ себя въ компаніи не говорятъ, а притомъ желаютъ, чтобъ и другіе ни о чемъ кромѣ ихъ же разговоровъ не имѣли. Ежели ты въ людяхъ, то ни великаго шуму, ни безпокойства хозяину и компаніи ни причиняй. Я никогда о себѣ говорить не люблю; ибо ежели хорошее скажу, то мнѣ неповѣря смѣяться станутъ, а буде что худое стану говорить, то

другіе

другїе подумаютЪ, будто я сїе сЪ такого лукавства дѣлаю, чтобЪ они мнѣ вЪ томЪ спорили, а впрочемЪ для чего мнѣ самому о себѣ худо говорить? Ежели я что доброе здѣлаю, то ужЪ люди всеконечно зла о мнѣ не скажутЪ, да хвалить меня будутЪ, а мнѣ ужѐ самому что про себя говорить, когда я себя ни хвалить ни поносить не желаю?

Прáвило 10.

ВеликойкЪ сему мудрости, осторожности, искусства и храненїя потребно, кто о комЪ вЪ его присутствїи говорить хочетЪ.

Рассужденїе.

Для сего то о присутствующихЪ надобно говорить, подЪ именемЪ мертвыхЪ или отсутствующихЪ. СимЪ образомЪ можно хвалить безЪ виду хвалы, или учинить выговорЪ безЪ обиды, или напослѣ-

докЪ

докъ дать совѣтъ, не трогая высокоумія и гордости ихъ.

Правило II.

Кто суеты и тщеславія не имѣетъ, тотъ обыкновенно мало говоритъ.

Разсужденіе.

Не безъ справедливости сіе дѣлается, что надмѣру велерѣчивыхъ людей въ гордости и суетѣ обвиняютъ. Для чего бы имъ такъ много говорить, ежелибъ они не надѣялись, что другіе ихъ съ прилѣжаніемъ и охотою слушать будутъ. Я такъ не великое мнѣніе о себѣ имѣю, что никогда за нужнаго актора въ компаніи себя не признаваю. А кто обомнѣ думаетъ, что я много говорю, тѣмъ всѣмъ охотно позволяю, не только словъ моихъ не слушать, но и бѣгать меня какъ такого человѣка, которой все спокойство компаніи нарушить можетъ. Я же усердно желаю, и всѣмъ даю волю, не

только

только въ исправленіи, но въ учиненіи меня скромнымъ, молчаливымъ и разумнѣйшимъ. Рѣдко кто въ многословіи грѣха избѣжать можетъ, и для того я лучше молчу, а особливо въ такомъ случаѣ, когда меня къ разговорамъ, и слѣдственно къ показанію чрезъ оные лишняго ума никто не принуждаетъ.

Правило 12.

Такъ говори, чтобъ твои слова разумѣли и слушали.

Разсужденіе.

Чистота въ разговорахъ значитъ чистоту въ разумѣ; а обое сіе компанію пріятною творитъ, для того что всѣ твои слова разумѣютъ. Человѣку лучше молчать, нежели невнятно и невразумительно говорить. Говорящей долженъ на другихъ съ примѣчаніемъ смотрѣть; ибо онъ для того говоритъ, чтобъ люди его слушали, а кто съ замѣшательствомъ и не

и невнятно говоритъ, тотъ слушателей такъ утруждаетъ, что они его не ушми, но глазами слушаютъ. Неизвѣстными и мало употребительными словами говорить отнюдь непристойно, и компаніи безмѣрно трудно, а такіе люди весьма ужѐ несносны, которые одной рѣчи не докончавъ, за другую хватаются, и слѣдственно всѣ свои разговоры безъ конца оставляютъ.

Правило 13.

Весьма берегись, дабы тебѣ въ компаніи такимъ оригиналомъ не здѣлаться, котораго копіею быть стыдно.

Рассужденіе.

Такихъ куріозныхъ оригиналовъ въ компаніяхъ очень много бываетъ, которые съ чужестранныхъ языковъ во употребленіе принятыя слова, весьма развращенно говоря, не къ времени и не къ стати, почти во всякую рѣчь приплѣтаютъ, думая тѣмъ у незнающихъ особливую себѣ чѐсть получить, но

вмѣсто

вмѣсто почтенія отъ знающихъ въ посмѣяніе и ругательство себя приводятъ. Другими оригиналами тѣ себя дѣлаютъ, которые къ самой груди того подходятъ, съ кѣмъ говорятъ, и почти въ самой его носъ лбомъ своимъ такъ утыкаются, что все его лицо слюнами забрыжжутъ; а ежели слушающей отъ нихъ отступаетъ, то они отчасу ближе къ нему подаются, а притомъ за пуговицу взявши кричатъ: да слушайка! и съ тѣмъ въ самой уголъ человѣка загонятъ. Кто выговоря слово самъ прежде всѣхъ смѣется, тотъ неменьшей прежнихъ оригиналовъ. Сіи хохотуны, какъ видно, тщатся свои хорошіе зубы или во рту пятна показать.

И такимъ люлямъ не надобно послѣдовать, которые ничьихъ и никакихъ умныхъ въ компаніи разговоровъ не слушаютъ, но въ великой задумчивости на трость свою зубами опершись, или на столъ обѣими локтями положась сидятъ, также по торелкамъ вилками планы рисуютъ.

рисуютЪ. Сія чрезвычайная задумчивость значитЪ отсутствіе ума, или небреженіе вЪ собраніи находящихся. Такіе задумчивые вЪ компаніи весьма скучны и смѣшны. А вЪ теченіи сея книги, о подобныхЪ симЪ разнаго роду людяхЪ пространнѣе обЪявится.

Правило 14.

ЯзыкЪ произносящей безчестныя слова значитЪ поврежденное и развращенное сердце.

Разсужденіе.

КакЪ можно честному и добродѣтельному человѣку надмѣру смѣлые разговоры, безчестные обиняки, и безстыдныя слова слушать, не имѣя омерзѣнія, а иногда и злобы на произносящихЪ оныя? КакЪ добросовѣстному нраву не подумать, что вЪ сердцѣ тѣхЪ нималой чистоты душевной нѣтЪ, которые такія бесчестныя рѣчи изЪ нечистаго рта выпускаютЪ? Непорочное состояніе пороковЪ, а чистая жизнь нечистоты терпѣть

пѣть не можетъ. Все нечистое ей противно, чувствительно и мерзско. Слова изобразуютъ мысль, а рѣчи въ такомъ случаѣ за дѣла почитаются. Трудно такимъ людямъ добродѣтель свою съ непорочностью цѣлу и невредиму, а скромность свою со стыдѣнїемъ безъ преткновенїя сохранить, которые такихъ душевредныхъ, и сердце моровою язвою заражающихъ разговоровъ слушаютъ; а напослѣдокъ по человѣческой слабости и сами чувствительными мыслями будучи возбуждены, могутъ поползнуться ко удовольствїю чувствъ своихъ тѣми забавами, которыя имъ отъ боронительныхъ имъ и къ соблазну силою влекущихъ словъ воображены.

Прáвило 15.

Никогда и ни о чемъ такихъ не спрашивай, которые тебѣ отвѣчать не могутъ.

Рассужденїе.

Въ случающихся вопросахъ сїе за обыкновенное прáвило хранить должно

должно, дабы ни о чемъ неизвѣстномъ у людей не спрашивать. Сею предосторожностію человѣкъ самъ научится, и наставляющимъ его удовольствіе причинитъ. Безъ нужды и случая, славу и честь другова отнюдь поносить не должно, вѣдая, что потеряніе сего сокровища весьма чувствительно, а притомъ невозвратно, и едва ли чѣмъ награждено быть можетъ.

Правило 16.

Смѣшной тотъ стыдъ, которой человѣка удерживаетъ отъ вопросовъ, для ученія и наставленія о незнаемомъ.

Рассужденіе.

Въ томъ никогда стыдиться не надобно, чего человѣкъ не знаетъ; а въ сообщеніи другимъ неизвѣстнаго, отнюдь упрямиться, и тѣмъ гордиться не должно. Какой и тому стыдъ, кто изъ темноты невѣденія на свѣтъ разума вытти желаетъ.

желаетъ. Тотъ никогда искусенъ не будетъ, кто надмѣру умнымъ и искуснымъ себя скажетъ.

Пра́вило 17.

Безмѣрное хваленіе открываетъ слабость ума, и вредитъ славу того, которой не знаетъ, что говоритъ и хвалитъ.

Рассужденіе.

Ежели младенецъ до самаго пришествія въ возрастъ, ни одного ординарнаго росту человѣка не видалъ, тобъ почиталъ его противъ себя, и въ сравненіи своей малости, за чуднаго великана. Сіе власно надъ людьми недальнаго ума случается, которые простые и подлые вещи увидя, чрезвычайно и съ не обыкновеннымъ удивленіемъ хвалятъ; токмо имъ всегда того ждать надлежитъ, что знающіе слушатели, такія ихъ безмѣрныя хвалы за ложъ, или за безумство почтутъ. Плодъ сихъ

сихъ чрезвычайныхъ похвалъ, намѣренію употребляющаго оныя всегда противенъ, ибо онъ боится, что другіе ему не повѣрятъ, и для того людей чрезмѣрными хвалами, а буде оныхъ мало, то и божбою увѣрять старается. Но умные люди всѣ такія чрезмѣрныя ласкательства за морскія чудовища принимая, неочень на нихъ полагаются, да одной только явной и неспоримой правдѣ вѣрятъ, а притомъ своею похвалою весьма скупы и не податливы, вѣдая что и чрезвычайныя заслуги съ средними добротами, спорамъ и смотру подвержены бываютъ.

Правило 18.

Молчаніе охранительная грамота незнанію.

Рассужденіе.

Кто не знаетъ того, о чемъ въ компаніи говорятъ, тому молчаніе наилутчей способъ. Какъ бы суета и тщеславіе къ разговорамъ его ни побуждали, однако ему молчать прибыльнѣе. Молчаніе не-

знающему въ такомъ случаѣ наилучшее лѣкарство, вѣдая что молчаливаго обыкновенно за скромнаго признаваютъ, а за незнающаго никогда не почтутъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЯЗЫКЪ НЕВОЗДЕРЖНАГО.

Пра́вило 1.

Не только трудное, но и весьма невозможное дѣло, чтобъ человѣку много, а притомъ умно и къ стати говорить.

Рассужденїе.

Кто много говоритъ, у того обыкновенно разсужденїя мало; а желающему умно и къ стати говорить довольнаго рассужденїя потребно. А безъ онаго можетъ ли человѣкъ знать, когда, какъ и для чего ему говорить? Можно ли слабаго языка человѣку, посреди текущаго стремленїя рѣчей его, въ опас-

въ опасныхъ и вредительныхъ словахъ остеречься? Онъ только того смотритъ, какъ бы ему къ размноженїю рѣчей своихъ время не пропустить, а воздержанїе отъ оныхъ крайнее и несносное ему насильство. Того ищетъ, чтобъ расказывать, а къ стати или нѣтъ, и спрашиваютъ ли его о томъ или никто слова съ нимъ неговоритъ, о томъ не рассуждаетъ, по слѣдующему объявленїю стихотворца:
,, Андрей со мною встрѣтившись, не
,, успѣлъ поклониться, и тотчасъ
,, мнѣ всю жизнь свою точно ра-
,, сказалъ, и не спрося меня хочуль я
,, слушать или нѣтъ, сталъ сказы-
,, вать минувшее, настоящее и бу-
,, дущее, что онъ былъ, что нынѣ, и
,, чѣмъ впредь быть чаетъ, про
,, свой домъ, про родителей, о дѣ-
,, лахъ и о службѣ, а мнѣ и одного
,, слова молвить не далъ; я отъ не-
,, го, а онъ за мною, и кричитъ, по-
,, стой! еще не все, но я радъ ушед-
,, ши отъ такова дурака,,.

Пра́вило 2.

Кто много говоритъ, тотъ самъ себя повреждаетъ.

Рассужденїе.

Въ томъ обыкновенное и главное нещастїе всѣхъ говорливыхъ состоитъ, что они своихъ собственныхъ, и тайнѣйшихъ дѣлъ въ молчанїи содержать не могутъ. Какую бы они осторожность ни употребляли, однако въ пловущемъ изъ устъ ихъ многорѣчїи передъ искусными и остраго ума людьми иногда хотя немногїя, однако такъ важныя слова̀ проскакиваютъ, которыхъ оные искусные давно отъ нихъ слышать желали, а сїи велерѣчивые себя и другихъ тѣмъ повредить могутъ. И понеже говорливой отъ нерассужденїя самъ свою̀ тайну открыть можетъ, то я никогда моего секрета ему не ввѣрю, для того что такихъ людей всякой часъ беречься надлежитъ; а буде они кому нѣчто секретное объявятъ, и оная ихъ тайна весьма сумни-

тельна

стельна, потому что они сей секретъ всякому, съ кѣмъ ни встрѣтятся, на воротъ навѣшиваютъ, сими на ухо сказанными словами: я вамъ сїе за дружбу говорю, пожалуй никому не сказывай.

Прáвило 3.

Невоздержнаго языка люди отъ всѣхъ презрѣнны, и презрѣнїя достойны.

Рассужденїе.

Въ нихъ сей порокъ отъ невоздержанїя, отъ малоумїя, отъ дерзости и отъ слабости. Слабость ихъ тѣмъ явна, что они лепетанїя своего языка воздержать не могутъ. Дерзость оказывается въ открытїи тайны, и во всегдашнемъ нехраненїи благопристойности въ компанїяхъ; а малоумїе не допускаетъ ихъ къ прозрѣнїю внутрь слушающихъ, для узнанїя, когда говорить, и въ которое время молчать. Поистиннѣ такъ они въ свѣтѣ презрѣнны, что никто ихъ слушать не хочетъ; а ежели то-

го миновать не можно, чтобъ словъ ихъ не слушать, то стоящїе притомъ вмѣсто вниманїя рѣчей ихъ весьма иное думаютъ.

Не только никто ихъ не слушаетъ, но и вѣрить имъ не хочетъ, хотябъ они временемъ и правду говорили, для того что уже у всѣхъ извѣрились.

Правило 4.

Невоздержнаго языка человѣкъ всегда говоритъ, хотя его и не слушаютъ; а онъ напротивъ того ничего не слушаетъ, что другїе говорятъ.

Рассужденїе.

Уши сихъ людей въ языкъ превращены, и для того они въ своемъ порокѣ никогда не исправны. Хотябъ кто подлинно въ наставленїе ихъ полезное и праведное предлагалъ, но они не принимая и не слушая сего, все свое говорятъ. Когда невоздержной на языкъ многорѣчїемъ своимъ слушателей въ нетерпѣливость, а себя

въ

въ такое презрѣнїе у нихъ приводитъ, что они никакихъ его предложенїй не принимаютъ; тогда умной внутрь себя скрывается, ко укрѣпленїю себя въ природной ненависти о невоздержанїи языка. Онъ отъ своихъ умныхъ рассужденїй больше пользы и исправленїя получаетъ, нежели многорѣчивый отъ выговоровъ и представленїй доброжелательныхъ ему.

Прáвило 5.

Невоздержныхъ на языкъ не только презираютъ, но и боятся.

Рассужденїе.

Какъ скоро такїе люди въ компанїю придутъ, то всякъ отъ нихъ удаляется, и того смотритъ, какъ бы изъ компанїи уйти, а оставшїеся молчатъ, и всѣ того берегутся, чтобъ симъ многорѣчивымъ способу къ разговорамъ не подáть. Буде же они на сїе не взирая начнутъ говорить, то никто на нихъ не смотритъ, и рѣчей ихъ не слушаетъ. Я въ жизнь

мою такїе примѣры видалъ, что какъ скоро великїе говоруны ротъ отворятъ, то всѣ тѣ изъ компанїи одинъ по одному расходятся, которыхъ благопристойность тамъ быть не обязуетъ; и съ такою поспѣшностїю отъ нихъ бѣгутъ, какъ кораблемъ правящїе на морѣ отъ малаго о́блака для того въ пристань спѣшатъ, что изъ сего не только опасной вихрь [порывной вѣтръ], но и жестокая буря произойти можетъ; а многорѣчивые такъ страстїю невоздержнаго своего языка обладаны, что нимало того не видятъ, какъ другїе ихъ чуждаются и бѣгаютъ.

Какой бы пространной столъ сїи люди ни имѣли, однако никто къ нимъ въ домъ притти не смѣетъ, не такъ вина̀ и напитковъ опасаясь, какъ непрестаннаго изъ устъ ихъ происходящаго вѣтра и пустаго шуму бояся. Ежели многорѣчивые къ больному придутъ, то какая сему бѣдному болящему отъ нихъ му́ка и безпо-

койство

койство? Больной ничего кромѣ покою и молчанія не требуетъ, а они его спрашиваютъ: давно ли неможете? какою болѣзнію? отъ чего вамъ здѣлалось? кто васъ лѣчитъ? какія лѣкарства даетъ? въ которую пору легче, и когда тяжелѣ бываетъ? что ѣдите, что пьете? и симъ подобными безумными вопросами еще больше самой болѣзни его мучатъ.

Есть такіе люди, что лучше къ компаніи своей желаютъ видѣть человѣка злонравнаго, но воздержнаго и умнаго въ словахъ, нежели простосердечнаго, и говорливаго и невоздержнаго на языкъ.

Правило 6.

Многорѣчивые люди излишествомъ словъ теряютъ пріятность и славу дѣлъ своихъ.

Рассужденіе.

Ежели они о какомъ своемъ добромъ или хвалы достойномъ дѣ-

лѣ надмѣру много говорятъ, и чрезвычайно оное разглашаютъ; то рѣдко кто въ истиннѣ сего дѣла имъ вѣритъ, но только всякъ думаетъ, что они какое нибудь подобное тому обстоятельство нарочно для того здѣлали, дабы имъ по дворамъ и улицамъ бѣгая притчину къ пусторѣчїю и хвастовскимъ расказамъ имѣть. А понеже сїе пустословїе ихъ весьма скучно, и всякому человѣку противно; то и дивиться не для чего, что дѣла̀ ихъ прїятными не кажутся. Симъ то способомъ невоздержнаго языка человѣкъ наилучшїя дѣла̀ свои портитъ. Поистиннѣ надобно, что бы такой человѣкъ самому и другимъ великой непрїятель былъ, когда онъ самому себѣ такъ чувствительной вредъ причиняетъ, а всему свѣту противенъ и несносенъ.

Пра́вило 7.

Почти всѣ многорѣчивые любопытны.

Рассужденіе.

Понеже они во всякія знаемыя имъ мѣста̀ нарочно для размноженія словъ ходятъ ; то имъ весьма много запасу надобно , изъ чего бы ежедневной торгъ имѣть , а для снисканія онаго суются въ домы , и выспрашиваютъ о важнѣйшихъ тайностяхъ , которыя между фамиліями происходятъ , а пото́мъ оные секреты вмѣсто барабаннаго бою своимъ болтаніемъ публикуютъ. Естьли же о другихъ ничего тайнаго сказать не имѣютъ , то лучше свои тайности на торгъ выносятъ , а молчать не могутъ. Многорѣчивые сперьва о другихъ , а пото́мъ о себѣ говорятъ , ежели имъ никто поводу къ разговорамъ не подастъ. А ежели говорить нѣчего , то они тотчасъ причину къ разговорамъ

 найдутъ,

найдутъ, дабы только не молчать. По сему можно видѣть, что велерѣчивые весьма любопытны; а что отъ другихъ услышатъ, то тотчасъ изъ одного слова цѣлой лексиконъ здѣлаютъ, и все по своему развращенно толкуютъ.

Правило 8.

Невоздержной на языкъ за многорѣчїемъ дѣла своей должности забываетъ.

Рассужденїе.

Ежели велерѣчивой въ компанїю придетъ, то въ разговоры такъ углубится, что хотябъ собственной его служитель за домашними нуждами, или подчиненной команды его для отправленїя дѣлъ Монаршихъ сего велерѣчиваго звалъ; однако онъ никого не слушая отъ разговоровъ своихъ отстать не можетъ, но думаетъ, будто всякъ рѣчей его слушать хочетъ, а ни у кого на умѣ не бывало. Буде же напослѣдокъ домой пришедши никого

кого не найдетъ, съ кѣмъ бы говорить , то и на дѣла́ свои лѣностно смотритъ. Языкъ его руль , мачта и компасъ. А безъ разговоровъ, по его мнѣнію , ни ходить, ни спать , и словомъ ничего дѣлать не можно.

Пра́вило 9.

Кто говоритъ много , тотъ думаетъ и рассуждаетъ мало.

Рассужденіе.

Много бы человѣкъ пороковъ въ себѣ усмотрѣть и исправить могъ, ежелибъ привыкалъ къ рассужденію, для того что рассужденіемъ познается зло , со всѣми отъ того происходящими худыми слѣдствія ми и опасностями , а притомъ подаются способы къ избѣжанію страха. Ежелибъ велерѣчивой избралъ себѣ время на рассужденіе , тобъ причину и источникъ невоздержанію своего языка нашелъ , то есть чрезвычайное самолюбіе , или несносное самохвальство побуждающее къ многословію ; ибо ежели бы

онъ безмѣрно себя не любилъ, и не надѣялся многорѣчїемъ угодить, тобъ никогда излишнихъ словъ не плодилъ. Ежелибъ невоздержнаго языка человѣкъ разсудилъ отъ многорѣчїя своего происходящїя злыя слѣдствїя, а именно беспокойство другимъ, безъ всякой пользы пропадающее время, приходящее отъ людей презрѣнїе и посмѣянїе; то бы симъ рассужденїемъ узналъ, въ какой страхъ невоздержность языка по собственнымъ онаго дѣламъ, и невѣрностїю въ дѣлахъ ближняго привесть его можетъ. Ежелибъ всѣ сїи опасности рассудилъ, тобъ никогда нетолько словъ своихъ на вѣтеръ не терялъ, и на вопросы другихъ отвѣчать не спѣшилъ бы, но и отъ такихъ бы разговоровъ времянемъ берегся, которые своею прїятностїю къ размноженїю словъ его побуждаютъ, а чрезъ то въ омерзѣнїе и ругательство у другихъ приводятъ. Сїе узнавъ всѣхъ такихъ случаевъ убѣгать должно, которые къ многословїю поводъ подаютъ, а вмѣсто того

искать

искать обхожденія съ такими, которыхъ присудствіе воздержность языка и молчаніе наложить можетъ. Прежде начала слова надлежитъ въ себѣ подумать, пріятныль будутъ слова мои слушающимъ, не учинятъ ли кому изъ присудствующихъ, или мнѣ самому вреда? Чѣмъ больше станетъ рассуждать, тѣмъ болѣе узнаетъ, что ему дѣлать, а притомъ вспомнитъ слѣдующія слова великаго учителя:

Аще бы себѣ рассуждали, не бы осуждены были.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

ЯЗЫКЪ МОЛЧАЛИВАГО.

Правило I.

На молчаливаго не много законовъ.

Рассужденіе.

Наибольшая часть законовъ и наставленій дана намъ для учрежденія

денія поступокЪ нашихЪ вЪ свѣтскомЪ житіи и обхоженіи. А понеже отЪ слова человѣческаго языка наибольшіе непорядки и беспокойства происходятЪ; то ужѐ подлинная правда, что чѣмЪ меньше человѣкЪ говоритЪ, тѣмЪ меньше ему вЪ законахЪ и наставленіяхЪ нужды. Обыкновенное разсмотрѣніе и осторожность молчаливаго вЪ должностяхЪ его великую помощь ко исполненію, а многословіе перьвой поводЪ кЪ забвенію оныхЪ подаетЪ. Весьма благЪ и мудрЪ сей законЪ, чтобЪ человѣку языкомЪ своимЪ обладать, и безвременно не говорить. Сія должность сЪ натурою и просвѣщеннымЪ разумомЪ сходнѣе всѣхЪ, чтобЪ человѣку болѣе мыслить и рассуждать, нежели говорить.

Правило 2.

Прежде сЪ собою, а потомЪ сЪ другими говорить.

Рассужденіе.

Кто безЪ молчанія, и не рассудя напередЪ силы и слѣдствія того, что

что говорить намѣренъ безопасно говоритъ, тому надлежитъ бояться, чтобъ потомъ о рѣчахъ своихъ въ раскаяніе не притти. Какъ много сего случается, что человѣкъ, пришедши изъ компаніи домой, о учиненныхъ языкомъ погрѣшностяхъ самъ себя хотя и бранитъ, только ужѐ выговоренныхъ словъ возвратить не можетъ. Человѣкъ въ уединеніи гораздо умнѣе, нежели въ разговорахъ съ людьми, и тогда одинъ съ собою рассуждая, видитъ тѣ погрѣшности, которыя имъ безъ рассужденія при многихъ учинены. Но какъ бы то ни было, однако въ словахъ погрѣшившій человѣкъ худое о себѣ мнѣніе оставляетъ, которое весьма не скоро загладить можетъ, для того что всякъ о своемъ умѣ и заслугахъ отмѣнное мнѣніе имѣя, всѣми силами ихъ хранитъ, а тому безмѣрно радъ бываетъ, ежели въ подобномъ себѣ славою и умомъ какой порокъ и погрѣшность найдетъ. Поистиннѣ тотъ много выигрываетъ, кто больше съ собою

бою, нежели съ другими говоритъ. Кто много говоритъ, тотъ иногда можетъ дать знакъ такого искусства, какого съ природы въ немъ нѣтъ; а рассуждающій въ себѣ для наставленія получаетъ такую способность, какой въ самыхъ многославнѣйшихъ быть не можетъ, не смомря на то, что они всегда за искуснѣйшихъ почтены быть желаютъ.

Прáвило 3.

Изъ неприличнаго и не ко времени сказаннаго слóва могутъ невозвратныя слѣдствія произойти.

Рассужденіе

По сему въ молчаніи великая польза, для того что между онымъ человѣкъ можетъ одумавшись отъ непристойныхъ словъ воздержаться. Я иногда самъ въ себѣ слѣдующее разсуждаю: ,,Ежели бъ я кому о семъ дѣлѣ объ-
,,явилъ; тобъ такая за сіе ссора
,,здѣлаться могла, что и поду-
,,мать страшно, однакожъ, слава
,,Богу

„Богу! я отъ того воздержался, „вѣдая, что человѣкъ и за одно „слово погибаетъ. Того ради вели- „кая въ томъ важность, дабы не „одумавшись ничего не говорить. „А выговоренное слово также „трудно возвратить, какъ изъ „клѣтки выпущенной птицы пой- „мать не возможно„.

Правило. 4.

Кто мало говоритъ, тотъ можетъ мудрымъ показаться.

Рассужденіе.

Ежели умной мало говоритъ, то великое о себѣ мнѣніе другимъ подать можетъ; ибо когда онъ хотя мало, но умно что скажетъ, то слушающіе будутъ думать, что великая мудрость въ немъ скрыта. Чѣмъ меньше умной и ученой человѣкъ говоритъ, тѣмъ болѣе его почитаютъ. За искуснаго политика признаваемой человѣкъ можетъ молчаніемъ отъ неравныхъ и подчиненныхъ своихъ особливое почтеніе, за тайность и скромность свою отъ вышнихъ

хвалу

хвалу получить, а отъ Государя своего за такую искусную персону примется, которой наиважнѣйшія тайны безъ всякой опасности повѣрить можно. Друзья его за совершеннаго въ искусствѣ и политикѣ мужа почитать, а непріятели будутъ его бояться на подобіе солнца, послѣ жаркаго сіянія уходящаго въ темныя громомъ и молніею грозящія облака, то есть, что онъ послѣ пріятныхъ разговоровъ скрывается въ храмъ молчанія, и хотя ничего злаго въ умѣ не имѣетъ, а имъ кажется, что мыслитъ о разрушеніи замысловъ и намѣреній ихъ. Кто мало, но къ случаю и слову говоритъ, тотъ и съ посредственными заслугами въ знаемость притти можетъ. Молчаніе не знаю какую пріятность слову придаетъ, какъ тѣнь цвѣтамъ въ живописи и перемѣшка концертамъ въ музыкѣ.

Правило

Пра́вило 5.

Слово да будетъ подобно золоту, которое и въ малой штукѣ великую цѣну имѣетъ.

Рассужденїе.

Суетныя и напрасныя слова̀ приличны подлому нраву и празднымъ головамъ; а твердой и основательной человѣкъ всегда ищетъ важнаго, а притомъ никакихъ излишнихъ словъ не говоритъ. Ничто подлое ни удивить, ни въ движенїе его привесть не можетъ, затѣмъ что онъ ни чѣмъ легкимъ и презрѣнїя достойнымъ не забавляется. Никакого подобїя праздныхъ пустослововъ на себя не принимаетъ. Не имѣя склонности къ многорѣчїю, не только весьма рѣдко говоритъ, но ежели разговоровъ минуть не можетъ, то онъ болѣе дѣлъ, нежели словъ говоритъ. Чело, глаза́, и все лицо словесной недостатокъ языка его награждаетъ. Служители и умные изъ домашнихъ его могутъ изъ лица̀ такого господина

сподина отчасти знать, что ему угодно, что противно, и чего до услугъ своихъ касающагося требуетъ; а малыя его рѣчи великія дѣла въ нихъ производятъ, для того что слуги рѣдкія и малыя его слова не только со усердіемъ слушаютъ, но въ совершенномъ почтеніи содержатъ, и съ ревностію онымъ повинуются.

Правило 6.

Ежели самой простой человѣкъ умѣетъ молчать, то онъ хитраго и умнаго обмануть можетъ.

Разсужденіе.

Хитрыя и остраго ума персоны отъ такихъ людей обыкновенно мало опасенія имѣютъ, которые имъ просты и отчасти глупы кажутся, и для того отъ нихъ не весьма остерегаются. Но ежели сіи мнимые простаки могутъ молчать, а притомъ имѣютъ намѣреніе сихъ хитрецовъ обмануть; то сіе при случаѣ своего молчанія наилучшимъ

образомъ

образомъ въ дѣйство производить могутъ: ибо сїе на свѣтѣ часто случается, что молчаливая простота лучше велерѣчивой хитрости бываетъ.

Правило 7.

Молчаливой въ то время хвалы и почтенїя достоинъ, когда по причинѣ не говоритъ.

Рассужденїе.

Иной молчитъ съ глупости, другой съ лѣности, третей съ грубости или высокоумїя; но такому молчанїю отнюдь послѣдовать не должно. Кто въ то время книгу читаетъ, какъ другїе говорятъ, также нарочно задумавшись рѣчей ихъ не слушаетъ, или во время разговоровъ въ окно смотритъ, то отъ всѣхъ присудствующихъ презрѣнїе на себя привлекаетъ, въ такомъ мнѣнїи, что сїе дѣлающїй всѣхъ ихъ презираетъ. А буде причины къ сему подозрѣнїю нѣтъ, то сїи поступки въ неучтивство и малоумїе причтены будутъ.

Правило

ЯЗЫКЪ НЕВОЗДЕРЖНАГО.

Красныя слова.

Правило I.

Иное красное слово не только хвалу лучшихъ трудовъ, но и славу честнаго человѣка повредить можетъ.

Рассужденїе.

Которыми словами человѣкъ, или какой знатной трудъ изъявляется, тѣ вопервыхъ сами собою, а потомъ для красоты своей нравятся, потому что въ нихъ сатира, то есть умное посмѣянїе или досада заключается; а люди обыкновенно охотнѣе и больше тѣхъ словъ слушаютъ, которыми другихъ порицаютъ, нежели такихъ, которыми людей и дѣла ихъ хвалятъ. А понеже такїя поразительныя слова умно и къ случаю говорятся, то другъ другу ихъ сказываетъ: и слѣдственно сїи слова отъ рода въ родъ къ незабвенкой

венной памяти такъ переходятъ, что и нынѣ такими отъ древнихъ сказанными красными словами цѣлыя книги наполнены. Можетъ быть, что съ прикрасою слово произнесшій, только для показанія остроты своего ума, а не для обиды кому оное сказалъ; однакожъ потомки, ничего о томъ не вѣдая, всегда того обвинять будутъ, о комъ сіе красное слово сказано, каковъ бы онъ на свѣтѣ правъ, и въ совѣсти своей чистъ ни былъ. И для того какъ человѣкъ, такъ и славной трудъ отъ сего краснословнаго угрызенія вѣчно освободиться не можетъ, чему мы сами многіе примѣры видѣли, и нынѣ видимъ.

Правило 2.

Пріятностію краснаго сло́ва можно иногда всю компанію увеселитъ.

Разсужденіе.

Надлежитъ только вѣдать, что сія пріятность подобна соли, съ

которою весьма бережно обходиться, и оную размѣрно въ ѣствы класть надлежитъ, дабы не пересолить, и чрезъ то всего кушанья не испортить. Ежели кто много сїю прїятность разскащиковъ употребляетъ, тотъ даетъ о себѣ знать, что онъ ни къ чему въ компанїи не способенъ, кромѣ шутокъ, и небезопаснаго плодорѣчїя. Иные подобны такой книгѣ, въ которой кромѣ пословицъ, и красныхъ словъ ничего не написано, да и тѣ всѣ такїя старыя, что къ новому времени ни одна не годится. Сказанїе старинныхъ красныхъ словъ подобно отдачѣ серебряной посуды въ ломъ, въ которой работа всегда пропадаетъ, потому что серебро за старое съ немалымъ убыткомъ продаютъ, а старинныя слова̀ въ компанїяхъ съ холодностїю принимаются.

Пра́вило

Правило 3.

Иногда за одно красное слово немалыя ссоры бываютъ.

Рассужденїе.

Я временемъ и самъ съ прикрасою слово сказать люблю; но сколь бы велика у меня охота къ произнесенїю онаго ни была, однакожъ я прежде, нежели оное выговорю, довольно думаю, и всякимъ образомъ остерегаюсь, какїя изъ того слѣдствїя будутъ; не озлоблю ли кого, и не здѣлаю ли кому въ компанїи чувствительной симъ словомъ обиды. А естьли увижу, что сїе слово никому не въ досаду, но болѣе ко увеселенїю послужитъ, тогда уже оное выговорю. Сею осторожностїю никто прогнѣванъ и озлобленъ не будетъ; а произнесшїй сїе красное слово нѣкоторую прїятность своей персонѣ, и знакъ остроты своего ума подастъ. Какое великое ослѣпленїе, чтобъ чрезъ малое и легкое удовольствїе рѣзваго ума съ людьми ссору затѣять,

изъ которой тебѣ безпокойство, а ближнему озлобленіе произойдетъ.

Пра́вило 4.

Чѣмъ болѣе человѣкъ отъ произнесенія краснаго сло́ва похвалы себѣ получить уповаетъ, тѣмъ онъ въ бо́льшую печаль приходитъ, когда другіе о семъ его мнимомъ умномъ словѣ не веселятся.

Рассужденіе.

Ничто разскащика въ большее посрамленіе, и слѣдственно въ уныніе не приводитъ, какъ то, когда онъ принужденъ видѣть, что ни одинъ изъ слушающихъ о сказанномъ его красномъ словѣ не разсмѣется, но всѣ молчатъ; а онъ себя надеждою ласкалъ, будто у всѣхъ отъ смѣху слё́зы изъ глазъ потекутъ.

Ежели желаешь съ прикрасою слово сказать, то оное безъ всякаго притворства и тщеславія выговори, не оказывая явно и не хваля доброты его, дабы другіе сего не оспорили

оспорили, но дай на ихъ волю разсуждать, худо ли оно, или хорошо?

Правило 5.

Сіе уже немалая отвага, кто изъ книги взятое, или отъ другихъ слышанное красное слово за свое объявитъ.

Разсужденіе.

Много уже такихъ примѣровъ было, что ревнивые и завистливые люди по природной своей ненависти, ничего хвалить не хотятъ, хотябъ подлинно что изрядно и хвалы достойно было; чего ради онымъ въ сихъ случаяхъ все на волю давать надлежитъ, особливо при такихъ, которые своимъ присутствіемъ ревнивой и завистливой нравъ ихъ въ смятеніе привести могутъ.

ЯЗЫКЪ НАСМѢШНИКА.

Пра́вило I.

Насмѣшки, переговорки и подобныя сему смѣхотворства весьма не годятся, ежели кто за добрыя ихъ почитаетъ; но развѣ въ то время годны быть могутъ, когда оныя за подлыя проказы признаны будутъ.

Рассужденїе.

Ежели кто сими смѣшными способами хочетъ угодить, тому надобно за настоящую ихъ цѣну производить, то есть за ложныя мысли и безпорядочныя слова̀, которыя умъ человѣческой невѣдомо какою ложною прїятностїю прельщаютъ. Токмо притомъ надлежитъ примѣчать, чтобъ между говорящимъ и слушающимъ нѣкоторое равенство и сходство было; ибо не все передъ всякимъ говорить можно, но передъ вышними сїе на сторону отложить должно.

Сей обычай весьма худъ, и такимъ отнюдь не приличенъ, которымъ по своему знатному роду, или высокому достоинству, постояннымъ быть надлежитъ. Сей порокъ наилучшїя добродѣтели такъ портитъ, что никакими добротами онаго загладить не возможно. Понеже въ ихъ персонахъ всему великому быть должно, то сїя подлость тѣмъ болѣе несносна.

Прáвило 2.

Весьма рѣдко, или почти никогда не случается, чтобъ насмѣшникъ въ почтенїи былъ.

Рассужденїе.

Сказываютъ, будто смѣхотворцы, также какъ комедїанты, богаты хвалою, а почтенїемъ весьма убоги. Чѣмъ больше они людей смѣшатъ, тѣмъ въ бóльшее презрѣнїе приходятъ, ежели смѣхотворство ихъ въ ругательствѣ и озлобленїи ближняго состоитъ. Я и самъ къ стати забавное слово молвить люблю, но токмо въ случаѣ нужды, для увеселенїя компанїи,

когда она печальна или въ молчанїи, только съ такою осторожностїю, чтобъ потѣшнымъ не прослыть. Моя веселая шутка не мѣшаетъ мнѣ въ прежнее мое постоянство возвратиться, для того что я ее употреблю по случаю и причинѣ, а не по склонности и затвердѣлому въ томъ обычаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЯЗЫКЪ ШУТЛИВАГО.

Прáвило I.

Убѣгай шутокъ: они такая зараза, которая разумъ для нарушенїя человѣческаго спокойства поощряетъ.

Рассужденїе.

Какая бы прїятная мысль, съ краснымъ и изряднымъ словомъ, къ произнесенїю языкомъ шутокъ на умъ мнѣ ни пришла; однакожъ я съ такою осторожностїю оное изъ

устъ

устъ выпущаю, дабы тотъ прежде всѣхъ смѣялся, на кого сіе слово клонится. Но понеже сіе весьма рѣдко случается, то я никогда шутить не буду. Кто для того не шутитъ, что шутить не умѣетъ, того разумъ хвалю; а кто умѣя не шутитъ, того мудрость почитаю. Того никогда не бранятъ, и порицать не могутъ, кто не шутитъ; а шутливой всегдашнему нареканію подверженъ. Хотя шутки компанію временемъ и веселятъ, но почти всегда шутливыхъ съ постоянными разлучаютъ; ибо чѣмъ больше кто шутитъ, тѣмъ меньше друзей имѣетъ, а въ теченіи своего щастія отчасу больше препятствій получаетъ.

Въ какомъ почтеніи Сципіонъ у Римлянъ ни былъ, однако за одно шутливое слово главнымъ правителемъ отъ строеній не учиненъ; ибо онъ увидя, что одинъ изъ его сверстниковъ, и того же чина требующей кандидатъ отъ многой работы въ пашнѣ и землелѣльствѣ мозоли

на рукахъ имѣлъ, что вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и спросилъ:

Не на рукахъ ли ты ходите?

Правило 2.

Шуты и забавники пуще всѣхъ надъ собою шутокъ не любятъ.

Рассужденїе.

Надобно думать, что сїи люди отъ многихъ издѣвокъ надъ другими узнали, каковы пагубны, вредительны и досадны шутки тому, надъ кѣмъ издѣваются. Ежели надъ такимъ станутъ издѣваться, кто умышленно шутитъ, тотъ сожалѣнїя достоинъ. Шутливыежъ въ семъ случаѣ еще жалки, когда въ такой постоянной и строгой компанїи находятся, гдѣ шутокъ не любятъ, а кромѣ того никакихъ умныхъ и постоянныхъ разговоровъ начать не умѣютъ.

Правило

Правило 3.

Есть такїе люди, что наималѣйшую шутку за крайнее озлобленїе почитаютъ.

Рассужденїе.

Иные такъ чувствительны и нѣжны, что нимало до себя коснуться не допускаютъ. Съ такими въ компанїи наипаче осторожно обходиться надлежитъ: всякая шутка имъ досадна, великїя забавныя слова̀ имъ чувствительны и противны. Злой или меланхолической нравъ ихъ всегда какую нибудь горесть производитъ и въ самой сладости приносимыхъ имъ похвалъ. И понеже они сами всегда горьки, то обо всемъ представляемомъ имъ думаютъ, будто оно желчью наполнено. Того ради совершенно человѣка не зная, отнюдь съ нимъ шутить не надобно, дабы вмѣсто уповаемой шутки, подлинной ссоры не здѣ-

лать. И такъ съ грубыми, свирѣпыми, скучливыми и печальными людьми отнюдь шутить не совѣтую, по слову домашняго учителя: „Не играй съ ненаказаннымъ, „да не прïимутъ безчестïя прароди„тели твои„. А я сего правила держусь: Естьли кто надо мною въ безделицѣ издѣвается, то я съ тѣмъ вмѣстѣ смѣюсь, кто въ неважномъ шутитъ; буде же шутки язвительны, и нарочно на меня клонятся, то я такой только видъ покажу, что оныя знаю и чувствую, дабы чрезъ то теченïе сихъ опасныхъ забавъ пресѣчь. Буде же издѣвающïйся не перестаетъ, то съ нимъ также какъ со злословящимъ поступлю, а именно, когда въ причинѣ сихъ шутокъ виноватъ, то потщусь себя исправлять; а ежели не виноватъ, то терпѣливостïю, и возможнымъ удаленïемъ побѣдить его стараться стану.

Прáвило

Пра́вило 4.

Кто шутить желаетъ, тому надобно шутки свои учреждать на присудствующихъ, и на тѣхъ, которые симъ шуткамъ причиною.

Рассужденїе.

Не только тѣхъ, надъ которыми шутить, но и всѣхъ притомъ находящихся знать надобно, дабы выражая какїе пороки равнаго себѣ, не зацѣпить вышшаго, а за сїе бы вмѣсто смѣху и хвалы, за умныя свои слова̀ биту и обругану не быть.

Пра́вило 5.

Надъ другомъ никогда не шутить.

Рассужденїе.

Всякъ надъ собою шутокъ съ природы не любитъ. Кто надъ другомъ по причинѣ шутитъ, тотъ его обижаетъ; а буде безъ причины надъ нимъ издѣвается, то самъ себѣ и ближнему своему неправду дѣлаетъ. Дружество должно въ се-

бѣ имѣть запретительную грамоту на шутки. Которые друзья часто между собою шутятъ, тѣ начнутъ одинъ другаго бояться, потомъ станутъ другъ отъ друга бѣгать, а напослѣдокъ побранившись вѣчными непрїятелями здѣлаться могутъ.

Прáвило 6.

Вышшему надъ нижнимъ или надъ подчиненнымъ также безчестно шутить и смѣяться, какъ вооруженному на такóва человѣка нападать, у коего не только шпаги, но и палки въ рукахъ нѣтъ.

Рассужденїе.

Какая честь и слава вышшимъ обижать низшихъ себя, какъ такихъ людей, у которыхъ страхъ и почтенїе къ защищенїю себя и къ жалобѣ всякую свободу отнимаетъ. И такъ большему надъ меньшимъ ругательно смѣяться не только стыдно, но и безчеловѣчно; ибо сїи стрѣлы тѣмъ глубочайшїя язвы причиняютъ, чѣмъ они

съ вышшаго мѣста пущены; а достоинство и честь говорящаго будучи подкрѣплены льстивою похвалою слушающихъ, сїи язвы такимъ ядомъ наполняютъ, отъ котораго озлобленной человѣкъ во вѣки исцѣлиться не можетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЯЗЫКЪ СПОРНИКА.

Прáвило. I.

Между людьми учеными часто сїе случается, что они за пунктъ своего ученїя, или за споръ о какой либо наукѣ, персональную между собою ссору производятъ.

Рассужденїе.

Въ спорахъ человѣкъ сперьва противъ правды, а потóмъ на споря-

спорящаго съ собою злобится, кричитъ, кленетъ, мечется, потѣетъ, всѣхъ въ смятенїе приводитъ, до тѣхъ поръ въ спорѣ своемъ крѣпко стоитъ, пока съ крику охрипнетъ, и обморокъ его ударитъ. Нѣкоторой умной Авторъ написалъ: „Я бы для утвержденїя ти-„шины и спокойства въ народѣ со-„вѣтовалъ, всякїе школьные ди-„спуты такъ равно, какъ словес-„ныя ссоры, подъ штрафомъ за-„претить. Какїе пороки отъ нихъ „возбуждаются! и отъ словъ до „рукъ, а отъ рукъ до оружїя дохо-„дитъ. Какїя заблужденїя отъ „споровъ въ Христїанъ вошли! Ка-„кое раздѣленїе въ вѣрѣ причинили! „Какое нарушенїе въ любви Божїей „и въ люблении ближняго здѣла-„ли! Какое сомнѣнїе во нравахъ, „и колебанїе въ совѣстяхъ произ-„вели! Отъ мнимаго люблєнїя прав-„ды происходитъ споръ, кото-„рой съ начала подкрѣпляется гор-„достїю, а кончится непримири-„мою злобою. Меня споры въ рас-„сужденїяхъ не озлобляютъ и небез-

„поко-

„покоятъ, но токмо возбуждаютъ и учатъ. Естьли кто со мной „споритъ, тотъ во мнѣ примѣчаніе, а не гнѣвъ возбуждаетъ. „Часто случается, что я самъ себѣ противлюсь, дабы мнѣ симъ „способомъ къ спорамъ и сопротивленію другихъ привыкнуть„. Для чего мнѣ тѣхъ ругать, которые не одного со мною мнѣнія? Развѣ они въ разсужденіи и во мнѣніи своемъ невольны? Развѣ я въ спорѣ ихъ лучше, а они меня хуже? Развѣ я крикомъ и ссорою предложенія мои лучшими здѣлаю? Развѣ ругательствомъ и злословіемъ людей къ принятію моего мнѣнія привлеку? Или напослѣдокъ руганіемъ и безстыдствомъ тотъ путь къ правдѣ сыщу, котораго злобными, и человѣколюбіе съ благопристойностію и добронравіемъ нарушающими спорами найти уповаю?

На все сіе однимъ словомъ отвѣчаю: Никакъ.

Правило 2.

Ежели тебѣ случится спорить; то старайся, чтобъ симъ способомъ о незнаемомъ тебѣ наставленіе, а о неизвѣстномъ изъясненіе получить: притомъ не противься, и напрасныхъ диспутовъ не начинай.

Рассужденіе.

Умной ни чьему мнѣнію не противится, развѣ только въ такомъ случаѣ и намѣреніи оспоритъ, когда до изъясненія и показанія правды дойдетъ; но не входя въ такой споръ, рассматриваетъ, есть ли у него сила, искусство и другіе къ одолѣнію потребные способы? а естьли осмотрѣвшись въ сихъ важныхъ пунктахъ недостатокъ увидитъ, то въ диспуты очень рѣдко вступаетъ; напротивъ того хотя къ умнымъ спорамъ и пристанетъ, однако весьма на короткое время, и не во многихъ словахъ. Ежели бы всѣ такъ поступали, тобъ въ спорахъ больше тишины и разума, а мѣньше

меньше ссоръ и беспокойства было. Кто обыкновеннымъ образомъ споритъ, про того можно сказать, что онъ сіе болѣе по охотѣ къ спорамъ и крику, нежели для показанія ума своего въ диспутахъ дѣлаетъ. Какъ бы люди ни спорили, однако человѣкъ изъ диспутовъ съ тѣмже мнѣніемъ выходитъ, съ которымъ на сей споръ пришелъ. Человѣкъ только тѣ притчины видитъ, которыя самъ представляетъ, съ такимъ желаніемъ, чтобъ всѣ ихъ принимали, а впрочемъ все мимо глазъ пускаетъ, хотябъ что другіе лучше, умнѣе и справедливѣе его представляли. Какое упрямство! какая неправда! какое ожесточенное и непреоборимое мнѣніе!

Никогда не спорь съ великою горячестію;
Но зрѣлымъ и беспристрастнымъ умомъ о той и другой сторонѣ рассуждай.
Ежеликъ ты по несчастію обманешься,
Но

То отнюдь за свою погрѣшность не-
стой,
Но въ семъ случаѣ самъ себя побѣдивши,
Съ истиннымъ усердіемъ къ правдѣ
возвратись,
Кто бы оную тебѣ ни показалъ.

Естьли я съ кѣмъ упорно спорю, то тщусь его увѣрить о небезосновательномъ моемъ мнѣніи, что онъ не столь искусенъ, какъ я. Но понеже мое намѣреніе не въ томъ состоитъ, то я много и спорить не стараюсь. Другихъ мнѣніе какъ возможно похваляю, и радуюсь тому, чтобъ оныя хвалить, для того что я о другихъ лучшее, нежели о себѣ самомъ мнѣніе имѣю. Ежели мнѣ спорить, то только для изъясненія правды, а не ради полученія побѣды. И по тому какъ возможно берегусь, дабы мнѣ въ безконечные и непорядочные разговоры не вступить. Хотя я временемъ по причинѣ думаю, что намѣряемое предложеніе мое весьма праведно, и слушатели онаго по злобѣ или по упрямству не принявши, станутъ развра-

развращенно толковать, или и весьма за ложное вмѣнять; однако я уединясь слѣдующимъ образомъ самъ себѣ скажу. ,,Не я ли въ томъ ,,виноватъ, что люди пред-,,ложенія моего не принимаютъ? ,,Не темно ли я предложилъ, ,,или не ко времени ли и непри-,,лично сказалъ? Не горда ли и не ,,высокоумна ли рѣчь моя была? ,,полно я не въ презрѣніиль у лю-,,дей, что они основательныхъ ,,моихъ предложеній не принима-,,ютъ,,? Симъ способомъ другихъ не скоро обвиняю, ежели они мнѣ спорятъ, или предложеній моихъ не принимаютъ, а своихъ притчинъ не выправляю, и за свои представленія ни ссоръ ни браней отнюдь не начну. Нѣтъ сего лучше, какъ видя правду уступить, а свое удаленіе отъ истинны познавши, чистой и непорочной правдѣ послѣдовать. Кто одумавшись себя исправить, а неправедную сторону въ самомъ жару оставить можетъ, тотъ по истиннѣ не только рѣдкія, но и Философическія

фическія доброты имѣетъ. Въ такихъ то случаяхъ крѣпость ума, и власть человѣка въ обладаніи собою познавается. Тѣжъ случаи о человѣкѣ показываютъ, что онъ ложныя и затвердѣлыя мнѣнія оставя, правдѣ и здравому разуму повиноваться за полезнѣе признаваетъ. Сіе не легкомысленность, ежели человѣкъ узнавши погрѣшность свою, оставитъ. Какой въ томъ стыдъ, чтобъ человѣку мнѣніе свое отъ неправды отвлекши, на праведную сторону обратить, и прежнее свое погрѣшеніе признать.

Правило 3.

Никогда за малую вещь великаго спору не дѣлай.

Рассужденіе.

Умной человѣкъ о непотребныхъ и неважныхъ вещахъ никогда спору не начинаетъ, вѣдая, что такія бездѣлицы веселую компанію въ скуку и неудовольствіе приводятъ, отнимая случаи къ разговорамъ о важныхъ и нужнѣйшихъ

шихъ дѣлахъ. Съ великими людьми о бездѣлицѣ отнюдь спорить не надобно. Хотя кто по видимому ихъ и переспоритъ, однако сїя побѣда во вредъ обращается, для того что они будучи вышшими, за сей о бездѣлицѣ споръ въ важныхъ дѣлахъ отмстить, и побѣдителю въ спорахъ удивительнымъ образомъ заплатить могутъ. Сїи знатные имѣютъ ненасытное желанїе во всемъ перьвыми быть, и для того все противное себѣ всею силою опровергаютъ. Нѣкоторой Философъ Адрїану Цесарю Римскому сказалъ: „Я такому Государю отнюдь спорить не „дерзаю, которому восемьдесятъ „легеоновъ служатъ„. Вельможи почти всѣ своенравны, и въ мнѣнїяхъ своихъ упорно стоятъ; чего ради рѣдко кто спорить имъ смѣетъ, въ рассужденїи власти, богатства и силы ихъ, но всѣ имъ потакаютъ, и всякїя слова съ рассужденїями оныхъ хвалятъ. Всѣ тѣ сожалѣнїя достойны, которые будучи въ благополучїи, ничего кромѣ

ласка-

ласкательствѣ и похлѣбства слушать не хотятъ, а чрезъ красоты правды и силы разума никогда видѣть не могутъ.

Правило 4.

Почти всѣ споры для того продолжительны бываютъ, что спорящїе другъ друга долго не разумѣютъ.

Разсужденїе.

Всякъ свое мнѣнїе весьма почитаетъ, а за предложенїя свои такъ стоитъ, что на силу представленїя другихъ выслушаетъ. Потому весь сей шумъ и споръ для того продолжается, что другъ друга не слышитъ, или словъ его не разумѣетъ; а кто словъ другаго не слушаетъ, тотъ и предложенїя не разумѣетъ въ устремительномъ теченїи своихъ словъ, дабы только оныя выговорить, и симъ своимъ рѣчамъ, а не предложенїю другихъ послѣдовать. Отъ сего то великїя темности съ жестокими и долговременными спорами бываютъ. А хотя наконецъ одинъ

одинъ другова отъ части и выразумѣетъ, только всякъ при своемъ упрямствѣ для того остается, что долго спорилъ, а предлагающему лучшее ни уступить, ни яснѣйшихъ его представленій принять не хотѣлъ.

Правило 5.

Есть такіе, которые въ спорахъ рассуждаютъ о мнимой правдѣ и силѣ своихъ предложеній, по числу важности словъ.

Рассужденіе.

Такіе люди думаютъ спорящихъ и противящихся себѣ устремительною рѣкою словъ своихъ потопить, по крайней мѣрѣ толстымъ и громкимъ своимъ голосомъ ихъ побѣдить и заглушить стараются. Отъ сего малодушные и запальчивые испужавшись въ немалое движеніе притти, на противъ того другіе тѣмъ ободрены быть могутъ, наподобіе такихъ игроковъ, которые нѣсколько выигравши кричатъ и свищутъ дабы играющихъ въ робость и большей проигрышъ

привесть. Только великодушные и умные сего крику не боятся, но громогласныхъ людей за такихъ персонъ въ комедіи почитаютъ, которыя высокимъ и громкимъ своимъ голосомъ слушающихъ болѣе оглушить и удивить, а не научить могутъ.

Правило 6.

Молчаніе въ спорахъ не всегда умъ и скромность значитъ.

Разсужденіе.

Кто во время спору вдругъ замолчитъ, или отъ незнанія такой гордой видъ на себѣ покажетъ, будто ни въ какіе споры и доказательства вступать не хочетъ, тотъ рѣдко за умнаго и скромнаго почтенъ быть можетъ. Суета никогда и ничего потерять не хочетъ, а своенравство вездѣ своей прибыли ищетъ. Неумѣніе отвѣчать смиренство въ себѣ заключаетъ, а хранящій молчаніе являетъ о себѣ, что ему больше сказаннаго говорить нѣчего, и симъ способомъ человѣкъ думаетъ

избѣжать

избѣжать посмѣянія и критики. Но весьма удивительно, какъ люди симъ образомъ обманываться могутъ, когда уже всякъ и самъ въ себѣ такую слабость, и слѣдственно притчину къ посмѣянію имѣетъ и чувствуетъ. Развѣ они себя премудрѣйшими всего свѣта почитаютъ? Но ежели я почти всякаго человѣка ослѣпляющее самолюбіе въ рассужденіе приму; то сему и удивляться не буду, а самъ тотъ часъ мое незнаніе объявлю, ежели меня о какомъ неизвѣстномъ и странномъ мнѣ дѣлѣ спросятъ.

Правило 7.

Не вступая въ споръ, надобно то дѣло со всѣми его свойствами и обстоятельствами подлинно знать, о которомъ спорить хочешь.

Рассужденіе.

Ежели человѣкъ безъ сего вступитъ въ споръ, о какомъ бы маломъ дѣлѣ ни было, то вмѣсто хвалы и побѣды стыдъ и посмѣ-

янїе претерпитъ. Ежели кто мнѣ скажетъ, будто отъ споровъ у человѣка умъ острится; тому отвѣчаю, что разумъ отъ сего спорнымъ, беспокойнымъ и досадительнымъ духомъ становится. И такихъ споровъ человѣку довольно, которые о нужномъ и полезномъ научаютъ; а живущее въ насъ не большое познанїе правды довольно къ сему способовъ подаетъ. На свѣтѣ вещей важныхъ такъ много, что человѣку едва время на то остается, дабы всѣ ихъ обстоятельно разсмотрѣть и изслѣдовать.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

ЯЗЫКЪ УПРЯМАГО.

Прáвило I.

Упрямой обыкновенно для того не уступаетъ, что побѣжденнымъ признаться и уступить не хочетъ.

Рассужденїе.

Грубые люди не всегда отъ недостатку разума или знанїя, но болѣе

болѣе по затвердѣлому своенравію упрямятся, и въ правдѣ ни кому уступить не хотятъ. Ихъ на такую правду не легко приведешь, которую они сами скоро не признаютъ, развѣ когда они такова будутъ мнѣнія, будто сами путь къ сей правдѣ нашли, и собственнымъ разумомъ ко оной достигли. Почти всѣ упрямые такова свойства бываютъ, что къ нимъ кривою дорогою и переулками подходить, а притомъ ихъ весьма нѣжнымъ образомъ за сердце, подобно какъ рѣтивую лошадь за узду брать надобно. Они своимъ нравомъ природные непріятели всякому спору и сопротивленію; а по сему прямымъ путемъ къ правдѣ никогда итти не хотятъ. Такъ много о себѣ думаютъ, что ни чьего совѣту слушать, и никакихъ представленій принимать не хотятъ. Ежели имъ кто не нарочно о томъ станетъ совѣтовать, что они ужѣ дѣлать намѣрились; то сего нрава и состоянія люди намѣреніе

свое тотчасЪ отмѢняютЪ, и одной своей волѢ, а ни чьему совѢту послѢдовать не хотятЪ. Никогда вЪ неправомЪ мнѢнiи и вЪ погрѢшенiи своемЪ не признаются, и ни вЪ малое совершенство притти не хотятЪ; только спасенiе и обращенiе такихЪ людей весьма сомнительно, которые правды не слушаютЪ.

Правило 2.

Молчанiе противЪ упрямства наилучшая безопасность.

Рассужденiе.

Ежели упрямой вЪ спорЪ со мною вступитЪ, то я тотчасЪ молчать буду, понеже и самое искусство меня научило, что сЪ спорящими противЪ правды выигрышу нѢтЪ и не будетЪ. ВЪ такихЪ случаяхЪ подлинно вѢрить надлежитЪ, что молчанiе больше сопротивленiя пользы приноситЪ. Когда человѢкЪ молчитЪ, то упрямому время на познанiе правды даетЪ; а буде вЪ спорЪ сЪ нимЪ вступитЪ,

то

что чрезъ сїе къ умноженїю диспутовъ и упрямства подлинной способъ и поводъ подаетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ЯЗЫКЪ ВЗДОРНАГО.

Правило I.

Вздорная и безумству подобная поступка происходитъ отъ многихъ въ свѣтскомъ обхожденїи учиненныхъ погрѣшностей и пороковъ.

Рассужденїе.

Кто кого вздорнымъ назоветъ, тотъ симъ беспорядочнаго, ни о чемъ неразмышляющаго, беспутнаго, и такого человѣка разумѣетъ, которой ничего къ доброму житїю и честному поведенїю пристойнаго въ себѣ не имѣетъ. Вздорной человѣкъ больше всего на словахъ оказывается; ибо онъ нимало о томъ не думаетъ, что ему говорить; да и о томъ не рассуж-

даетъ, что изъ словъ его произойдетъ. А ежели онъ по окончанїи разговоровъ хотя мало въ себя пришедши одумается, въ то время собственная память всѣ его беспамятныя, нерассудительныя, неприличныя, дерзостныя и опасныя слова предъ очи представитъ, о которыхъ самъ сей человѣкъ безмѣрно стыдится и сожалѣетъ. Въ лицѣ вздорнаго человѣка та лутчая надежда, что онъ подъ старость въ разумъ притти, и исправиться можетъ; ибо чѣмъ болѣе человѣкъ съ лѣтами въ память и зрѣлое рассужденїе приходитъ, тѣмъ болѣе отъ буйства и вздорнаго нрава удаляется.

Прáвило 2.

Вздорной человѣкъ худо говоритъ, и худо слушаетъ.

Рассужденїе.

Понеже онъ чужїя слова въ половину слушаетъ; то на оныя половинной отвѣтъ даетъ, и слѣдственно все вздоръ говоритъ. Отъ сего невниманїя премногїя скаски

скія и ложныя исторіи въ свѣтѣ разсѣваются, неправедные доносы и объявленія, а отъ нихъ происходятъ разныя бѣды и непорядки, для того что творецъ и издатель ихъ вздорной человѣкъ, сіи праведнѣйшія обстоятельства забывъ или не выслушавши, вымышленною ложью дополняетъ. Когда услышитъ, что люди про какое дѣло говорятъ, то и онъ расказывать похочетъ. Но понеже сей безпорядочныхъ мыслей человѣкъ весьма о другомъ, нежели о подлинныхъ обстоятельствахъ слышаннаго дѣла думалъ, то вмѣсто ихъ такія обстоятельства сказываетъ, какія ему въ умъ и на память придутъ. Я вздорнымъ людямъ весьма рѣдко вѣрю. Хотя изъ нихъ добрые, справедливые, и вѣрные люди бываютъ; однакожъ обыкновенное и почти природное ихъ невниманіе съ вертопрашествомъ наилучшія свойства къ житію и обхожденію свѣтскому испортить могутъ. Они съ наилучшимъ своимъ намѣреніемъ вредъ

здѣлать могутъ, для того что не ко времени передъ каждымъ человѣкомъ безъ всякой приличности и нужды проговариваются. Сія нескромность съ невоздержанїемъ собственныя ихъ дѣла портитъ. Никакой предосторожности имѣть и употребить не могутъ, хотя сами вѣдаютъ, что ко убѣжанїю всегдашней лести и обману въ свѣтѣ ничто такъ не нужно, какъ предосторожность. Сїижъ люди не только другимъ, но и себѣ самимъ опасны; ибо они въ дѣлахъ и словахъ своихъ толь неосторожно поступаютъ, что отъ невоздержныхъ движенїй, и отъ поспѣшности рѣчей ихъ весьма уберечь себя трудно. Умной человѣкъ отъ дружества и обхожденїя вздорныхъ, сколько можно, удаляется, вѣдая, что съ ними не только честь или имѣнїе, но и самое здоровье потерять можно. Такого нрава и состоянїя люди употребленїемъ двухъ способовъ всѣ свои непорядки разсыпать и уничтожить могутъ. Первой способъ состоитъ въ подлинномъ

линномъ и искреннемъ признанiи вздорнаго своего нрава, которое станетъ умъ его склонять къ лучшему и большему вниманiю. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобъ примѣчать поступки другихъ вздорныхъ и непорядочныхъ людей, впадающихъ невоздержностiю своею въ опасные случаи, и сiе видя примѣромъ ихъ пользоваться. Благорассудный прежде произнесенiя *да* и *нѣтъ*, весьма долго думаетъ, чтобъ ему не погрѣшить, и вздору не сказать. Онъ все то прилѣжно разсматриваетъ, что обѣщать, въ чѣмъ отказать, и какимъ образомъ отказъ свой одобрить. Онъ же на всѣ свои поступки острымъ и недремлющимъ окомъ смотритъ; ибо ему извѣстно, что отъ недостатку смотрѣнiя недостатокъ въ дѣлахъ произходитъ. Чѣмъ болѣе вниманiя и осторожности употребляетъ человѣкъ, тѣмъ умнѣе и постояннѣе становится. Человѣку прежде надобно учиться одному съ собою разсуждать, дабы потомъ съ людьми безопаснѣе говорить.

Емужъ надлежитъ частымъ вниманїемъ въ себя приходить, ежели отъ словъ и рѣчей своихъ честь и хвалу получить желаетъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЯЗЫКЪ КОМПЛИМЕНТИСТА.

Прáвило г.

Понеже обычай и употребленїе вводя комплименты, ихъ подкрѣпляютъ; то столько и такїе комплименты дѣлать надлежитъ, сколько время и употребленїе требуетъ.

Рассужденїе.

Хотя комплименты одни только внѣшнїя и такїя дѣйствїя, въ которыхъ сердце весьма рѣдко, и притомъ малое участїе имѣетъ; однакожъ умному человѣку съ учтивостїю ихъ принимать и отдавать надлежитъ. Умному извѣстно, что всѣ сїи обряды излишнїя на-

ружности

ружности. „Что можетъ быть то-
„го скучнѣе, когда человѣкъ при-
„нужденъ будетъ множество та-
„кихъ словъ говорить, которыя
„мнѣнію и намѣренію его весьма про-
„тивны? Какая суета, и поте-
„ряніе времени въ визитахъ, [по-
„сѣщеніяхъ] поздравленіяхъ, прïе-
„махъ, проводахъ, въ суетныхъ и
„бесполезныхъ съ обѣихъ сторонъ
„разговорахъ, въ церемоніальныхъ
„рѣчахъ, въ лестныхъ представле-
„ніяхъ, въ ложныхъ обѣщаніяхъ,
„въ ухищренныхъ похвалахъ, въ
„хитромъ многословіи, въ проныр-
„ливомъ притворствѣ, въ бого-
„мерзскомъ пустосвятствѣ предъ
„всѣми слушающими слова даю-
„щаго и принимающаго. Однимъ
„словомъ, все сїе ничто иное, какъ
„нарядной обманъ, и церемоніаль-
„ное ласкательство. Хотя ужѐ
„кто подлинно вѣдаетъ, что
„комплиментующей его обманы-
„ваетъ, и въ глазахъ ему лжетъ;
„однакожъ за сїю церемоніаль-
„ную ложь весьма благодарить
„долженъ. А хотя и компли-

„ комплиментистъ равнымъ обра-
„ зомъ знаетъ, что другой ему
„ ни въ одномъ словѣ не вѣ-
„ ритъ; однакожъ комплименты
„ свои смѣлымъ лицемъ, и потупя
„ глаза, или на предстоящаго бы-
„ стро смотря по ораторски такъ
„ расказываетъ, что ни въ одномъ
„ словѣ не запнется; а притомъ
„ одинъ другому такъ скученъ,
„ что бы и глазами на него не
„ глядѣлъ„. Хотя все сїе самая истинна; но понеже сїя комедїя во всемъ свѣтѣ играется, то и каждой человѣкъ избѣжать того не можетъ, чтобъ по чину и состоянїю своему комплиментовъ не дѣлать. Что сея вольности можетъ быть лучше, которая позволяетъ въ компанїю притти, и изъ оной вытти безъ принужденной церемонїи, и ученаго притворства? Хотя сїя свобода и весьма мнѣ нравна; однакожъ я по общему въ народѣ принятому обычаю поступаю. Понеже мы съ людьми живемъ, то и всѣмъ тѣмъ обычаямъ послѣдовать должны, кото-

которые отъ всѣхъ людей обще приняты: Употребленїе комплиментовъ, учтивая ложь, и ученой обманъ, которому не многїе вѣрятъ. Чего ради оные весьма умѣренно употреблять надлежитъ. Умные люди великимъ комплиментистамъ не очень вѣрятъ, и чрезвычайныя ихъ комплименты въ подозрѣнїи или ужè въ презрѣнїи имѣютъ; токмо весьма сего беречься надлежитъ, дабы худое воспитанїе такого мнѣнїя въ человѣкѣ не причинило, будто комплименты дѣло нужное и главной пунктъ учтивости.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ НАДЕСЯТЬ.

ЯЗЫКЪ ХВАЛЯЩАГО.

Прáвило I.

Разумныя и рассудительныя похвалы подобны изъ разныхъ вещей выбраннымъ наилучшимъ сладостямъ.

Рассужденїе.

Умному человѣку въ хвалахъ своихъ простому народу послѣдовать

вать не должно, ибо народъ почти всегда хвалимое, а весьма рѣдко истинной славы и похвалъ достойное хвалитъ.

Кто безъ различія
И всѣхъ хвалитъ и все,
Тотъ въ умѣ и разсужденіи
Вредъ себѣ наноситъ,
А ни одному человѣку
Чести тѣмъ не причиняетъ.

Мудрые и ученые люди въ такихъ похвалахъ ничего чрезвычайнаго не находятъ, вѣдая, что оныя безъ разсужденія имъ приписаны, и для того ихъ безъ благодаренія принимаютъ. Иные ближняго только для того хвалятъ, что онъ имъ изряденъ и хвалы достоинъ показался; а того не спрашиваютъ, что умные люди про него говорятъ, и какое объ немъ мнѣніе имѣютъ? Кто человѣка по виду и поступкамъ хвалы достойнаго увидя, искренно хвалить его похочетъ, тотъ болѣе добродѣтели и заслуги, нежели персональныя его доброты хвалить долженъ. Похвалъ

такъ много, и столь безразсудно дають, что и повѣрить не льзя, дабы умной человѣкъ веселїе и удовольствїе отъ того имѣлъ. Буде кто во мнѣ то хвалитъ, чего я либо совсѣмъ не имѣю, либо не заслужилъ, то сїе его величанїе болѣе за презрѣнїе, нежели за хвалу почитаю. Я никакихъ о себѣ похвалъ слушать не люблю, для того что ничего хвалы достойнаго въ себѣ не имѣю и не признаваю.

Прáвило 2.

Всѣ тѣ похвалы смѣшны, ежели человѣка за то хвалятъ, чего въ немъ нѣтъ, и что ему не принадлежитъ.

Рассужденїе.

За то человѣка хвали, чего у него никто отнять, и никто ему дать не можетъ, и что его собственное, то есть хвали въ немъ такой резумъ, которой бы въ намѣренїяхъ, въ рассужденїяхъ и въ поступкахъ безъ порока былъ. Понеже человѣкъ разумное созданїе, то слѣдственно и совершенъ.

Ежели

Ежели всѣ совершенства въ себѣ имѣетъ, которыхъ натура отъ него требуетъ, то сїе самое его истинной похвалы достойнымъ творитъ. А кто человѣка за постороннее хвалитъ, тотъ излишнїя и весьма непристойныя похвалы ему приписываетъ; а чрезъ сїе тайно въ стыдъ и смятенїе приводитъ Ибо ежели кто за чужое и несвойственное кого хвалитъ, тотъ даетъ знать, что въ немъ ничего хвалы достойнаго нѣтъ. Умной непринадлежащую себѣ похвалу за такую образу почитаетъ, будто ничего хвалы достойнаго заслужитъ не умѣетъ. Онъ отъ сихъ похвалъ болѣе наставленїя, нежели суеты получаетъ, для подлиннаго исцѣленїя, а не ради ласкательства и умноженїя своей болѣзни.

Пра́вило 3.

Тѣ не столько хвалятъ, которые меньше всѣхъ похвалы достойны.

Рассужденїе.

Понеже они въ самихъ себѣ весьма мало заслугъ чувствуютъ, то

по

по сей зависти и ревнію ни въ комъ добродѣтели признать, и оныхъ хвалить не хотятъ; но въ такомъ суетномъ мнѣніи остаются, ежели имъ кого похвалить, то будтобы чрезъ сіе самимъ себѣ бесчестіе нанести. Но понеже похвала правымъ поистиннѣ подобаетъ, и всякому совершенству достойной долгъ; то въ отданіи заслужившимъ и достойнымъ сего долгу всеобщая и публичная польза состоитъ; ибо чрезъ сіе умножается превосходство наукъ и художествъ. Заслуженная похвала зажигаетъ въ такихъ случаяхъ храбрость съ великодушіемъ, въ которыхъ бы сіи добродѣтели безъ похвалы угаснуть могли. Надлежитъ при семъ и то напомянуть, что человѣкъ отданіемъ должной чести, и достойной хвалы другимъ самъ себѣ почтеніе и хвалу присовокупляетъ.

Правило

Пра́вило 4.

Кто хвалитъ для угожденія, тотъ умъ и разсужденіе свое плѣнниками учтивства творитъ.

Разсужденіе.

Намѣряющейся хвалить для угожденія можетъ иногда не по достоинству хвалить; а къ хвалѣ непремѣнно склонившаяся воля, умъ и разсужденіе къ обрѣтенію притчины къ хвалѣ неослабно побуждаетъ, а чрезъ то какъ умъ такъ и разсужденіе учтивству въ неволю и рабство отдаетъ. А ежели ничего достойнаго хвалы не найдетъ; то и не по заслугамъ хвалитъ. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ показываетъ себя столько достойнымъ презрѣнія, сколько другихъ своею хвалою похвалы достойными учинить хочетъ, и желая угодить одному, у многихъ себя въ презрѣніе приводитъ; ибо удаляющихся отъ правды всякой человѣкъ осуждаетъ. Естьли же кто съ его мнѣніемъ согласится, или къ намѣреніямъ

ямъ онаго пристанетъ ; то сїе по какой нибудь корыстной страсти учинитъ, а безъ того всякъ здраваго ума и рассужденїя человѣкъ знаетъ , что лжи и неправды никто хвалить не можетъ. Какъ бы человѣкъ внѣшними словами натуральной законъ ни атаковалъ , однако внутренняя наша тайнѣйшими рассужденїями должность свою ему отдаетъ. Ежели мнѣ прикажутъ въ честь и славу другихъ похвальныя рѣчи сочинять ; то я сїе съ охотою исполню , только бы того отъ меня не требовали , чтобъ мнѣ самому ложью и вымышленными неправдами въ стыдъ и смятенїе притти.

Пра́вило 5.

Человѣку ничто такъ не прїятно, какъ отъ другихъ приносимая о немъ похвала ; а сего ужѐ противнѣе нѣтъ , ежели кто самъ себя хвалитъ.

Рассужденїе.

Люди произносимую о себѣ похвалу тѣмъ прїятнѣе принимаютъ , что

что чувствованіе заслуженой хвалы всякому человѣку природно, и такъ чувствительно, что за полученіе оной не только имѣніе, но и самую жизнь теряютъ. Александръ великій Афинянамъ сказалъ: „Ежели бы вы, о Афиняне! знали, „сколько я за сіе терплю, дабы „только отъ васъ хвалу получить„. Сколь пріятно и радостно человѣку сіе, ежели другіе, указывая на него, въ слухъ говорятъ: Тотъ то Генералъ славныя и многія побѣды надъ непріятелемъ одержалъ. Сей ученой человѣкъ всѣ пріятности и учтивства необходимыя въ свѣтскомъ обхожденіи съ глубокимъ понятіемъ высочайшихъ наукъ, не выходя изъ кабинета своего, соединилъ. Сей то Министръ посреди долговременной и непоколебимой заслугами полученной чести съ высокими достоинствами, всегда кротокъ, снисходителенъ, ко всѣмъ пріятенъ и милостивъ. Сей бескорыстной мужъ нажилъ богатство безъ обидъ и неправды, владѣніемъ онаго не гор-

дится,

дится, о потерянiи безрассудно не печалится и не болѣзнуетъ; а имѣя оное въ рукахъ, не только въ свою пользу и услугу, но и на вспоможенiе ближнему употребляетъ. Сей человѣкъ всегда удаляется отъ роскошныхъ невоздержностей, но по случаю и нуждѣ удовольствiя и забавы употребляетъ. По сему ни одного человѣка не сыщется, которой бы приписуемыхъ себѣ справедливыхъ похвалъ съ охотою и веселiемъ не слушалъ. А притомъ ничего противнѣе нѣтъ, какъ собственная человѣка предъ другими о себѣ хвала, и самаго себя прославленiе; ибо чѣмъ болѣе человѣкъ себя почитаетъ, тѣмъ въ большее презрѣнiе у другихъ приходитъ. Собственная хвала объявляетъ чрезвычайное самолюбiе, и великую въ человѣкѣ суету съ тщеславiемъ, которое самолюбиваго у людей сперьва въ посмѣянiе, потóмъ въ ненависть, а на конецъ и въ совершенное омерзѣнiе привести можетъ.

Прáвило

Правило. 6.

Многія похвалы на интересѣ основаны бываютъ.

Рассужденіе.

Иные хвалятъ не для славы другихъ, но болѣе ради своей собственной пользы, какимъ бы то образомъ ни было. Почти никто безъ того охотно не хвалитъ, чтобъ изъ сея хвалы хотя малаго обороту на свою персону не имѣть. Хваленіе есть искусное, тайное и нѣжное ласкательство, отъ котораго на обѣ стороны удовольствіе приходитъ, а именно дающему и принимающему оное. Одинъ пріемлетъ хвалу за воздаяніе заслугамъ своимъ, а другой оную даетъ на показаніе своего ума и знанія. Иные хвалятъ для полученія обратной похвалы, другіе ради отворенія себѣ дороги къ щастію, третьи для убѣжанія отъ вреда, четвертые для сисканія удовольствія, а бо́льшая часть хвалимыхъ съ такимъ добрымъ сердцемъ приносимыя себѣ

хвалы принимаютъ, будто притчиною тому единственно слова ихъ. Кто кого за подарки хвалитъ, тотъ его уподобляетъ вѣтряной мѣльницѣ, которая тѣмъ болѣе муки мѣлетъ, чѣмъ сильнѣе вѣтръ въ оную дуетъ. Кто хвалы и ласкательства чрезвычайно любитъ, тотъ не рассуждаетъ, что онъ въ сѣти сихъ хвалителей впасть можетъ: ибо для котораго корыстнаго намѣренія они человѣка хвалятъ, для той же самой притчины и злословить его могутъ. Ежели сіи ублажатели хотя малую корысть и пользу увидятъ, то самаго подлѣйшаго, уповая отъ него нѣчто получить, выше лучшаго человѣка лестными похвалами возвысить могутъ, забывъ и презирая всѣ прежнія благодѣянія. Я бы изъ устъ такихъ людей ни малой хвалы слышать не хотѣлъ, и лучшебъ желалъ, что бы они меня никогда не знали, нежелибъ хвалили. Когда они меня не знаютъ, то и зла мнѣ дѣлать не подумаютъ; а

узнавъ и похваливши, могутъ стараться о поврежденіи мнѣ, ежели я по желанію, и за хвалу ихъ не награжу или отъ непріятелей моихъ бо́льшаго награжденія уповать могутъ.

Пра́вило 7.

Никогда похвалъ не ищи, да только о томъ старайся, чтобъ оныя заслужить.

Рассужденіе.

Люди такому своенравному непостоянству подвержены, что тотъ человѣкъ славы и покоя своего очевидно лишается, которой хвалу и почтеніе свое на народномъ величаніи утверждаетъ. Умному того довольно, чтобъ добрыя и истинной славы достойныя дѣлѣ исполнять, а о народной хвалѣ не печалиться, вѣдая, что она не только на одномъ перемѣняется, но и весьма скоро изчезаетъ; а добродѣтель безсмертна и похвалы достойна. „Честолюбіе есть „подлинное безумство, и совер„шенная суета. Честолюбивой „чело-

,, человѣкъ бѣгаетъ за дымомъ, и
,, гоняется за тѣнью, оставя
,, солнце, то есть, не здѣлавъ
,, добродѣтели, ищетъ отъ лю-
,, дей суетной славы, всю свою
,, природную свободу добровольно
,, оставляетъ, для послѣдова-
,, нія чужой страсти; самъ себѣ
,, вредитъ и прогнѣвляетъ въ угож-
,, деніе смотрящимъ; такъ добро-
,, дѣтель любитъ, какова она
,, народу угодна, благое творитъ
,, не для воздаянія отъ Бога,
,, но ради славы и почтенія отъ
людей,,. О семъ нѣкто изъ уче-
ныхъ весьма разумно написалъ:
,,Всякая хвала въ то время изряд-
,, на, ежели оная отъ любящихъ
,, правду, и истинную добродѣ-
,, тель почитающихъ происхо-
,, дитъ. Токмо мнѣ чрезмѣрное лю-
,, бленіе чести и похвалъ весьма
,, страшно, для того что онѣ
,, человѣка весьма повреждаютъ:
,, вперяютъ безмѣрное самолюбіе, и
,, наполняютъ суетою и тщесла-
,, віемъ. Разумной тѣмъ доволь-
,, ствуется, чтобъ хвалу добродѣ-

Д 2 тельми

„ тельми своими отъ всѣхъ заслу-
„ жить, а отъ льстецовъ и ласка-
„ телей бѣгать. Наилучшая есть
„ хвала, кто кого въ отсутствіи
„ хвалитъ, ежели отсутствую-
„ щей сей хвалы подлинно досто-
„ инъ. Ежели вы меня подлинно
„ за добраго почитаете, то вѣрь-
„ те, что я всегда скромнымъ
„ буду, а суеты и тщеславія ко-
„ нечно бояться стану. Притомъ
„ прошу васъ отъ такихъ похвалъ
„ меня уволить, которыя добро-
„ дѣтель мою повредивши, къ са-
„ молюбію привесть могутъ„. Буде человѣкъ къ ласкательствамъ склонится, то оныя смѣшнымъ его учинятъ; буде же на остроумныя или нѣжныя похвалы польстится, то онѣ человѣка самолюбіемъ ослѣпивши, въ крайнюю суету приведутъ; а съ праведными заслугами и истинною добродѣтелію человѣкъ ни суетенъ, ни безчестенъ, ни смѣшонъ, ни поруганъ не будетъ.

Правило

Прáвило 8.

Великое искусство, когда кто въ хвалѣ мѣру знаетъ.

Рассужденіе.

Всѣми силами того хранится надлежитъ, дабы хвалою своею малѣйшаго карла чрезвычайнымъ великаномъ, а наибольшаго исполина или гиганта не обыкновенной малости карликомъ не учинить. Въ первомъ случаѣ покажется, что хвалящей о заслугахъ хвалимаго сомнѣвается, когда не по должности его хвалитъ; а по второму человѣкъ самъ надъ собою, или надъ другими смѣется. Но всего лучше сказать, что чрезвычайными похвалами возбуждается любопытство, а зависть такъ поощряется, что ежели въ хвалимомъ того нѣтъ, за что его такъ много хвалятъ, какъ сіе весьма часто случается, то всякъ увидя ясно такое ласкательство хвалящаго и хвалимаго въ смѣхъ и въ поруганіе приведетъ.

Умѣренная похвала отъ всѣхъ изрядно принимается, наподобїе сшитаго платья, которое смотрящимъ нравно, а носящему въ пору и покойно.

Правило 9.

Какъ на слушающихъ такъ и на принимающихъ твои похвалы съ равнымъ примѣчанїемъ смотрѣть надобно.

Весьма непристойно хвалить подчиненнаго въ присутствїи начальника его за такїя заслуги, за которыя оба они равной себѣ похвалы уповаютъ; или бы я передъ глазами моего друга сталъ хвалить озлобителя и непрїятеля его.

Правило 10.

Кто хвалу чрезвычайно любитъ, тотъ желаетъ, дабы никого кромѣ его не хвалили.

Рассужденїе.

Для сего то иные ни другихъ хвалить, ни отъ нихъ похвало принимать не могутъ, сказывая, будтъ

будто его любленіе правды къ сему не допускаетъ; только еще подлинно неизвѣстно, можно ли сему вѣрить, ибо уже самое искусство показало, что многимъ сіе непротивно, когда ихъ за такія добродѣтели и заслуги хвалятъ, какихъ они не имѣютъ. А другихъ какъ бы кто ни хвалилъ, однако тѣмъ ихъ не удивитъ; ибо они и безъ посторонняго разхваливанія отъ природы влїянные таланты, также наукою и тщаніемъ прїобрѣтенныя свои добродѣтели и заслуги знаютъ; а ежели иногда по справедливости и заслугамъ своимъ приносимыхъ себѣ похвалъ не примутъ, и то дѣлаютъ для полученія большаго хваленія, или уже для того, чтобъ самимъ никого не хвалить.

ЯЗЫКЪ ЛАСКАТЕЛЯ.

Пра́вило 1.

Человѣкъ самому себѣ первой ласкатель.

Рассужденїе.

Всякъ изъ насъ прежде всѣхъ себѣ ласкать тщится. Не собственное ли ласкательство, когда человѣкъ о своихъ талантахъ высокоумствуетъ, мнѣнїя свои оправдаетъ, а притомъ никого лучше и совершеннѣе себя не ставитъ? Что уже ласкателямъ больше для насъ дѣлать? Не того ли мы отъ всѣхъ желаемъ, что бы поступкамъ нашимъ премудрость приписывали, мнѣнїя справедливыми, а мысли остроумными почитали? Чрезъ сїе то подаемъ мы поводы ласкательству, а интересъ многихъ людей побуждаетъ, употреблять оной въ свою пользу. Почти никто отъ ласкателей замко́мъ воротъ своихъ не запираетъ, но токмо слегка притворенныя оставляетъ. Нѣкоторой

которой ласкатель сходно съ мнѣнїемъ подобныхъ себѣ слѣдующїя слова говорилъ: „Мои остроумныя
„ униженности и искательства съ
„ прїятнымъ учтивствомъ сердце нѣкотораго такъ склонили,
„ что я въ состоянїи учинить ему
„ вѣроятными всѣ мои предложенїя. На чтожъ меня благая при-
„ рода такимъ щастливымъ та-
„ лантомъ одарила, какъ не на
„ сїе, дабы онымъ какъ возможно
„ пользоваться во уловленїи чело-
„ вѣческихъ слабостей, изъ кото-
„ рыхъ любленїе похвалъ съ безум-
„ ною гордостью наибольшїя суть; а
„ я научился такимъ страстямъ
„ подверженныхъ людей съ сихъ сла-
„ быхъ мѣстъ атаковать, для того
„ что они обмануты быть хо-
„ тятъ. Я умѣю недостатки и
„ пороки ихъ ублажать, безумства
„ ихъ хвалить, а въ страстяхъ
„ ихъ участїе принимать при-
„ выкъ, и вникнувши къ познанїю
„ слабостей ихъ, всѣ мои поступ-
„ ки смотря по ихъ учреждаю.
„ Буде они веселы, то и я веселюсь,

„ а ежели печальны, то сѣтую
„ и плачу; а чрезъ сїе въ такой
„ себя кредитъ и любовь у нихъ
„ привожу, что они безъ меня
„ пробыть не могутъ. Симъ спосо-
„ бомъ искусной человѣкъ слабоу-
„ мїе знатныхъ въ свою поль-
„ зу употребляетъ, и такими
„ дверьми толь многїе люди въ
„ домъ фортуны приходятъ. У
„ меня ни деревень ни дворовъ
„ нѣтъ, торговъ и промысловъ не
„ бывало, жалованья и доходовъ
„ ни откуды не получаю, но од-
„ ною хвалою и ласканїемъ такихъ
„ людей живу, которые все сїе
„ имѣютъ. То у меня лавки и де-
„ ревни; хотя доходы съ нихъ
„ неисправны, только владѣнїе и
„ наслѣдство подлинно. А безу-
„ мїе съ суетою людей такой ка-
„ питалъ, которой никогда не про-
„ падаетъ.

Въ такое состоянїе приводимъ мы сами себя своимъ самолюбїемъ, которое хуже всѣхъ ласкателей и льстецовъ. Когда мы сами себѣ льстить не будемъ, то никто

намъ

намЪ ласкать не посмѢетЪ. Ежели люди примѢтятЪ, что мы ничѢмЪ знатнымЪ и отмѢннымЪ быть не желаемЪ, то никто сего труда на себя не возметЪ, чтобЪ важность и добродѢтель нашу испытать. Сїе то пристрастное желанїе ласкательства всѢ нынѢшнія компанїи и обходительства торгомЪ вымышленныхЪ лжей, а притомЪ зборищемЪ выбранныхЪ и притворныхЪ похвалЪ учинило. ГдѢ одинЪ отЪ другова всякихЪ ласкательствЪ ждетЪ и надѢется, другЪ другу вЪ подаваемыхЪ похвалахЪ завидуетЪ, одинЪ другова пороки за добродѢтель почитаетЪ, для прикрытїя собственныхЪ погрѢшностей, вЪ такихЪ случаяхЪ ложь за учтивство, а обманЪ за искусство почитается. Понеже люди правды для того не любятЪ, что она ихЪ смиряетЪ, то вмѢсто сего сказываютЪ ложь для того, что она ласкаетЪ и манитЪ. ВсѢ сїи праведныя разсужденїя учатЪ человѢка, что чѢмЪ болѢе онЪ будетЪ любить

ласкательство, тѣмъ больше отъ добродѣтели и совершенства удалится. Ибо собственные пороки и погрѣшности сами отъ себя скрывая, и не позволяя другимъ обьявлять, никогда оныя исправить не возможемъ. Умной лучше желаетъ, чтобъ никогда объ немъ не упоминали, нежели съ безмѣрными хвалами говорили. Кто въ разговорахъ обо мнѣ молчитъ, тотъ никакого вреда не здѣлаетъ; а чрезвычайными похвалами всеконечно зависть и любопытство противъ меня возбудитъ. А ежели люди увидятъ, что я произнесенныхъ обо мнѣ похвалъ недостоинъ [а сїе легко случиться можетъ], то меня вмѣсто почтенїя презирать станутъ; и такъ вмѣсто уповаемой отъ ласкателя ложной славы можетъ человѣкъ въ подлинное безчестїе притти. Ласкательство само собою не только никакого добра въ человѣкѣ произвесть не можетъ, но еще и то добро портитъ, которое въ немъ находится. Отъ меня ласкатели тѣмъ меньше пользы по-

получатъ, что я себя самъ больше ихъ знаю, и никакимъ ихъ улещаніямъ не вѣрю; а ласкательства ихъ такую пользу приносятъ, что вмѣсто наставленія, показываютъ, какову мнѣ быть надлежитъ.

Правило 2.

Ласкатели то дѣлаютъ, что похвалами своими о мнимыхъ заслугахъ и несущихъ добродѣтеляхъ знатныхъ людей въ безславіе приводятъ.

Рассужденіе.

Между живущими на землѣ вельможи больше всѣхъ себя любятъ, и слѣдственно желаютъ, что бы люди прежде и больше всѣхъ имъ ласкали, а хвалы бы свои по мѣрѣ знатности ихъ персонъ, и высокихъ достоинствъ учреждали.

Пользою и преимуществомъ своей власти не довольствуясь, требуютъ еще почтенія; а кто имъ онаго не оказываетъ, тому они

страшными себя кажутъ. Имѣя въ рукахъ своихъ наказанїе и воздаянїе, по своей волѣ употребляютъ, а сїе весьма многихъ ласкателей имъ привлекаетъ, для страху или ради прибыли. Сїи ласкатели больше всего о томъ стараются, какъ бы пороки вельможъ хвалами своими подкрѣплять, а нѣкоторыя на добродѣтель похожїя обстоятельства остроумными ублажанїи возносить; а оные виды ни какой твердости, ни истинной славы не имѣютъ. Крайнее тщанїе прилагаютъ о закрытїи правды, чтобъ она ихъ не уязвила, и для того всякїя дѣла сихъ великихъ людей извиняя правятъ. Ласкатели гораздо злѣе ласкаемыхъ, для того что сею подлою своею страстью, то есть похлѣбствомъ, другихъ людей въ гордость и безчинство приводятъ. Повреждаютъ скромность знатныхъ притворнымъ удивленїемъ великолѣпїю и славѣ, а притомъ чрезвычайною хвалою богатства и великаго имѣнїя ихъ. Чтобъ было въ великомъ изобилїи преизрядныхъ

изрядныхъ ѣствъ, ежелибъ никто оныхъ не вкусилъ? а временемъ отъ безмѣрнаго излишества приходитъ омерзѣніе. Чтобъ было въ богатыхъ уборахъ, и великолѣпныхъ палатахъ ихъ, ежелибъ никто ихъ не видалъ? ибо сіи вещи сами въ себѣ не великой важности, ежели никто ихъ не хвалитъ, а имѣющаго оныя благополучнымъ не почитаетъ. Иногда учтивства ласкателей не только чрезмѣрны, но и смѣшны бываютъ.

Филиппъ Царь Македонскій принужденъ былъ для полученной раны на головѣ пластырь носить; чего ради многіе изъ придворныхъ его во угожденіе ему такіе же пластыри на головахъ имѣли. Король Денисъ меньшей весьма слабой видъ имѣлъ, и отъ того часто въ хожденіи запинался, что примѣтя придворные, во угожденіе своему Монарху начали не только спотыкаться, но и власно какъ бы слѣпые другъ объ друга биться.

Комбалъ, Фаворитъ Короля Селевка, и любимецъ Стратоники супруги

супруги его самъ себя евнухомъ здѣлалъ для убѣжанія хулы и порицанія, что всѣ тѣ учинили, которые въ семъ великомъ человѣкѣ милости искали. Понеже Король Митридатъ любилъ въ лѣчении и въ Хирургіи упражняться, то ласкатели давали ему члены свои рѣзать, и потомъ лѣчить. Похлѣбствующіе Аристотелю также заикались, какъ онъ. А понеже Александръ великой искривя голову ходилъ, то многіе для мнимаго ему угожденія тожъ дѣлали. Ничто такъ не подло, какъ льстецъ и ласкатель, которой болѣе съ трусости, нежели для учтивства всякія рѣчи хвалитъ, не зная различія между праведнымъ и ложнымъ, также между добрымъ и злымъ.

Сіе поступку похлѣбствующихъ тѣмъ въ большее презрѣніе приводитъ, что они пороки и погрѣшности тѣхъ людей хвалятъ, которымъ льстятъ и похлѣбствуютъ, а неправды оправдаютъ, и чрезъ то въ непорядкахъ

жахъ ихъ подкрѣпляютъ, а въ страстяхъ усиливаютъ.

„Камбизъ Царь Персидскій при-„нявъ намѣреніе жениться на сес-„трѣ своей, спросилъ перьвѣйшихъ „судей въ Персіи, есть ли такіе „законы, которые бы сіе дѣло „позволили? на что судьи Царю „отвѣчали: поистиннѣ сказать, „хотя на сіе позволяющихъ зако-„новъ и нѣтъ, однако же такое „право есть, которое Царю даетъ „волю все то дѣлать, что ему „угодно„.

Сколь безсчастны славные и возвышенные въ родѣ человѣческомъ? Они не могутъ видѣть чистой правды собственными глазами; при нихъ живущіе рѣдко кого съ правдою до ихъ персоны допускаютъ; всякъ старается имъ ласкать и обманывать. Подъ видомъ усердія и ревности таится честолюбіе; подъ образомъ любви къ государю только богатства и чести отъ него желаютъ.

И такъ подлинно вѣрить надлежитъ, что вельможи, и славные

ные въ свѣтѣ весьма меньшему осужденїю подвержены, но ласкатели ихъ почти во всемъ виноваты. По сему о нещастїи знатныхъ сожалѣть, а злобу и лесть похлѣбствующихъ и манящихъ имъ въ крайнемъ омерзѣнїи имѣть надлежитъ. Отъ сея моровой язвы и тлѣтворнаго вѣтра роду человѣческому то наилучшее лѣкарство, дабы всякую отъ ласкательства произходящую гордость смиреннымъ признанїемъ отгонять, и ни какой надежды ласкателямъ не давать къ полученїю пользы за похлѣбство и ласканїе ихъ. То человѣку лучшая слава, и большая похвала, дабы совершенство съ добродѣтельми въ себѣ имѣть, а самому оными не хвалиться, и не желать, чтобъ другїе про него говорили; ибо добродѣтель въ то время совершенна и тверда, когда вѣтръ суеты и тщеславїя оную не подкрѣпляетъ.

Пра́вило

Правило 3.

Человѣкъ упаенiемъ собственныхъ пороковъ прикрываетъ погрѣшности другихъ.

Рассужденiе.

Сему главная притчина та, что когда человѣкъ ласкаетъ другимъ, то самъ отъ нихъ ласканiя желаетъ. Прощая грѣхи чужiе, о своихъ грѣхахъ прощенiя проситъ. Хотя люди симъ образомъ для взаимной благодарности торгуютъ; однако рѣдко кто отъ промысла истинную и твердую пользу получаетъ. Всѣ сiи похлѣбства ни малаго совершенства въ ласкаемыхъ не причиняютъ, а ласкателей у слушающихъ въ жалость и омерзѣнiе приводятъ. Ежели вспомнимъ, какое презрѣнiе мы къ тѣмъ имѣли, которые ласкательство съ прiязнью и сладостiю вкушали; то подлинно рассудимъ, что люди и насъ также презирать станутъ, ежели мы на такую же сладость польстимся.

Правило

Пра́вило 4.

Не такЪ отЪ похлѣбства удалятъся должно, чтобЪ вмѣсто ласкателя грубымЪ здѣлаться.

Рассужденїе.

ПороковЪ не ласкать изрядно, а добродѣтели никогда не хвалить весьма зло. ТотЪ уже́ совершенство хулитЪ, кто надлежащей ему похвалы не отдаетЪ. Сїе добродѣтели хула, чтобЪ надлежащей хвалы ей не отдавать, или по крайней мѣрѣ поводЪ кЪ вѣроятїю, что человѣкЪ угрызается завистїю или ненавистїю на тѣхЪ, чьихЪ дѣлЪ хвалить не хочетЪ, какой бы оныя славы и чести достойны ни были. Мы обыкновенно тѣхЪ со удовольствїемЪ переговариваемЪ, которыхЪ хвалить трудно, и такЪ всѣ тѣ вЪ свѣтскомЪ обхожденїи несносны, которые притворною нѣжностїю совѣсти, ничего хвалить не хотятЪ. такїе люди ни малѣйшей сладости учтивства вЪ компанїи дать не хотятЪ, и ничего кромѣ горѣсти во оную не приносятЪ.

ЯЗЫКЪ ЛЖЕЦА.

Правило I.

Ложъ богу противна, а людямъ мерзска.

Рассужденіе.

Сія подлая слабость причиняя отъ людей страхъ, принуждаетъ человѣка быть предателемъ правды въ объявленіи лжи. А когда уже какъ трусость, такъ и слабость равнаго презрѣнія достойны; то слѣдственно и лжецъ такомуже омерзѣнію подверженъ. Но понеже лжецъ боится людей, то чрезъ сіе показываетъ, что онъ Бога не боится. Ибо не рассуждая о томъ, что Богъ тайнѣйшія помышленія сердецъ нашихъ вѣдая, и хитрѣйшія предательства человѣческія знаетъ, то поруганіемъ правды самого себя ругаетъ, и потому самъ своему ругательству и ненависти притчиною, для того что и самъ ложнаго никогда

любить

любить не можетъ и не будетъ. Ложъ такъ мерзска, что всякой человѣкъ, какой бы онъ лжецъ ни былъ, лжи въ другомъ человѣкѣ терпѣть не можетъ. Правда Богу и людямъ такъ угодна, что всякъ признаваетъ, какого высокаго почтенія истинна достойна, хотя ей ни кто надлежащей чести не отдаетъ. Когда человѣкъ отъ правды удалится, тогда внутренняя прада, которой ни кто уничтожить не можетъ, тайно человѣка осуждаетъ, и сіе бы его безъ сомнѣнія къ должности его привело, ежели бы развращеніе поврежденнаго сердца отъ того не отвлекало. Интересъ страстей нашихъ принуждаетъ насъ лгать, а обыкновеніе во лжи такъ лживымъ и обманчивымъ человѣка творитъ, что обманувши другихъ напослѣдокъ самъ себя прельщаетъ и обманываетъ. А отъ того приходитъ, что слова̀ наши невнятны, поступки неправы, дѣла̀ развращенны, намѣренія безъ исполненія, а поведеніе наше безъ мѣры и безъ

и безъ правила бываетъ; а все сїе отъ того случается, что правда насъ за руку не водитъ, а кромѣ ея одной никто истиннымъ человѣку предводителемъ быть не можетъ. Первое начало развращенїю сердца человѣческаго есть изгнанїе правды. Я ничего такъ не боюсь, какъ неправеднымъ быть; а ежели я лживъ, то ни съ Богомъ ни съ людьми, ни съ самимъ собою согласенъ не буду.

Правило 2.

У кого ложъ въ словахъ, тому въ компанїи не вѣрятъ.

Рассужденїе.

Всякая ложъ въ обхожденїи человѣческомъ противна, а всякой лжецъ обману, и за то омерзѣнїю всякаго человѣка въ компанїи подверженъ; и потому никто словамъ его не вѣритъ, вѣдая, что оныя съ его сердцемъ никогда не сходны. По истиннѣ, ложъ великой порокъ. Мы живемъ и соединяемся словомъ, а кто въ словѣ лжетъ, тотъ все общество предаетъ. Симъ единымъ

орудїемъ воля съ мыслїю человѣческою сообщается. Слово есть переводчикъ мыслей; а ежели оно насъ обманываетъ, то все обхожденїе человѣческое разрываетъ, а и правдѣ во устахъ лжеца не вѣрятъ, но всегда ее за басни и скаски почитаютъ, какъ бы онъ ни божился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ САМОХВАЛА.

Правило I.

Тѣ обыкновенно высочайшимъ голосомъ говорятъ, которые трусливѣе и отчаяннѣе другихъ.

Рассужденїе.

Для чего бы человѣку самому себя хвалить и тщеславиться, ежелибъ онъ не желалъ у слышателей своихъ не только вѣроятїе, но и хвалу силою получить? а самъ знаетъ и въ себѣ и чувствуетъ, что ни одного ни другова не достоинъ

достоинъ. Сїя неизвѣстность и сомнѣнїе о полученїи желаемой славы, причиняетъ въ умныхъ людяхъ невѣроятїе словамъ его; ибо самое искусство показало, что дѣла́ самохваловъ съ словами ихъ весьма не сходны.

Слова́ показываютъ храбрость, а дѣла́ свидѣтельствуютъ о истинномъ состоянїи человѣка; а ежелибъ самохвалъ больше дѣлалъ, тобъ ужѐ всеконечно меньше говорилъ, вѣдая, что дѣла сами о себѣ говорятъ. Но понеже онъ ни о чемъ кромѣ многорѣчїя не думаетъ, то между тѣмъ о дѣлахъ не рачитъ. Уповая хвастовскими словами своими другихъ увѣрить, о исполненїи великихъ дѣлъ не мыслитъ, и о томъ не рассуждаетъ, что говорить очень легко, а дѣломъ исполнить весьма трудно. Ежелибъ можно было одними словами славу получить, то для чегобы и великїя дѣла предпринимать? Всякому человѣку свойственно, чтобъ въ такихъ дѣлахъ и случаяхъ кратчай-

шею дорогою итти, по которымъ въ желенiяхъ своихъ успѣхъ получить уповаетъ. Хотя онъ надѣется, что правъ и безопасенъ, но въ сей надѣждѣ многiе весьма часто обманываются. О великихъ самохвалахъ весьма говорятъ не почтительно. Хотя отъ словъ и самохвальства ихъ великой шумъ происходитъ, только они симъ штурмомъ сами себя безпокойными творятъ, а уши слышателей крикомъ своимъ повреждаютъ. Хотя за важныхъ людей почтены быть желаютъ, однакожъ другiе скучными ихъ зовутъ. Желаютъ, чтобъ всѣ про нихъ говорили, что хотя и исполняется, однако не въ пользу, но больше ко вреду, и не къ хвалѣ, но къ беславiю за суесловство и тщеславiе ихъ. Чѣмъ болѣе хвалятся, тѣмъ больше побуждаютъ людей къ разсмотрѣнiю дѣлъ и поступокъ своихъ, и потому хотя думаютъ, что они самохвальствомъ своимъ быстро впередъ забѣжали, однако по дѣламъ своимъ далеко назади остались.

лись. Котораго человѣка много хвалятъ тотъ для умноженія своей славы великія заслуги показать долженъ; ибо смотрящему высокое мнѣніе имѣть не друдно, а тому несравненно труднѣе, для удовольствія всѣхъ тѣхъ великія дѣла дѣлать, кои на него смотрятъ. Обыкновенное нещастіе славныхъ людей въ томъ состоитъ, что они въ то совершенство не приходятъ, котораго люди отъ нихъ чаяли, и дѣйствіемъ того не исполняютъ, чего отъ нихъ надѣялись. Умной человѣкъ ничѣмъ не хвалится, но того болѣе желаетъ, чтобъ люди его прославляли, нежелибъ за его самохвальство безславили. Единственно за свою должность признаваетъ исполненіе того, что истиннаго почтенія и славы достойно, а должную за сіе похвалу другимъ оставляетъ, и на ихъ волю предаетъ.

Правило 2.

Кто учиненнымъ добрымъ дѣломъ хвалится, о томъ будутъ думать, что онъ сїе токмо для самохвальства и тщеславїя здѣлалъ.

Рассужденїе.

Умное и рассудительное молчанїе о учиненномъ добрѣ подобно тѣни въ живописной работѣ, которая тѣмъ всю живопись украшаетъ. Кто о своихъ добрыхъ дѣлахъ молчитъ, того добродѣтель наиболѣе прославляетъ. Которая скромность его къ утаенїю принуждаетъ, та понуждаетъ другихъ къ объявленїю. Всякъ почитаетъ себя обязаннаго къ прославленїю тѣхъ его добродѣтелей, которыя онъ самъ таитъ; и такъ слава за нимъ въ самыя отдаленнѣйшїя мѣста добровольнаго его уединенїя гонится, для изведенїя его на свѣтъ, и для отданїя ему той чести, которую добродѣтель всегда требовать можетъ. Самохваламъ все противное дѣлается. Ибо люди думаютъ,

думаютъ, будто они добро только для того дѣлаютъ, чтобъ самимъ про оное всегда говорить, и передъ свѣтомъ тщеславиться; а для того никто про нихъ не говоритъ, такъ какъ бы они ничего не дѣлывали. Умной желаетъ столько добра дѣлать, сколько законъ добраго примѣра отъ него требуетъ. Ежели кто дѣла другова хвалитъ, то всѣ ему удивляются, а кто самъ себя хвалить начнетъ, того всѣ презираютъ, и суетнымъ самохваломъ зовутъ. Онъ сїю славу собственнымъ языкомъ потерялъ, а ежелибъ молчалъ, тобъ она цѣла и сохранна была. Самохвалы также какъ имѣющїе цынгу во ртѣ, или другой худой запахъ людямъ противны.

Пра́вило. 3.

Кто много хвалится для полученїя славы, тотъ никогда того не дѣлаетъ, что говоритъ.

Рассужденїе.

Не мало такихъ суетныхъ самохваловъ на свѣтѣ, которые лукавствомъ людей обнадеживаютъ,

будто они другимъ все дѣлать въ состоянїи, а сами себѣ помо́чь и ничего здѣлать не могутъ. Сїи самохвалы подобны такимъ обманщикамъ, которые хвастаютъ, будто у нихъ Лаписъ философорумъ, [Философской камень] есть, которымъ они изъ пеплу золото, а изъ стекла алмазы дѣлать умѣютъ; а въ самомъ дѣлѣ такъ голодны и бѣдны, что ни пропитанїя, ни одежды не имѣютъ. Онижъ равны съ торговыми лѣкарями [шарлатанами], которые публичнымъ и наглымъ болтанїемъ, простыхъ и незнающихъ людей обманываютъ; для полученїя отъ нихъ копѣйки, обѣщаютъ на рубль. Однакожъ сїе тщеславїе не всегда для интересу, но болѣе для суеты и самохвальства бываетъ. Великая радость самохвалу, ежели онъ изъ своего кабинета или изъ спальни выдетъ, а прихожая его полна разнаго чину людей, которые всѣ помощи его просятъ, и милости отъ него ждутъ, которой онъ не только имъ здѣлать,

но

но и самъ получить не можетъ; но не смотря на сїе надежно ихъ увѣряетъ, какъ бы сїе въ одной его волѣ и власти было. Сїе обѣщанїе приноситъ ему почтенїе, а онъ того только и желаетъ. Буде же они правду и его безсилїе узнаютъ, то онъ вмѣсто того другихъ станетъ обманывать. Хотя самъ знаетъ, что онъ являемой себѣ чести недостоинъ, и не таковъ великъ, какъ объ немъ думаютъ; однакожъ тѣмъ утѣшается, что и тѣ не лучше его, въ которыхъ онъ ищетъ; власно какъ бы думалъ, будто свѣтская честь такъ нетверда и непостоянна, что важнаго труда и попеченїя не стоитъ. Самохвалъ бы никогда такъ много слабоумныхъ и легковѣрныхъ людей не находилъ, ежилибъ люди въ желанїи своемъ такъ пристрастны и слѣпы не были, и на видъ не много уповали. Самохвальство и надменное его поведенїе однихъ только подлыхъ и слабоумныхъ людей прельщаетъ, которые ни доволь-

ной силы ни разсужденія не имѣютъ на познаніе подлиннаго состоянія дѣлъ. Все свѣтящееся ихъ такъ ослѣпляетъ, что они безъ разсмотрѣнія всему послѣдуютъ, и развѣ уже по долговременномъ искуствѣ подлинное свое состояніе узнавши скажутъ: полно ждать, возвратимся. Умной не только напрасно не сказываетъ, что онъ въ великой силѣ, но которую силу или повѣренность у знатныхъ имѣетъ, и ту съ крайнею осторожностію таитъ, дабы въ напрасное порицаніе и стыдъ не притти.

Правило 4.

Всякой самохвалъ скоръ къ разсужденію и оговорамъ.

Разсужденіе.

Которая суета человѣка къ тщеславію побуждаетъ, та его къ рановременному разсужденію и къ приговорамъ влечетъ. Самохвалъ для того тщеславится, что себя отъ другихъ почтенія и хвалы достойнымъ быть, уповаетъ. А притомъ думаетъ, будто

то все почтенїе его пропадетъ, ежели ему не дожидаясь отвѣта и не выслушаннаго дѣла не оговорить. Самовластныя и скоропостижныя резолюцiи однимъ молодымъ, или незнающимъ людямъ приличны.

Умной разсуждая о какомъ дѣлѣ, ничего скоро не заключаетъ, вѣдая, что на разсмотрѣнїе зла съ добромъ, и лжи съ правдою остраго понятїя и великаго ума потребно.

ГЛАВА ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ЗЛОСЛОВЯЩАГО.

Прáвило I.

Злословїе такъ велико, что никто онаго избѣжать не можетъ.

Рассужденїе.

Человѣку на свѣтѣ ничего милѣе славы и добраго имени нѣтъ, а для того что сїи вещи не

только нарушенїемъ покоя и потерянїемъ имѣнїя, но и самымъ излїянїемъ крови получаются, однакожъ ничто такъ частому нападенїю не подвержено, какъ слава и доброе имя. Великїе и малые, бѣдные и богатые, старые и молодые, добрые и злые, всѣ язвительному злословїю подвержены. Оно все портитъ, и безобразнымъ творитъ. Ни праведныхъ ни грѣшныхъ не щадитъ, но всегда готовой страшной судъ имѣетъ, гдѣбъ не только дѣла, но и помышленїя судить. Гордость со злобою проводитъ злословїе до самаго сердца; а больше всего въ томъ свое удовольствїе находитъ, чтобъ за непорочную жизнь злословить и ругать, обладанымъ своимъ ядомъ людямъ и самую непорочнѣйшую чистоту подозрительною казать, а правду незнатною и невразумительною творить. Ухищренная злоба злословныхъ языковъ такъ велика стала, что ядомъ своимъ все повреждаетъ. Тамъ зло и бѣду причинитъ, гдѣ

оныхъ

оныхъ не бывало ; а добра ни гдѣ и ни въ комъ признать не хочетъ. Понеже суевѣровъ въ свѣтѣ умножило , то сіи заблуждающіе и вѣрить не хотятъ , что истинное благовѣріе есть , также будто человѣкъ по довольномъ и зрѣломъ рассуждении о минувшей своей жизни, не можетъ удалиться отъ игры, отъ худыхъ компаній , и отъ вредныхъ забавъ и роскошей поврежденнаго свѣта ; чтобы молодая дама отрѣклась роскошнаго житія и суеты , для послѣдованія правиламъ христіанской набожности и воздержанія. Сей перемѣнѣ причинъ ищутъ, и всегда такихъ ищутъ , которыя бы съ христіанствомъ несходны были , чтобъ сію перемѣну непостоянству , своенравію , легкомышленности , суетѣ или безщастію приписать. Почти всякъ злословіе охотно слушаетъ , и съ его мнѣніемъ скоро согласуется , что временемъ и добросовѣстные люди дѣлаютъ , которые сію ухищренную злобу безъ всякаго умыслу подкрѣпляютъ. А

хотя злословящіе какъ возможно въ томъ ихъ содержатъ и утверждаютъ; однако сія поступка не только безчестна и мерзка, но и безчеловѣчна. На толи мы родились, что бы намъ другъ друга такимъ образомъ губить? Ненависть, зависть, неправда, злость, предательство и безчеловѣчіе, приличны ли по образу и по подобію Божію созданному человѣку? А въ злословящемъ всѣ сіи губительныя страсти живутъ. Гдѣжъ такого человѣка сыскать, которой бы сему яду не подверженъ былъ. Я бы ничего не желалъ кромѣ такой власти, которою бы могъ злословящимъ молчаніе налагать, и такой же на нихъ жестокой законъ положить, какъ на разбойниковъ и человѣкоубійцовъ. Но понеже такой воли и власти не имѣю, то довольствуюсь тѣмъ, что презрительнымъ видомъ, и молчаніемъ злословящихъ опорочиваю, а добродѣтельному человѣку оклеветанному и злословіе терьпящему, по крайней возможности служу.

жу. Я же всѣми силами стараюсь такія рѣчи прекращать, и о какомъ нибудь постороннемъ дѣлѣ говорить.

Правило 2.

Ежелибъ злословящей силу и случай имѣль, тобъ всеконечно тому зло здѣлалъ, кого злословитъ.

Рассужденіе.

Не тоже ли злодѣйство стало, когда одинъ другова поноситъ, злословитъ и клевещетъ на него?

Злословящему и клеветнику не надобно искать случая къ злодѣйству; ибо злословіе съ клеветою его довольно ужѐ зла въ себѣ содержитъ. А сіе зло неизцѣлимое и невозвратное, какъ бы сіе зло здѣлавшей о исправленіи онаго ни старался. Какъ ужѐ сказанное слово возвратить и уничтожить, которое ужѐ чрезъ множество языковъ перешло, и безчисленными повтореніями въ злобѣ умножилось. Какъ можно уничтожить во многихъ

гихъ людяхъ отъ сего многова повторенія воображенное мнѣніе? Чѣмъ больше человѣкъ о сихъ трудностяхъ разсудитъ, тѣмъ болѣе зла въ злословіи найдетъ, а притомъ подлинно увидитъ, что оно неизцѣльно и невозвратимо.

Правило 3.

Злословящей и клеветникъ признаваетъ свое злословіе о другихъ за оправданіе въ томъ справедливомъ злословіи, которому онъ самъ подверженъ.

Разсужденіе.

Напрасно клеветникъ и злословящей уповаетъ сіе оправданіе получить; ибо никто изъ слушающихъ такимъ образомъ его не оправдаетъ. Хотя слушатели того съ охотою виноватымъ и признаютъ, кто сему злословію причиною; однакожъ вѣдая худыя поступки оклеветаннаго, никогда не повѣрятъ, чтобъ онъ сего злословія по справедливости не заслужилъ, и недостоинъ былъ. Злословящей долженъ самъ разсудить, ежели онъ услышитъ,

шитъ, что другіе злословятъ, похвалитъ ли онъ ихъ худыя поступки? Мы бы по истиннѣ разумнѣе и осторожнѣе поступали, ежелибъ мысли слушателей нашихъ и смотрящихъ на насъ проницали, а сіе проницаніе не такъ трудно, какъ объ немъ думаютъ; только надобно человѣку вмѣсто ихъ о себѣ рассудить, и свои мысли по ихъ мнѣнію разсморѣть. И такъ ежели мы кого злословимъ, то не думаемъ ли открытіемъ его недостатковъ, свои пороки прикрыть? Напрасно! ибо вѣдаемъ, что хотя всякъ рѣчи злословящаго охотно слушаетъ, однакожъ сего великаго порока никто ему не проститъ, но въ совѣсти своей егожъ осуждаетъ. Естественной законъ, дабы другимъ того не дѣлать, чего человѣкъ самому себѣ не желаетъ, почти всякаго человѣка взаимно обязываетъ къ учиненію сея справедливости всякому. Ежели мы для человѣколюбія омерзѣніе къ злословію имѣть не можемъ, то по крайней мѣрѣ для собственнаго нашего само-

самолюбія оное почувствуемъ. Пускай собственная наша чувственность принудитъ насъ разсудить о тѣхъ людяхъ, которыхъ мы вълучшую часть души ихъ язвимъ. Понявши и рассудя сіе увидимъ, какъ трудно и несносно злословіе терпѣть, а чрезъ сіе научимся и познаемъ, какъ грѣшно и безсовѣстно сіе злословіе противъ человѣка, а особливо противъ невиннаго употреблять.

ГЛАВА ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ КЛЕНУЩАГОСЯ.

Пра́вило I.

Болѣе правдѣ и добродѣтели, нежели клятвѣ вѣрить должно.

Рассужденіе.

Кто природной правды и добродѣтели не имѣя, истинну предать не боится, тотъ ужѐ изъ

за.

за всѣхъ клятвѣ конечно оную предастъ, каковыбъ клятвы и божбы его велики ни были.

Понеже злой и беззаконной человѣкъ со всѣмъ въ неправду и беззаконіе вдался, то наружной видъ правды съ охотою показываетъ, и оной вмѣсто сѣтей ко уловленію праводушныхъ и добрыхъ людей употребляетъ, дабы ихъ тѣмъ лучше и способнѣе обмануть. Для чего мнѣ отъ честнаго человѣка божбы и клятвы требовать? Для чего мнѣ въ словахъ его лучшаго поруки кромѣ природной его правды и доброй совѣсти желать? Когда уже онъ во всѣхъ своихъ должностяхъ вѣренъ, то какъ ему и безъ божбы отъ нихъ удалиться? На что отъ нечестнаго человѣка присяги и клятвеннаго обѣщанія требовать? Какъ уже ему свое обязательство исполнить, когда онъ въ своемъ словѣ и обѣщаніи не вѣренъ.

Прáвило 2.

Безъ божбы будь вѣренъ.

Рассужденїе.

Сїе Скифы сами о себѣ Александру великому сказали; а насъ тоже правило научаетъ, чтобъ никогда о такомъ дѣлѣ не клясться, отъ котораго отстать, или онаго содержать и исполнить не можемъ. Ежели услышу, что человѣкъ безъ нужды кленется, то принужденъ я думать, что невидавъ дѣлъ, однимъ словамъ его вѣрить не надобно. Скорыя къ божбѣ не скоро меня обманутъ, ибо я думаю, что они по привычкѣ божатся, а о слѣдствахъ клятвѣ своихъ не думаютъ, или о исполненiи по онымъ клятвамъ мало помышляютъ, а лѣность съ небреженiемъ всегда за обычаемъ слѣдуютъ. Мы видимъ такихъ людей, которые по худой привычкѣ почти ни одного слóва безъ божбы не говорятъ. Одни кленутся съ сердца, другїе отъ роскоши и невоздержностей, третьи для оправданїя пороковъ своихъ

своихъ, четвертые для забавы и неотставанія отъ компаніи; токмо почти все сіе дѣлаютъ безъ намѣренія и безъ пользы, какимъ бы то образомъ ни было.

Они свою божбу употребляютъ вмѣсто переступленія въ другой разговоровъ; ибо простыя рѣчи, или божбу съ клятвою равно почитаютъ; все имъ едино, токмо слушающимъ не все равно, потому что они суетную клятву съ божбами во омерзѣніи имѣютъ.

Всякъ кленущейся отъ умныхъ людей за безумнаго, пристрастнаго, невоздержнаго, или худо воспитаннаго человѣка почитается, и всѣ его поступки честному человѣку мерзски и противны.

ЯЗЫКЪ ОБѢЩАЮЩАГОСЯ.

Пра́вило I.

Во всѣхъ своихъ обѣщанїяхъ помни слѣдующїя два слова: могуль и долженъ ли я обѣщанїе мое исполнить.

Рассужденїе.

Поистиннѣ прїятнѣе сего нѣтъ, какъ всякому человѣку угождать, и по возможности своей служить; однакожъ не малой въ томъ разумъ и осторожность состоитъ, чтобъ благотворительному своему нраву великой воли и власти надъ собою не давать. Иные просящимъ тотчасъ обѣщаютъ, довольно не подумавъ и основательно не рассудя, можно ль и надобно ли просящему по его требованїю дать. Излишняя ревность къ услугамъ и обязятельству, или безмѣрная боязливость къ отказу, можетъ привесть человѣка въ такїя чрезвычайныя обѣщанія

щанія, которыя сїе усердїе трудностью, а боязливость безчестїемъ учинятъ. Ежели человѣкъ выше силы своей обѣщаетъ; то въ презрѣнїе себя приведетъ, и слабость свою объявитъ. Буде же для стыда невозможное обѣщ етъ; то немогши оное исполнить въ наибольшее посрамленїе придетъ. Когда въ обѣщанїяхъ не по должности своей поступитъ, то у людей худое о себѣ мнѣнїе причинитъ. Мнѣ въ томъ ни малаго стыда нѣтъ, когда я въ неправедномъ требованїи откажу; да тому стыдиться должно, кто меня неправедною прозьбою обманываетъ. Развѣ ужѐ мнѣ въ то время стыдно будетъ, какъ я неправедное обѣщанїе дѣйствомъ исполню. Умной, а особливо добросовѣстной человѣкъ за неминуемой себѣ законъ сїе полагаетъ, чтобъ слово свое содержать, ежели оно съ рассужденїемъ дано, и ко исполненїю возможно; притомъ же рассуждаетъ, не будетъ ли тому отъ исполненїя сего слова дѣломъ вмѣ-

сто

сто пользы вреда, кому оно дано, или тому, кто обѣщалъ. Въ исполненіи обѣщанія и данныхъ словъ такія вредительныя препятствія случаются, о которыхъ помыслить, и во время даннаго слова ни коимъ образомъ предвидѣть ихъ не возможно было. Ежели умной не по всѣмъ прозьбамъ обѣщаетъ, то онъ сіе въ такомъ намѣреніи дѣлаетъ, дабы болѣе того здѣлать, нежели просящіе отъ него надѣются, вѣдая притомъ, что свѣтъ исполненіе и дѣла́ выше словъ и обѣщаній почитаетъ.

Пра́вило 2.

Кто къ обѣщанію скоръ, тотъ рѣдко свое слово содержитъ.

Рассужденіе.

Для того что онъ въ обѣщаніяхъ своихъ ни о силѣ, ни о должности своей не рассуждаетъ, или такъ легко слово свое даетъ, что оно легко и скоро изъ памяти его выходитъ. Ежели кто слово свое скоропостижно дастъ, тотъ рассудительною медлѣнностію или воздер-

воздержанїемъ исполненїя отнюдь онаго не портитъ и не нарушаетъ. Умной лучше обѣщаетъ меньше, нежели противъ обѣщанїя своего меньше дѣлаетъ. Я въ словахъ своихъ весьма воздерженъ, а въ исполненїи обѣщанїй моихъ и того умѣреннѣе, и для того ни чего заподлинно не обѣщаю, но обыкновенное слово употребляю: готовъ служить, сколько возможность меня допуститъ. Одно мое слово больше меня вяжетъ, нежели всѣ облигацїи, и своеручныя записи, помня старинную крѣпость: кто въ словѣ своемъ не устоитъ, тому будетъ стыдно.

Правило 3.

Многїе обѣщаютъ по надеждѣ, а исполняютъ для страху.

Рассужденїе.

Умной тому обѣщанїю отнюдь не вѣритъ, которое по одной и такой надеждѣ ему учинено, что ежели обѣщающей уповаемаго не получитъ, то и даннаго своего

слова

слова не исполнитъ. Которая надежда обѣщающаго можетъ обмануть, та ужè всеконечно и того обманетъ, кому сїе обѣщанїе учинено. О томъ власно тожъ рассуждать можно, кто отъ страху обѣщаетъ; ибо какъ скоро страхъ минется, то и данное слово со онымъ же страхомъ изчезнетъ. И такъ помянутой умной человѣкъ надежду свою больше на причины даннаго ему обѣщанїя полагаетъ.

Прáвило 4.

Иные отъ обѣщанїя больше нежели отъ исполненїя пользы получаютъ.

Рассужденїе.

Для сей причины многїе дѣлаютъ добро въ надеждѣ собственной пользы и корысти, и ради сего просящимъ по желанїю ихъ долго не исполняютъ, вѣдая, что люди получа прозьбу и желанїе свое, старавшагося о семъ предстателя, и благодѣянїе его скоро забываютъ. Какїя бы они во время

мя нужды и прозьбы своей услуги ни показывали; однако остроумной человѣкъ на сїи услужности мало смотритъ, но болѣе отъ нихъ дѣйствительной прибыли ждетъ, равно какъ и оной отъ него существенной пользы уповаютъ. Сей то интересъ наилучшїя добродѣтели портитъ, и до исполненїя оныхъ человѣка не допускаетъ. Безъ сего бы корыстнаго намѣренїя щедрыя обѣщенїя съ великодушнымъ исполненїемъ дѣлались, а за оныя бы усерднѣйшїя и искреннїя благодаренїя происходили.

ГЛАВА ОСЬМАЯ НАДЕСЯТЬ.

ЯЗЫКЪ РАЗНОСЯЩАГО НОВЫЯ ВѢСТИ.

Правило I.

Вѣстовщикъ весьма рѣдко правду говоритъ.

Разсужденїе.

Скоропостижной, и о себѣ много мыслящей вѣстовщикъ, то преж-

де и больше всего разглашаетъ, что съ его высокоумїемъ сходнѣе; ибо онъ ни чему вѣрить не хочетъ, кромѣ того, что высокоумїю его нравится. Онъ правду по случаю говоритъ, и на удачу ей вѣритъ, притомъ же не всегда лжетъ и не всякой лжи вѣритъ. Онъ же не всегда къ той или другой сторонѣ пристаетъ, но болѣе того держится, отъ куда свои новизны почерпаетъ, въ несомнѣнной надеждѣ, что оныя такъ справедливы, будто бы отъ него самого произошли, а сїе вѣроятїе отъ упрямства и затвердѣлаго мнѣнїя родится. Между тѣмъ сей вѣстовщикъ многихъ развращая въ слѣды суетнаго и застарелаго своего мнѣнїя приводитъ, а они также подобныхъ себѣ людей нашедши увѣряютъ, что они сїе въ газетахъ читали, и отъ нѣкотораго человѣка заподлинно слышали.

Правило

Правило 2.

Когда вѣстовщикъ вѣсти о важсныхъ случаяхъ разсказываетъ, то при томъ и своихъ дѣлъ не забываетъ.

Рассужденіе.

Для сего то съ веселіемъ новизны разсказываетъ, и упорно въ оныхъ стоитъ. Слушающіе могутъ подумать, что онъ правду говоритъ, для показанія истинны своихъ намѣреній, для объявленія мудрости въ своихъ поступкахъ, и для удивленія храбрымъ своимъ дѣламъ. А ежели не смотря на всю сію ревность со усердіемъ своимъ въ такое состояніе придетъ, что ни чего удивленія и хвалы достойнаго сказать не въ состояніи будетъ, то онъ въ мысляхъ своихъ за весьма великаго и знатнаго человѣка себя почитаетъ, дабы оправдать тѣмъ свои рассужденія, худыя дѣла, безумныя поступки и неправедныя намѣренія, а напослѣдокъ заключитъ, что ему иначе дѣлать, и другимъ образомъ поступить было не возможно. При-

томъ же говоритъ : ежели бы я въ Королевскомъ совѣтѣ былъ , тобъ лучше всѣхъ присовѣтовалъ , и помоему бы совѣту всеконечно не такъ здѣлалось ; а все сїе затвердѣлое мнѣнїе отъ чрезвычайнаго самолюбїя и отъ недостатка въ практикѣ происходитъ.

Прáвило 3.

Вѣстовщику какъ добрыя такъ и худыя вѣсти равно нравятся.

Рассужденїе.

Вѣстовщикъ подобенъ такому купцу , которой боясь оставить свое купечество , и потерять кредитъ , за неимѣнїемъ добрыхъ товаровъ худые продаетъ , дабы токмо безъ торгу и безъ продажи не быть. Вѣстовщикъ бы безъ вѣстей тѣмъ въ бѣднѣйшую жизнь приведенъ былъ , что никакого другаго дѣла не имѣетъ. Должность его состоитъ въ томъ , чтобъ вѣдомости слушать и разсказывать. А понеже всякъ свой чинъ и должность отправляетъ , каковабъ она для другихъ скучна ни была , такъ и вѣстовщикъ

щикъ въ разсѣванiи своихъ вѣстей упражняется, не смотря на то, какiя бы изъ сего худыя слѣдствiя ни происходили. За ложными и худыми вѣстьми обыкновенно слѣдующая печаль удерживаетъ умнаго человѣка отъ рассѣванiя и слушанiя оныхъ; а понеже оныя всегда равновременно приходятъ, то разумные къ слушанiю сихъ вѣстей не очень спѣшатъ, вѣдая, что чѣмъ долѣе человѣкъ оныхъ не знаетъ, тѣмъ болѣе несчастiя и печали убѣгаетъ.

Правило 4.

Всякой изобрѣтатель вѣстей о дѣлахъ до публики касающихся старается, а своихъ дѣлъ не видитъ, и о собственномъ домѣ не печется.

Рассужденiе.

Для сего можно его уподобить такой женѣ, которая безпрестанно романы [любовныя исторiи] читаетъ, понеже умъ ея придворными мысльми наполненъ, гдѣ ничего кромѣ великаго, удивитель-

наго и славнаго не видно. Удивляется Принцамъ и великимъ людямъ, какъ они въ любви постоянны, учтивы и покорны любезнымъ своимъ. А когда придетъ домой, то все ей кажется худо и подло, а смотрѣніе съ работою въ домѣ тяжко и несносно. Мужъ ея не такимъ языкомъ, какъ жестокою любовію обладанной Принцъ или другой при дворѣ славной человѣкъ говоритъ, но вмѣсто любви иногда ее презираетъ, и съ нею не такъ какъ любитель съ любовницею живетъ; чего ради онъ ей не очень милъ, а притомъ всѣ то противно, что къ упражненію въ любови не подаетъ способовъ. Сему подобенъ нравъ вѣстовщика. Онъ своею мыслію всѣ Имперіи, Королевства, республики и зѐмли обѣгаетъ, и рассуждаетъ о посольствахъ, трактатахъ, о негоціаціахъ и другихъ политическихъ дѣлахъ, а притомъ мыслитъ, будто онъ съ Принцами, Генералами и съ Министрами говоритъ. По сихъ высокихъ мысляхъ какъ ужѐ можетъ

дома сидѣть? Какъ за небогатою экономїею съ подробностьми смотрѣть? Какъ съ женою и съ дѣтьми можетъ въ покоѣ и трудолюбїи жить, и стараться о приведенїи себя въ лучшее состоянїе? Онъ благополучїе свое отъ цѣлыхъ государствъ получить надѣется, а щастїе и нещастїе свое раздѣляетъ съ Королями и великими Принцами, и въ такомъ мнимомъ благополучїи остатокъ малаго своего имѣнїя расточая, до тѣхъ поръ въ суетѣ и безспокойствѣ живетъ, пока принужденъ будетъ изъ двора во дворъ ходя милостины просить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ДОНОСИТЕЛЯ.

Правило 1.

Всякой доноситель или невоздержнаго языка, или ужѐ совершенно злой человѣкъ.

Рассужденїе.

Ежели рассудить, какїя отъ доносителей между людьми ненависти

висти, злобы и непримиримыя ссоры происходятъ, то видно, что доносители на сїе свое злое и вредное дѣло или отъ великой охоты къ разговорамъ, или отъ чрезвычайнаго желанїя къ губительству побуждаются. Изъ сего легко можно видѣть, что сїи люди великїе охотники до суесловства, до непорядковъ и безпокойствїя. Сїе дѣло честному человѣку такъ непристойно, что онъ о непорочныхъ и учтивыхъ вещахъ доносить не скоро отважится, опасаясь, дабы объ немъ не подумали, что онъ и о худомъ доносителемъ быть можетъ. Великая ревность о дѣлахъ ближняго можетъ повредить собственныя дѣла́, и привесть въ подозрѣнїе о невоздержности языка. Хотя при случаѣ правды говорить и не запрещается; однакожъ сїе такимъ образомъ дѣлать надлежитъ, чтобъ предлагающей всегда правъ, и въ совѣсти своей чистъ былъ.

Пра́вило

Правило 2.

Доносителя не скоро къ себѣ допускай.

рассужденіе.

Ежели станешь всякія отъ доносителей слова слушать, то себя въ руки такимъ злымъ людямъ отдашь, которые все твое спокойство уничтожатъ. Для сего не станешь мыслить о примиреніи съ соперниками твоими, для того что наносныя слова злобу и непримирительство умножаютъ. Симъ же образомъ не только съ лучшими и вѣрнѣйшими твоими друзьями поссориться, но и самъ внушенію ложныхъ рѣчей научиться можешь. Къ отдаленію отъ себя доносителей, ежели рѣчей ихъ не слушать не льзя, сей есть наилучшей способъ, чтобъ имъ дать знать, что ты внушеніямъ ихъ до тѣхъ поръ вѣрить не будешь, пока тотъ ихъ не подтвердитъ, о комъ они сказываютъ. А понеже имъ на сіе позволить весьма трудно, то и тебѣ вѣрить имъ не легко и не должно.

Пра́вило 3.

Ни какихъ наносныхъ рѣчей не слушай, и отнюдь доносителямъ не вѣрь.

Рассужденїе.

Происходящїя отъ сихъ рѣчей слѣдствїя для того опасны, что люди имъ вѣрятъ Ежелибъ можно было слушать оныя рѣчи ни мало имъ не вѣря, тобъ изъ сего такое увеселенїе произошло, которое бы человѣку ни малаго безпокойства не причинило. А дабы слушать такїя рѣчи безъ всякаго пристрастїя, и не допустить бы доносителей къ прельщенїю себя, то надобно умъ и нравъ ихъ прилѣжно разсмотрѣть, не по злобѣ ли они вредить хотятъ? не для корысти ли хотятъ меня увѣрить? не умножаютъ ли истинны ложью? не съ завистиль или ради коварнаго намѣренїя доброе въ зло обращаютъ? и не отъ безумства ли все слышанное говорятъ? Но понеже сїе съ довольною исправностїю разсмо-

разсмотрѣть трудно, и рѣдко такой человѣкъ сыщется, которой бы сіе въ тонкость изслѣдовать, и отъ того желаемой плодъ получить могъ, то изъ внушаемаго въ скорости ни чего за ложное и за праведное принявъ узнать не возможно, и для того я наноснымъ рѣчамъ не очень вѣрю, а особливо въ рассужденіи друзей и пріятелей моихъ, для которыхъ всѣ вышеозначенныя предосторожности употреблять и съ ними весьма нѣжно обходиться надлежитъ. Справедливоль сіе будетъ, ежели повѣря перьвымъ обносителей словамъ, и не разсудя злости ихъ осудить и возненавидѣть такого друга, которой ни чего кромѣ добра не здѣлалъ, и ни какихъ причинъ къ жалобѣ на себя не подалъ? Не только законъ дружества, но и самое человѣколюбіе сему противится. Въ такихъ случаяхъ ничего безъ праведныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей дѣлать не должно, дабы трикратно, то есть противъ любви,

ви, дружества и человѣколюбія не погрѣшить.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ

ЯЗЫКЪ СОВѢТУЮЩАГО.

Правило. I.

Тотъ совѣтъ наилучшей, которой въ нуждѣ, и ко времени дается.

Разсужденіе.

Совѣтовать тому, кто жестокими узами ослѣпляющей страсти связанъ, совѣтъ давать тому, кого дѣла и нужды влекутъ, а онъ сего совѣту по важности дѣла зрѣло разсудить не можетъ, и времени къ тому не имѣетъ, совѣтъ кому давать о такомъ дѣлѣ, которое уже онъ дѣйствительно испыталъ, и своего намѣренія для того перемѣнить не можетъ, что ему отъ сей перемѣны болѣе вреда, нежели отъ совѣта пользы будетъ, совѣтъ кому

кому давать при такихъ людяхъ, которые его за поступку ругаютъ или у него въ ненависти, а можетъ быть и они ему тожъ совѣтъ давали, но онъ послѣдавать не хотѣлъ, всѣ такія и подобныя симъ совѣты суть тщетныя увѣщанія, потому что оныя не къ случаю и не ко времени даны. Такимъ надлежитъ совѣты давать, о которыхъ есть надежда, что они симъ предложеніямъ послѣдовать могутъ и будутъ; и для того въ такихъ обстоятельствахъ совѣтовать надобно, отъ которыхъ бы исполненіе сего совѣта дѣломъ не остановилось. Что не въ своемъ мѣстѣ, то никогда угодить, а слѣдственно за благо принято быть не можетъ.

Прáвило 2.

Самой лучшей совѣтъ, которой отъ истиннаго усердія дается.

Разсужденіе.

Ежели совѣтъ безъ самолюбія, безъ ласкательства, безъ тщеславія и безъ корыстныхъ намѣреній, то

его тогда давать надлежитъ, когда попросятъ, а притомъ можно будетъ надѣяться, что сей совѣтъ за благо примется. Токмо совѣтовать надлежитъ такимъ образомъ, чтобъ никакого принужденія въ томъ не было. Совѣтъ есть изясненіе мыслей, и поданіе человѣку способовъ къ собственной его пользѣ. Такого наставленія другъ отъ друга требуетъ. Когда у меня совѣта потребуютъ, или къ поданію онаго принуждать станутъ, то я оной хотя и предложу, однакожъ никогда требовать не стану, чтобъ его исполняли, но на волю и рассужденіе другимъ предамъ, примутъ ли сей мой совѣтъ или нѣтъ. Ни высокаго ума себѣ не приписываю, ни самовластія не беру, да токмо совѣтую, а не повелѣваю. Съ такимъ усердіемъ совѣтую, съ какою правостію мыслю, не почитая себя изъ всѣхъ за разумнѣйшаго. Хотя то разумно, чтобъ всякія совѣты слушать, однако всѣ ихъ въ дѣйство производить не всегда полезно, и

для того мнѣ не противно, ежели кто моимъ совѣтамъ не слѣдуетъ. Умной человѣкъ къ поданїю совѣтовъ не спѣшитъ, вѣдая, что люди весьма рѣдко по чужимъ совѣтамъ дѣлаютъ. Того токмо желаетъ, дабы требующихъ его совѣту щасливѣйшими учинить, а не себя разумнѣйшимъ передъ ними показать. Сообщая наставленїе другимъ старается о томъ, какъ бы себя въ собственныхъ рассужденїяхъ укрѣпить, помня сїе правило, что совѣтующей къ добродѣтели самъ прежде и больше всѣхъ добродѣтель исполнять долженъ. На сей пользѣ всѣ мои совѣты основаны, которыхъ я до тѣхъ поръ не даю, пока ихъ самъ прилѣжно не разсмотрю. Скорой и поспѣшной совѣтъ значитъ такого человѣка, которой вдаль не рассуждаетъ также на разныя виды и обстоятельства дѣлъ не смотритъ, но все смѣло и безъ замедлѣнїя предпринимаетъ. Желающему здравой и полезной совѣтъ давать, надлежитъ то дѣло въ тонкость разсмотрѣть, о которомъ

торомъ совѣтовать будетъ, а и силы бы того человѣка ему основательно извѣстны были, которой по сему совѣту исполнять имѣетъ. Ежели я принужденъ буду давать совѣты вышшимъ и честнѣйшимъ меня, то я сіе учиню подъ видомъ напоминанія о забвенномъ, а не такъ какъ бы ихъ совѣтомъ моимъ учить; ибо великимъ людямъ весьма противно, ежели кто учителемъ ихъ становится. Иные только въ то время совѣта требуютъ, когда кому вредъ здѣлать намѣрены; а ежели къ чему придетъ, то они всю вину на того кладутъ, кто имъ сіе присовѣтовалъ.

Пра́вило 3.

Ежели на умъ свой совершенно положиться не можешь, то совѣтуй съ умными людьми, и ихъ совѣтамъ послѣдуй.

Рассужденіе.

Всякому человѣку надлежитъ добровольно и совѣстно въ слабости

ума

ума и силъ своихъ признаваться, и такихъ высокихъ мыслей о себѣ не имѣть, будто онъ во всѣхъ дѣлахъ, и во всякихъ припадкахъ своей жизни безъ всякихъ совѣтовъ обойтись можетъ. Какъ бы человѣкъ на остроту свою ни надѣялся, но ежели на многія минувшія свои проступки посмотритъ, то въ разсужденіи собственной практики признается, что поступокъ своихъ иногда ясно видѣть не можно, за тѣмъ что страсти его ослѣпляютъ, а притомъ прямымъ путемъ ходить не льзя, для того что тѣжъ страсти съ онаго насъ сводятъ; также здраво разсуждать не возможно, понеже сіи пристрастія разсужденіе у человѣка отнимаютъ. И такъ для чего намъ совѣты такихъ людей презирать, которые безъ всякаго пристрастія будучи, искусство свое и знаніе съ большею пользою употребить могутъ? Ежели кто совершенства подлинно и усердно ищетъ, тому все равно, самъ и собою или чрезъ другихъ онаго достигнешъ.

нетъ. Но подлинноль сего совершенства ищутъ, то еще сомнительно. Ежели токмо на требующаго совѣтъ прилѣжно посмотрѣть, то требующей съ такимъ чрезвычайнымъ почтенїемъ и униженностїю совѣта проситъ и слушаетъ, что кажется, будто онъ данное ему наставленїе со усердїемъ приметъ и оному безъ всякаго сопротивленїя послѣдовать будетъ. Притомъ же обнадеживаетъ, будто онъ пришелъ просить наставленїя въ поступкахъ своихъ, а на разумъ свой твердо положиться не можетъ; а ежелибъ можно было подлинное его намѣренїе знать, тобъ оказалось, что онъ за тѣмъ только пришелъ, дабы совѣтующей намѣренїя его похвалилъ, и во всякихъ будущихъ онаго дѣлахъ поручился. Совѣтующей тогожъ часа начнетъ увѣрять, будто онъ намѣренъ сему своему другу искренно и безкорыстно совѣтовать; токмо совѣты его въ самомъ дѣлѣ на самолюбїи, и его собственномъ интересѣ основаны, а по довольномъ

и осно-

и основательномъ рассмотрѣніи дѣла всего, лучше просящему сказать: дѣлай, что изволишь. Ибо весьма рѣдко бываетъ, что бы кто чужимъ совѣтамъ послѣдовалъ.

Умной и добросовѣстной человѣкъ требуетъ совѣта со усердіемъ, слушаетъ со вниманіемъ, принимаетъ, съ учтивствомъ и съ благодареніемъ разсматриваетъ безъ затвердѣлаго о себѣ и о другихъ мнѣнія, и за должность дружеской вѣрности почитаетъ, что бы оному послѣдовать, ежели по всѣмъ рассуждеміямъ и принятымъ осторожностямъ найдется, что оные совѣты ему безопасны, приличны и полезны.

ЯЗЫКЪ ОБЛИЧАЮЩАГО.

Пра́вило 1.

Немощныхъ обличай съ снисхожденїемъ, удобнымъ къ понятїю съ простотою, возмутителей силою и властїю, а всѣхъ съ разумомъ и съ осторожностїю исправляй.

Рассужденїе.

Въ выговорѣ и обличенїяхъ токмо сїе намѣренїе имѣть надлежитъ, дабы человѣка лучшимъ и разумнѣйшимъ учинить, а онъ уже̑ весьма къ тому склоненъ, дабы всемъ чужимъ совѣтамъ противиться, оказывая поступки и причины противныя правдѣ и добросердечїю; чего ради слабость, затвердѣлое мнѣнїе и вѣроятїе его, какъ можно примѣчать надлежитъ. Представленїя ему такъ должно чинить, что ежели онъ ихъ не приметъ, тобъ въ такомъ случаѣ его собственная, а не твоя вина была. Когда желаешь поступку его исправить, то ему ни случая ни причины

чины къ охожденію твоего исправленія не давай, а для не допущенія сего слѣдующую предосторожность употребляй.

1. Ежели увидишь человѣка достойнаго обличенія, то разсуди, долженъ ли ты его обличать? А когда сію должность усмотришь, то подумай не лучшель тебѣ сіе чрезъ другихъ здѣлать? А буде найдешь, что отъ твоего представленія больше ему пользы будетъ, то сію пользу больше всего наблюдать должно.

2. Какъ возможно старайся, дабы обличаемому отъ тебя ничего такого въ самомъ себѣ не показать, что славу и силу твоихъ совѣтовъ уничтожить можетъ. Какъ онъ словамъ твоимъ повѣритъ, когда увидитъ, что ты въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ ему равенъ?

3. Другихъ такимже образомъ исправляй, какъ самого себя исправляешь, то есть честь и славу ихъ также храни, какъ свою бережешь. Иной отъ вышшихъ своихъ публично и часто обличенъ былъ, а нынѣ

нѣ уже ни какихъ выговоровъ не стыдится; изъ сего можно видѣть, что нерассудительное и жестокое исправленїе болѣе зла нежели добра производитъ.

4. Другой съ охотою моихъ представленїй слушаетъ, вѣдая, что я его въ то время со усердїемъ хвалю, когда онъ сихъ похвалъ достоинъ. Емуже извѣстно, что когда я его съ охотою хвалю, то уже съ великимъ принужденїемъ и по неволѣ порицаю, а при семъ наиболѣе о томъ стараюсь, дабы его исправить, а не обличать.

5. Небольшая похвала до учиненїя выговоровъ великое дѣйствїе прозводитъ въ томъ, кого обличать должно, ежели ему сказать, что онъ съ природы добросердъ и прямодушенъ, и оныя его доброты мнѣ извѣстны; а когда уже по справедливости выговариваю, то надѣюсь, что онъ къ сей проступкѣ либо невѣденїемъ или худымъ примѣромъ приведенъ. По сихъ рассужденїяхъ можно надѣяться, что онъ

такое

такое представленіе конечно приметъ. Напоминаніемъ прежнихъ его добрыхъ дѣлъ можно въ немъ причинить омерзѣніе къ тѣмъ, за которыя онъ обличается.

6. Въ выговорахъ и обличеніяхъ шутокъ, брани и порицательныхъ словъ убѣгай, ибо все сіе ничего кромѣ возмущенія въ человѣкѣ не производитъ.

7. Умной и добросовѣстной лучше друзьямъ своимъ въ благополучіи, нежели въ нещастіи ихъ выговоры чинитъ. Другу надобно о проступкахъ его въ щастіи представить, а нещастіе само собою человѣка учитъ и исправляетъ. Выговоры печальному несносны, а кто ихъ безщастному дѣлаетъ, тотъ суровъ и безчеловѣченъ.

8. Выговоры за столомъ весьма неприличны, вѣдая, что люди для веселія, а не ради выговоровъ и обличенія въ компанію приходятъ.

9. Когда увидишь, что другу твоему публично выговариваютъ, и предъ компаніею его обличаютъ, то

то какъ можно его отъ сего случая отведи, и уединенно съ кротостїю о семъ ему дружески представь.

10. Весьма того хранись, что бы мужа предъ женою, жену предъ мужемъ, отца предъ дѣтьми, а господина предъ рабами ни въ чемъ не обличать.

11. Умной за малые пороки не скоро обличаетъ, дабы ему о важнѣйшихъ преступленїяхъ съ большею силою и съ лучшимъ дѣйствїемъ выговоръ учинить.

12. Ежели кому за учиненныя погрѣшности выговариваю, то умѣренность съ кротостїю по крайней возможности употребляю. А когда узнаю, что человѣкъ сїе погрѣшенїе дѣлать намѣренъ, то въ такомъ случаѣ жестокъ и неумолимъ.

13. Безмѣрная жестокость въ исправленїи весьма опасное дѣйствїе производитъ, и такъ человѣка страшитъ, что погрѣшившей всевозможныя хитрости употребляетъ къ наилучшему утаенїю пороковъ своихъ, и чрезъ то ихъ неизцѣль-

неисцѣльными творитъ. Человѣку сїе наказанїе весьма велико, когда лучшей или разумнѣйшей изъ друзей, узнавъ проступку его печальнымъ притворится. Умное молчанїе въ такомъ случаѣ сильнѣе всякаго велерѣчиваго исправленїя.

14. Въ выговорѣ и обличенїяхъ надобно знать великое различїе, что съ лѣности и небреженїя, также невѣденїемъ, или что по злости и съ умысла учинено; а не зная сихъ обстоятельствъ, надлежащихъ выговоровъ и обличенїя учинить не возможно.

Правило 2.

Тѣ больше другихъ обличенїе терпятъ, которые наибольшей похвалы достойны.

Рассужденїе.

Для того что они любятъ совершенство, и за сїе в якой похвалы достойны. Сїи люди въ предлагаемомъ себѣ исправленїи находятъ способы къ полученїю пользы, и того ради ни на какїе выговоры не сердятся.

1. Умному того недовольно, чтобъ пороки и недостатки свои знать, да надобно, чтобъ ни въ одномъ преступленїи самому себя не прощать. А кто своихъ пороковъ видѣть не хочетъ, то совершенства достигнуть не можетъ.

2. Я свои погрѣшности съ охотою признаваю въ такомъ чувствованїи, что и большїя здѣлать могу. Кто отважился худое здѣлать, тому и обличенїе терпѣть надлежитъ,

3. Ежелибъ кто мнѣ сказалъ про пороки и погрѣшности мои, то я ему не только въ томъ вѣрю, но еще признаюсь, что и большїя сихъ погрѣшности здѣлать могу. Къ томужъ самое искусство меня научило, что въ такихъ увѣдомленїяхъ нѣжность и самолюбїе того человѣка весьма прилежно наблюдаютъ, кому сїе объявляютъ.

4. Умной отъ ласкающихъ болѣе убѣгаетъ, нежели отъ обличающихъ его. Ибо ласкающїе мнѣ самого меня весьма инымъ человѣ-

комъ

комъ представляютъ, нежели каковъ я въ самомъ дѣлѣ, а обличающіе помогаютъ мнѣ самого себя узнавать, и въ такое состояніе приходить, какову мнѣ подлинно быть надлежитъ. Чѣмъ больше человѣкъ обличенія терпитъ, тѣмъ большей похвалы достойнымъ себя творитъ. А чѣмъ ревностнѣе отъ льстецовъ и ласкателей убѣгаетъ, тѣмъ болѣе къ обличенію, и слѣдственно къ самой истиннѣ приближается.

5. Всякаго обличающаго меня въ правдѣ съ охотою слушаю, а между тѣмъ самъ себя часто обличаю, чтобъ на выговаривающихъ мнѣ не сердиться.

ЯЗЫКЪ НАСТАВЛЯЮЩАГО.

Пра́вило I.

Не зная самъ, другихъ не учи.

Разсужденіе.

Наставленіе есть показаніе человѣку того, чего онъ не знаетъ; а кто хочетъ незнающаго учить о неизвѣстномъ, тому весьма ученому быть, и многіе таланты самому имѣть надобно. Онъ долженъ знать, какъ крѣпкой его духъ, и суровой его нравъ умягчить, ускими предѣлами ограниченной умъ разспространить, къ понятію способнымъ здѣлать и изъяснить, для отнятія у него сомнѣнія, для поданія ему новаго знанія и потребнаго во всемъ вѣдения. А понеже знающихъ и искусныхъ людей весьма мало, то наставляя другихъ, должно всѣ упомянутыя предосторожности употреблять, а не только что бы суету свою удоволствовать,

илибъ корысти искать не смотря пользы, и не стараясь о приращенiи вѣденiя и наукъ съ желаемымъ наставленiемъ тѣхъ людей, которые у нихъ учатся, дабы имъ кто нибудь изъ ихъ же учениковъ не сказалъ:

Не учи тому, чего самъ не знаешь.

Правило 2.

Желающей людей учить и исправлять, долженъ прежде перемѣнить ихъ нравы.

Разсужденiе.

Для того что по возбужденiи въ человѣкѣ склонности, можно легко ко исполненiю того привести, чему его учатъ, и чего отъ него требуютъ. Произволенiе имѣющей вниманiемъ, терпѣнiемъ, усердiемъ и прилѣжностiю въ наукѣ своей не меньше и безъ учителей своихъ себѣ способствуетъ. Котораго начальника или учителя любятъ, того съ охотою слушаютъ, со усердiемъ ему повинуются, и съ почтенiемъ его принимаютъ. Понеже всякъ его съ

радостію видѣть, и словѣ его слышать желаетъ, то сіе веселіе всю горесть ученія услаждаетъ, и облегчаетъ исполненіе сего наставленія. Изъ любви и почтенія къ себѣ производитъ усердное послушаніе словамъ его. Обладавши волею, дѣлаетъ что хочетъ, а имъ ужѐ и попротивиться ему совѣстно, потому что сіе послушаніе отъ доброй склонности и отъ усердія, а не отъ неволи происходитъ, такъ что все отъ него приходящее имъ пріятно, угодно и вѣроятно. Для полученія сея пользы надлежитъ слѣдующимъ образомъ поступать.

1. Порученное мнѣ ученіе или наставленіе другихъ признаю я за свою должность, и для того оную добровольно, усердно и вѣрно отправляю, дабы учащіеся у меня съ такою же ревностію и усердіемъ поступали, признавая сіе болѣе за свою пользу, нежели за мою прибыль и должность.

Ни чѣмъ такъ людей къ исполненію должности ихъ обязать не

возможно

возможно, какъ истиннымъ безпристрастїемъ къ самому себѣ, и показанїемъ, что сїе для ихъ же пользы отъ нихъ требуется.

2. Всевозможное старанїе прилагаю къ познанїю склонности, нрава и главной страсти порученныхъ мнѣ въ смотрѣнїе. А знать умъ и нравы порученныхъ въ науку такъ нужно, что безъ сего наставленїе съ наукою желаемаго плода не производитъ; ибо не зная нрава, не льзя сообразить поступокъ его, ни требовать того, что онъ здѣлать можетъ, ниже привести на путь къ отправленїю должности его. Симъ способомъ человѣка вмѣсто ободренїя опечалишь, вмѣсто послушанїя приведешь къ сопротивленїю, и ко всегдашнему непреоборимому упорству. Ежели съ медлѣннымъ человѣкомъ спѣшно пойдешъ, то онъ скоро отъ тебя отстанетъ; а буде съ рѣзвымъ тихо поѣдешь, то онъ не глядя на твою тихость, и рѣчей твоихъ не слушавъ, своею дорогою пойдетъ. Буде съ высокоумнымъ гордо по-

ступишь, то его на себя и къ собственному униженїю вооружишь. Ежели боязливаго крикомъ застращаетъ, то и съ умомъ его въ смятенїе приведешь. Отъ упрямаго споромъ ничего не получишь. Всякаго веселаго опечалишь, ежели съ нимъ высокимъ повелительнымъ и меланхоличнымъ образомъ говорить станешь. Печальнаго въ отчаянїе и крайней страхъ приведешь, ежели его печалью и безпрестанною жестокостїю отягчать будешь. Сего ради нравъ того человѣка основательно знать должно, кому наставленїе давать, дабы оное не всуе употребитъ, и не напрасно потерять. Для лучшаго познанїя ума и нрава его, давай ему отъ времяни до времяни волю, не объявляя своего намѣренїя, такъ себя показать, каковъ онъ съ природы, дабы не притворялся, и никакого ложнаго виду на себя не принималъ. По сему можешь природное его состоянїе узнать, а притомъ увидишь, какїе въ немъ таланты и къ чему способенъ.

3. Для приведенія людей къ исполненію ихъ должности, ничего такого въ собственной поступкѣ показывать имъ не надобно, чтобъ они смотря на предводителя своего, отъ исполненія должности удерживаться могли; ибо люди не краснымъ словамъ, но болѣе добрымъ дѣламъ и примѣрамъ послѣдуютъ. Напрасно умныя и безспорныя рѣчи плодитъ, ежели добродѣтельная поступка оныхъ не подкрѣпляетъ. Въ такомъ случаѣ всякъ можетъ мнѣ сказать: „Вы „мнѣ совѣтуете послѣдовать до„бродѣтели, а сами того не „дѣлаете. Какъ же мнѣ словамъ ва„шимъ вѣрить, когда я сходныхъ „съ оными дѣлъ отъ васъ не вижу„? Ежели же наставленія и совѣты дѣлами подкрѣпляются, то ужѐ чрезъ сіе всякое сомнѣніе само собою отпадетъ; а наставленіе получающей почти болѣе дѣлами, нежели словами наставника своего къ послѣдованію добродѣтели привлеченъ будетъ. Будеже человѣкъ попротивится, то отъ страстей

причиняемыя жестокія волненія и безпокойства тому причиною. Въ такомъ случаѣ должно терпѣливно ждать, пока сердце утишится, а разумомъ сильнѣе и свободонѣе дѣйствовать будетъ.

4. Въ умѣ и во нравѣ учащихся, или наставленію врученныхъ самой большей успѣхъ разумомъ и снисходительствомъ, нежели страхомъ и угрозами производится. Сіе великая пагуба молодымъ людямъ, ежели съ ними грубо и жестоко поступать, какъ нѣкоторые школьные учители дѣлаютъ. Какое ободреніе къ изученію уроковъ и къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ наукахъ, ежели нѣжныхъ и съ природы боязливыхъ дѣтей бить, и сурово съ ними поступать? Буде ихъ однимъ страхомъ содержать, то они со временемъ въ невоздержное житіе впадутъ, какъ скоро только страху надъ собою не увидятъ. А ежели мудрости и умнымъ наставленіямъ такого предводителя повинуются, которой съ ними не школьною строгостію и повелительнымъ образомъ, но ласково

сково поступаетъ, то надѣяться можно, что они сему наставленїю всегда послѣдовать, и лучше сїе разумное ученїе хранить будутъ, нежели изъ боязни, безъ крайней и необходимой нужды жестокаго и грознаго виду отнюдь на себя не принимай, отъ котораго дѣти дрожатъ и трясутся. Сїе въ учащемъ болѣе притворство и школьную глупость, нежели умъ и доброе наставленїе значитъ. Ибо ежели съ дѣтьми жестоко и строго поступать, то чрезъ сїе можно ихъ лишить своей къ себѣ любви, безъ которой въ наукѣ и воспитанїи ихъ никакого плода не будетъ. Ежели ты дѣтей въ своемъ наставленїи имѣешь, то всѣми силами старайся, дабы они тебя любили, во всемъ съ тобою свободно поступали, а въ показанїи предъ тобою своихъ пороковъ не стыдились и не боялись. Для лучшаго въ семъ дѣлѣ успѣху, будь терпѣливъ, и къ прощенїю тѣхъ склоненъ, которые предъ тобою погрѣшностей своихъ не скрываютъ. Видя худыя

склонности ихъ не гнѣвайся и не удивляйся, но болѣе о немощахъ и о слабости ихъ сожалей, вѣдая, что страхъ и повелительная строгость скоро пропадаетъ, а повѣренность со усердїемъ и добротою постоянна и долговѣчна.

5. Ежели кто желаетъ наставленїе подать, тому прежде надлежитъ въ слушающемъ его ученїе, желанїе возбудить, дабы изъ сего толь большая польза происходила. Для сего должно всѣхъ необыкновенныхъ словъ убѣгать, которыя никому будучи не прїятны, добродѣтель въ презрѣнїе приводятъ, будто оную самымъ дѣломъ исполнить не возможно.

Иные такимъ худымъ и противнымъ образомъ мудрости научаютъ, что человѣкъ принужденъ думать, будто сїя наука безмѣрно трудна, и плода отъ нея весьма мало.

6. Для лучшаго вниманїя предлагаемыхъ совѣтовъ, надобно показать, какой изъ того плодъ, слѣдствїе и польза произойдетъ, дабы

бы надежда о сихъ успѣхахъ человѣка въ трудахъ ободряла. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ надобно имѣть особливое намѣренїе и извѣстной конецъ, къ которому бы человѣкъ всѣ свои дѣла приводилъ; а безъ сея предосторожности поступокъ своихъ учредить не возможно, для того что человѣкъ не знаетъ куда идетъ, а никто своихъ шаговъ напрасно терять не хочетъ.

7. Еще примѣчено, что учащимъ чистоты правилъ, и порядка отнюдь пренебрѣгать не надобно, ежели они усердно желаютъ, дабы отъ наставленїя ихъ дѣйствительная польза происходила. Человѣкъ конечно не обманется, ежели будетъ думать, что когда въ требующихъ наставленїя его недостатокъ вниманїя, разсужденїя, охоты или склонности быть можетъ, то чистотою можно получить вниманїе, правилами наградить слабость разсужденїя, а порядкомъ склоность и произволенїе получить. Ежели толкованїе учащаго ясно, то ни одинъ человѣкъ отъ ученїя

его не отрѣчется, для того что оно никому не трудно. Кто по правиламъ поступаетъ, тотъ по предписанному и прямому пути идетъ, не опасаясь заблужденія или удаленія отъ сего пути. Кто введенному порядку слѣдуетъ, тотъ смѣло ходитъ, для того что скоро, нечувствительно и съ меньшимъ трудомъ къ тому привыкнетъ; ибо сіе извѣстно, когда что человѣкъ со вниманіемъ слушаетъ, тому съ охотою послѣдуетъ.

Пра́вило 3.

Въ наставленіи нетерпѣливости не показывай.

Рассужденіе.

Въ опредѣленныхъ къ наукамъ и наставленію людяхъ находятся многія трудности къ преодолѣнію себя, такъ что ежели учащей терпѣніемъ недоволно вооруженъ, то гнѣвъ съ нетерпѣливостью скоро и такъ его побѣдитъ, что онъ другихъ научить не возможетъ. Выше ужѐ упомянуто, что наставляющей

ляющей долженъ склонять къ себѣ нравы учащихся, смотря на ихъ поступки мѣры свои брать, склонность и волю ихъ примѣчать, добрые примѣры имъ давать, правило хранить, порядку послѣдовать, а при всемъ томъ никакихъ непристойностей имъ не показывать, а всѣ сіи предосторожности съ жестокимъ гнѣвомъ и нетерпѣливостію сравняться, и вмѣстѣ быть не могутъ. Въ сихъ безпокойствахъ и смятеніяхъ чинимыя представленія принимаются за безчестіе, за злобное мщеніе, и болѣе за дѣйство жестокой страсти, нежели за происхожденіе здраваго, спокойнаго и благотворительнаго разума.

Отъ сего наиболѣе происходитъ, что немногіе изъ учащихся дѣтей учительское наставленіе принимаютъ, ибо видятъ, что учители болѣе ихъ бранятъ и поносятъ, нежели полезное наставленіе имъ подаютъ. Употребляя терпѣливость можно обладать нравомъ другихъ, по той мѣрѣ, сколько человѣкъ самимъ собою обладать можетъ. Когда человѣкъ

собою владѣетъ, то всѣ свои природные и науками полученные таланты власно какъ въ рукахъ своихъ держитъ, и по собственной волѣ оные съ разумомъ и мудростїю употребляетъ, смотря потому, какъ нужда и случай сего потребуетъ.

Прáвило 4.

Ежели другихъ правдѣ учишь, то всевозможное старание прилагай о насажденїи въ душахъ ихъ всегдашней склонности къ правдѣ и постояннаго желанїя истинны.

Рассужденїе.

Не худо требующимъ наставленїя полезныя правила давать, разумъ ихъ ученїемъ наполнять, укрѣплять, и твердыми совѣтами должность ихъ обстоятельно имъ показать, съ такимъ представленїемъ, что они сїе исполнять обязаны; однакожъ сїе и того лучше, дабы имъ показать, какъ сїи наставленїя въ дѣйство производить, токмо сїе, по правдѣ сказать, рѣдко

рѣдко хранятъ. Нѣкоторой славной Авторъ слѣдующее о семъ говоритъ: „Желалъ бы я, чтобъ „Палвель и Помпей, лучшіе танцовальщики моего времени, могли „сидящаго человѣка научить, какъ „капріолы дѣлать, не подымая его „съ мѣста, по примѣру такихъ „наставниковъ, которые хотятъ исправить человѣческой разумъ однимъ показаніемъ рукъ; „также хотятъ учить какъ бороться, пѣть и прочее, а сами „дѣломъ не показываютъ, какъ „все сіе въ практикѣ исполнять. „Учители учатъ здраво разсуждать и прямо говорить, не показавъ человѣку какъ сіе дѣлать. „Никогда своего ученика не спроситъ, что онъ думаетъ о Реторикѣ, о Грамматикѣ, или какъ разсуждаетъ о Цицероновыхъ мнѣніяхъ; но только велитъ ему „наизусть учить, какъ пророческія гаданія, изъ которыхъ каждая литера по ихъ мнѣнію особливую въ себѣ заключаетъ тайну. Не довольно того, чтобъ

„мастеръ

„ мастеръ всегда и одинъ кричалъ, „ да надобно, чтобъ и ученику „ далъ слово выговорить, для уз- „ нанія по сему, что онъ понялъ, „ также чему по силѣ и понятію „ своего ума впредь научиться „ можетъ. А безъ сего все ученіе „ ничто.„ Безъ употребленія должность пренебрегается, наставленія недѣйствительны остаются, правила забываются, и человѣкъ отъ праваго пути въ заблужденіе приходитъ. Не довольно того, что бы разумъ изъяснить, да надобно полученное изъясненіе въ дѣйство произвесть, для познанія, можетъ ли человѣкъ сіе познаніе съ пользою въ дѣйство произвесть, а потомъ его къ практикѣ пріучить, которая главнымъ намѣреніемъ всѣхъ рассужденій и наукъ быть долженствуетъ. Память человѣческая подобна магазейну наполненному разными вещьми, которыя только тому полезны, кто ихъ съ разумомъ и рассудительною осторожностію въ дѣйство производитъ. Кто наизусть помнитъ,

тотъ

тотъ только хранитъ данное на сохраненіе памяти его; а кто прямо знаетъ, тотъ на модель не смотритъ, и на книгу не оглядывается. Плохая та наука, кто изъ однихъ книгъ говоритъ. Сіе подобно одному украшенію безъ основанія. Ежели ты порученныхъ въ твое наставленіе учишь разговорамъ, то вели имъ съ собою говорить и рассуждать. Дай имъ знать разныя мнѣнія о томъ, чему ты ихъ учишь, а притомъ и ихъ мнѣнія спрашивай. Разумъ учащихся надобно, по слову Харронову, вопросами возбуждать, мнѣнія ихъ прежде всего требовать, а притомъ позволить, чтобъ и они свободно спрашивали. Ежели учитель не спрашивая ученика одинъ говоритъ, то все его наставленіе тщетно, и учащейся нималой отъ того пользы не получитъ, въ такомъ мнѣніи, что учитель рѣчей его не приметъ, но только самъ говоритъ, и для того безъ всякаго вниманія слушаетъ, а по выходѣ изъ школы всѣ учителевы разговоры

говоры позабудутъ. Недовольно того, чтобъ изъ книгъ наизусть сказывать, что Аристотель и Цицеронъ пишетъ, да надобно о словахъ ихъ здраво рассуждать, а сїе рассужденїе къ разнымъ причинамъ и способамъ примѣнять. Недовольно того, чтобъ историческимъ образомъ разсказывать, какъ Катонъ въ Утикѣ самъ себя убилъ, дабы Юлїю Цесарю въ руки не попасться, также что Брутъ и Кассїй смерти сего Цесаря причиною; сїе самое послѣднее дѣло. Надобно о сихъ людяхъ безпристрастно рассудить, справедливо ли они сїе дѣлали, похвалу или хулу отъ свѣта заслужили, съ храбростїю, мудростїю и съ правдою ль поступили, что худо и что хорошо здѣлали, а напослѣдокъ во всѣхъ сихъ разсмотрѣнїяхъ надлежитъ изслѣдовать вопросы, отвѣты, рассужденїе, порядокъ, правду, дѣло судное и совѣстное. Въ сихъ дѣлахъ учащагося оставлять, и ни въ чѣмъ ему потакать не надлежитъ. Покажи ему

ему что правда, и что мудрость, а притомъ понудь его къ такимъ дѣламъ, которыя бы мудрость и правду его въ самой практикѣ показали, чтобъ онъ не однимъ словамъ учился, но и дѣломъ бы разсужденія свои исполнялъ. Тотъ лучше всѣхъ ученіе понялъ, кто учительскія наставленія не только знаетъ, но и въ самое дѣйство производитъ. Отъ того мудрыхъ людей мало, когда учащіеся только слушаютъ, а сами съ учителемъ весьма мало говорятъ, и почти ни о чемъ не разсуждаютъ, но по большей части принятымъ и введеннымъ мнѣніямъ слѣдуютъ, не сообщая никакихъ новыхъ мнѣній. За такихъ людей другія говорятъ, а они молчаніемъ обороняются; только одною памятью работаютъ, и для того разсужденіе ихъ всегда праздно и безплодно остается. Понеже они кромѣ задовъ и старыхъ повтореній ничему не учатся, то все новое ихъ трепожитъ, и презрѣніе къ себѣ причиняетъ. Также небреженіе прак-

шики

тики единственно бываетъ причиною тому, что истинную мудрость любящихъ и ея держащихся весьма мало, для того что наибольшая часть тому только учатся, какъ о мудрости говорить, и остроумнѣе разсуждать, а о исполненіи дѣйствомъ нимало не стараются, но всю практику въ крайнемъ небреженіи имѣютъ. Правда, что они о добродѣтеляхъ преизрядно разсуждаютъ, а притомъ о лучшихъ правилахъ ученія весьма остроумное мнѣніе имѣютъ, также показываютъ, какимъ способомъ сіе въ дѣйство преизвести, и какія за то плоды съ воздаяніемъ будутъ; но во всѣхъ сихъ разговорахъ и разсужденіяхъ такъ долго медлятъ, что собственными дѣлами и поступками нималаго слѣду къ исполненію дѣйствомъ помянутой мудрости не показали, которая для сего только изъ однихъ устъ въ другія переходитъ, а ни въ одномъ сердцѣ жилища себѣ не имѣетъ, и въ дѣлѣ не показывается. Сіе то есть начало, и главная вина всему невѣденію и без-

безпорядочеству. Подщимся же учение наше непрестанною практикою, то есть дѣломъ исполнять, и порученныхъ въ наставление наше къ тому же исполнению добродѣтели приводить, вѣдая, что безъ сей предосторожности отъ долговременнаго учения, другова плода не бываетъ, кромѣ умнаго пустословия, и подъ видомъ добродѣтели кроющагося пустосвятства и душевреднаго лицемѣрия.

Правило 5.

То учение лучше всѣхъ, которое на непоколебимомъ основании вѣры утверждено.

Рассуждение.

На недвижимомъ камени вѣры основанныя учения потому крѣпче всѣхъ, что вѣра начало правды, и источникъ справедливости. Всѣ ея намѣрения на правотѣ утверждены, начинания праведны, а всѣ поступки такъ порядочны, что держащихся ея къ истинному совершенству и вѣчной славѣ ведутъ. Въ семъ то намѣрении совершенства вѣра святая тому человѣка учитъ, чѣмъ онъ Богу,

ближнимъ

ближнимъ и самому себѣ долженъ, а притомъ показываетъ надежные способы ко исполненію сихъ должностей. Съ вѣрою человѣкъ ни для чего, и ни для кого отъ исполненія добродѣтелей не отвратится, для того что вѣра безпрестанно представляетъ передъ глаза наши то почтеніе, которымъ мы должны Богу, а онъ отъ насъ сего исполненія ежедневно требуетъ. Вѣра творитъ насъ постоянными и вѣрными въ законѣ, въ заповѣдяхъ, въ преданіяхъ, въ совѣтахъ и въ наставленіяхъ. Вѣра больше всего къ исправленію нашему служитъ, для того что она сама превѣчное правило и непоколебимой предводитель къ совершенству, и для сего никакого безпорядочества терпѣть не можетъ. Когда посмотримъ на тѣхъ, которые всѣ свои дѣла и поступки на непоколебимомъ основаніи вѣры утверждаютъ, то ясно увидимъ истинну сего правила, что то ученіе лучше и тверже всѣхъ, которое на непоколебимомъ основаніи святыя вѣры утверждается.

Языкъ того, кому отъ насъ, или отъ кого намъ повѣрена тайна.

Правило 1.

Ввѣренная человѣку тайна такая вещь, которую весьма свято хранить должно.

Рассужденіе.

Общая въ томъ рода человѣческаго и взаимная заключается польза, дабы повѣренную тайность въ совершенномъ молчаніи содержать; а ежели сію природную должность вѣрности не хранить, то ужѐ и все обхожденіе свѣтское ничто иное будетъ, какъ всегдашней обманъ, предательство, и другихъ безчисленныхъ непорядковъ зборище. Никто у друга своего совѣта, ни исправленія въ порокахъ своихъ просить не будетъ, въ такомъ опасеніи, дабы тайна его не открылась. Сколь бы кто разумно, осторожно и искуссно ни поступалъ,

однакожъ все сіе на удачу отважен-
ная поступка, вѣдая, что отъ не-
вѣрности себя охранить и уберечь
весьма трудно. А когда уже люди
взаимную и великую причину къ
подозрѣнію имѣютъ, то одинъ дру-
това за невѣрнаго друга, и за лицемѣр-
наго непріятеля признавать ста-
нетъ, и слѣдственно вмѣсто вкуше-
нія сладости житія и общества гра-
жданскаго, ничего между людьми
кромѣ горестной зависти, губи-
тельной злобы съ ненавистію и не-
сносной противности съ омерзѣні-
емъ не будетъ. Ежедневное искус-
ство сіе намъ показываетъ, въ не-
примиримой злобѣ между тѣми,
чьи тайности предательскимъ
образомъ открыты; а сія злоба
объявляется презрительнымъ и
омерзѣнія наполненнымъ видомъ оби-
женнаго, съ яростнымъ и гнуснымъ
взоромъ на обидевшаго невоздерж-
ностію языка своего. Разумные по-
читаютъ ихъ за сумозбродовъ, или
за умышленныхъ предателей, и за
то крайне ненавидятъ. Такое
мнѣніе умные люди о тѣхъ имѣ-
ютъ,

ютъ, которые не хранятъ тайны, и за сїе никакого сообщенїя, и обходительства съ ними не имѣютъ. Ежелибъ кто изъ друзей не только непрїятелемъ моимъ учинился, но и гнать меня сталъ, тобъ я вмѣсто мщенїя за сїе изгнанїе, отнюдъ повѣренной мнѣ отъ бывшаго друга тайны не открылъ. Честной человѣкъ повѣренную ему тайну вмѣсто священнаго залога принимаетъ, въ такомъ мнѣнїи, что къ сему скрытому сокровищу безъ наказанїя прикоснуться не возможно. Пусть кто поступку свою въ рассужденїи меня перемѣняетъ, однако я для сего скромности и молчанїя моего отнюдъ не перемѣню, вѣдая, что свѣтское обхожденїе и гражданское общество сего отъ меня требуетъ; да притомже я увѣренъ, что хотябъ мнѣ кто обиду или неправду какую здѣлалъ, однакожъ моя собственная невѣрность ни мало меня въ томъ не опорочитъ.

1. Я бы моимъ друзьямъ мнѣнїя, намѣренїя, желанїя, предпрїятїя,

а ежели похотятъ, тобъ и пожитки мои сообщилъ, токмо повѣреной мнѣ тайны никогда не открою; ибо законъ дружества весьма запрещаетъ, никому и ничего о томъ не сообщать, а и собственныя ихъ тайности отъ меня сея неправды требовать не позволяютъ.

2. Какъ бы мала повѣренная тайна ни казалась, однако въ ней такія секретныя поступки заключаются, которыя человѣка къ молчанію побуждаютъ. Понеже я привыкъ въ маломъ быть вѣренъ, то уже въ важномъ наибольшую вѣрность хранить тщуся; а дабы мнѣ собственною моею проступкою въ семъ дѣлѣ не открыться, то я движеніямъ моимъ не вѣрю, но такъ ихъ укрощаю, что бы внѣшнимъ видомъ ничего не показать, что я утаить стараюсь; а и тотъ бы, кому мое молчаніе нужнѣе всѣхъ, ничего такого во мнѣ не примѣтилъ, чтобъ ему могло привести на память ту тайну, которая мнѣ отъ него сказана, но пусть самъ оную вспомнить,

нить, и о молчаливости моей увѣрится. Я поступки свои такъ учреждаю, чтобъ не только самымъ любопытнѣйшимъ не возможно было отъ друга повѣренную мнѣ тайну узнать, но чтобъ причины никто не имѣлъ и думать, что мнѣ тайна повѣрена; а сею предосторожностїю вѣрность въ большую безопасность приходитъ; ибо тайна подобна скрытому сокровищу, а ежели провѣдаютъ, что оно скрыто, то ужѐ сїе сокровище въ половину найдено.

3. Но какую бы я скромность съ молчаливостїю въ повѣренныхъ мнѣ тайностяхъ ни имѣлъ, однако лучше всего желаю ни какихъ тайностей не знать, и для того хотящимъ меня учинить сообщникомъ секретовъ своихъ, слѣдующее скужу. „Ежели вы свой и мой покой любите, то покорно васъ прошу мнѣ своихъ тайностей не сказывать; пока вы ихъ мнѣ не откроете, до тѣхъ поръ не будете опасаться, чтобъ я другому объявилъ, и я не буду уповаема-

„ го отъ васъ наръканія бояться.
„ Мнъ можно справедливо опасать-
„ ся, что вы и другому тужъ свою
„ тайну открыть можете; а еже-
„ ли онъ сей вашъ секретъ инымъ
„ скажетъ, тобъ мнъ въ напра-
„ сномъ наръканіи не остаться„. Всъ
сіи рассужденія приводятъ мнъ въ
память слъдующее Философское
слово. „Умнаго человъка дъло,
„ дабы чужихъ тайностей не слу-
„ шать, и своихъ не открывать.

Правило 2.

Тотъ само себя и добровольно въ неволю другому отдаетъ, кто важную тайность открываетъ.

Рассужденіе.

Для сего безъ крайней нужды и безъ великой осторожности никому тайны объявлять не надобно. Какъ человъкъ такую тайность другому открыть можетъ, за которую они оба въ бъду притти могутъ, ежели сія тайность явна будетъ? Сего ради весьма долго и

прилъжно

прилѣжно надобно думать, кому и какой важности тайну открыть, дабы самому не пропасть, и другова не погубить.

1. Умному человѣку надлежитъ самому въ себѣ слѣдующимъ образомъ рассуждать: Кому мнѣ свою тайну объявить? Безумному? Нѣтъ! Онъ молчать не можетъ. Умному? Сей разнымъ образомъ безуміе здѣлать можетъ. Комужъ? развѣ пріятелю? Но что можетъ меня увѣрить, что онъ никогда не перемѣнится, но вѣчнымъ и постояннымъ мнѣ другомъ будетъ?

2. Естьли я свою тайность кому по дружбѣ открою, а онъ ее другому, другой третьему, а третей четвертому по такомужъ между собою дружеству скажутъ, то чрезъ сіе вся моя тайность объявится, а никто изъ нихъ не подумаетъ, что вѣрность нарушилъ; ибо извѣстно, что и самые воздержнѣйшіе люди одного или двухъ такихъ вѣрныхъ друзей имѣютъ, передъ которыми ниче-

го умолчать не хотятъ. У сихъ друзей такіе же пріятели есть, и такъ, понеже сіе дружество безконечно, то и открытая тайна на безчисленныя вѣтьви раздѣлившись, цѣлымъ и великимъ деревомъ учиниться можетъ. Тайну сперьва на ухо шепчутъ, потóмъ ужѐ яснѣе сказываютъ, а напослѣдокъ и по улицамъ ходя говорятъ.

3. Ежели я кому тайну скажу, а объ ней провѣдаютъ, то кого я въ то время винить стану? Себя. Для чего невоздержному на языкъ, или хотя молчаливому, да не по его мѣрѣ и силѣ тайну открылъ. Ежели я свою тайну другому объявлю, то ужѐ ему больше, нежели самъ себѣ вѣрю. А ежели его скромность съ молчаніемъ не больше моей, то на кого, и для чего мнѣ жаловаться? Не ему, но мнѣ въ храненіи тайны наибольшая нужда. Буде же онъ скромнѣе и молчаливѣе меня, то я сему тѣмъ болѣе удивляться долженъ, что

что онъ мнѣ вѣрнѣе самого меня. Ежели я своей тайны никому не объявлю, то ужѐ подлинно вѣрю, что никто ее не скажетъ.

4. Я моей тайны тому никогда не открою, кто мнѣ свой секретъ объявляетъ, не зная, и прежде того не видѣвъ меня. Ежели онъ мнѣ такимъ образомъ тайну свою сказываетъ, то и мой секретъ всякому и незнакомому человѣку безъ дальнаго размышленія объявить можетъ.

Глава двадесять четвертая

Языкъ жалующагося.

Правило 1.

Кто всегда жалуется, тотъ обыкновенно скученъ бываетъ.

Разсужденіе.

Хотя человѣкъ жалобами своими облегченіе въпечаляхъ и тягостяхъ сердца своего имѣть надѣется, и

нѣкоторымъ образомъ подлинно получаетъ: ибо ничто радость такъ чувствительною не творитъ, какъ объявленіе оныя на словахъ, такъ и болѣзни съ печалью сіе первое и главное облегченіе. Ежели человѣкъ о семъ жаловаться можетъ, однакожъ жалобы великой умѣренности и воздержанія требуютъ, дабы не всегда жалостнымъ голосомъ говорить, а плачевнымъ видомъ пріятелей своихъ утруждать. Самолюбіе всякую болѣзнь безмѣрно чувствительною творитъ, только отъ другихъ сея чувственности ждать и требовать ненадлежитъ. Умѣреннымъ объявленіемъ своихъ печалей можешь предъ ними открыть свое сердце, только цѣлою рѣкою жалобъ и слезъ отнюдъ ихъ не заливай, буде терпѣливости ихъ уязвить, и дружбы лишиться не желаешь.

Ежели будешь всегда себя жалостнымъ дѣлать, то напослѣдокъ никто о тебѣ сожалѣть не будетъ, и всѣ тебя болѣе за нѣжнаго, нежели за печальнаго, и почти всѣ за нетерпѣливнаго,

пѣливнаго, а не за достойнаго сожалѣнія признавать станутъ.

Кто безъ причины и всегда жалуется, тотъ уже сожалѣнія тогда не достоинъ, когда къ жалобѣ причину имѣть будетъ. Умному ежедневными разговорами, отъ сего младенческаго и гнуснаго обычая отвыкать надлежитъ, которой человѣка побуждаетъ бѣдами и напастьми своими другихъ къ безмѣрному о себѣ сожалѣнію и чрезвычайной печали принудить. Сіе весьма смѣшно, кто вымышленнымъ и ученымъ велѣречіемъ печали и болѣзни свои разсказываетъ; а чрезъ то болѣе смѣху нежели сожалѣнія о себѣ причиняетъ. Умной человѣкъ въ такомъ состояніи болѣзнь или печаль свою представляетъ, какова она есть, убѣгая страшныхъ и нещастливыхъ предзнаменованій.

Онъ же не только жаловаться но и говорить о болѣзняхъ своихъ съ печалью не хочетъ, а притомъ желаетъ, дабы и другіе о томъ не говорили, вѣдая что сіи взаимные разговоры токмо

скучную и печальную мысль по себѣ оставляютъ, и для того о чемъ нибудь другомъ говоритъ. Онъ же лучше жалобы другихъ слушаетъ, а самъ не многимъ жалуется, вѣдая, что весьма рѣдко бываетъ, чтобъ кто истинное сожалѣніе о бесчастномъ или больномъ человѣкѣ имѣлъ.

Пра́вило 2.

Слова́ жалующихся не такъ отъ великой печали или болѣзни, какъ болѣе отъ чрезвычайной нѣги происходятъ.

Рассужденіе.

Которые счасливѣе, тѣ и нѣжняе, то есть чувствительнѣе другихъ, такъ что наималѣйшая вещь ихъ потревожить, и все спокойство и удовольствіе ихъ опровергнуть можетъ. Какъ не сожалѣть о семъ, что и самое благополучіе человѣку скучно? Кто рѣдко изъ двора выходитъ, тому и крупной пѣсокъ ноги гнететъ, а особливо такой персонѣ, которая въ корѣ-

тахъ

тахъ или въ колоскахъ ѣздить обыкла. Самой легкой вѣтръ причиняетъ имъ насморкъ, а холодной воздухъ великое простуженіе тому наноситъ, кто всегда дома сидѣть и покоиться обыкъ. Работу, труды и безпокойство любящему рѣдко что бываетъ скучно, а въ лѣности и нѣгѣ живущему все противно, и почти несносно. Сіе умнаго научаетъ, что сладости жизни человѣческой то противнѣе и вреднѣе всего, кто сладость съ покоемъ безмѣрно любитъ, и оныя всегда ищетъ. Чѣмъ спокойнѣе и нѣжнѣе человѣкъ живетъ, тѣмъ несноснѣе важныя бѣды и напасти ему становятся; а отъ малыхъ нещастій ужѐ въ большее безпокойство приходитъ, для того что оныя чаще случаются. А кто малую болѣзнь или печаль ни во что ставитъ, тотъ всегда спокоенъ, и къ большимъ злополучіямъ скорѣе другихъ привыкнетъ

ЯЗЫКЪ УТѢШАЮЩАГО.

Правило. I.

Худое отъ того человѣка утѣшеніе, которой болѣе о произнесеніи красныхъ и ученыхъ словъ, нежели о поданіи добраго и полезнаго совѣта старается.

Рассужденіе.

Сіе весьма часто бываетъ, для того что люди болѣе стараются о удовольствованіи своей суеты въ велерѣчіи, нежели о прогнаніи печалей того, кто утѣшенія требуетъ. Утѣшеніе печальнымъ не въ красныхъ и гладкихъ словахъ, но въ искусствѣ и въ добрыхъ поступкахъ утѣшающаго состоитъ. Для сего надобно одно мнѣніе съ печальнымъ имѣть, а симъ способомъ скорѣе ихъ къ слушанію и принятію словъ своихъ склонишь, нежели споромъ и прекословіемъ. „Пришедши къ требующему утѣшенія, погожъ часу надобно стараться о поспѣшествованіи жалобъ ихъ, похва-

„ляя

„ляя оныя и извиняя нѣкото-
„рымъ образомъ. Симъ согласїемъ
„получишь повѣренность, и власть
„къ дальнѣйшей поступкѣ, а по-
„томъ легко и нечувствительно
„рѣчь свою къ важнѣйшему дѣлу
„склонить можешь, которое къ
„изцѣленїю и утѣшенїю печальна-
„го способно. Привлекай людей
„слушанїемъ жалобъ ихъ, дабы ты
„потомъ свои причины и утѣше-
„нїя тѣмъ удобнѣе внушить могъ.
„Тѣ весьма худо поступаютъ, ко-
„торые во время утѣшенїя, стра-
„сти печальныхъ противятся, не
„рассудя и не вѣдая того, что сїе
„сопротивленїе печальныхъ уязв-
„ляетъ, и къ большей печали при-
„водитъ„. Во первыхъ какъ воз-
можно о томъ старайся, чтобъ о
причинахъ печали весьма мало го-
ворить, и какъ можно тѣ способы
отнимай, которые присутствїемъ
твоимъ наиболѣе ихъ печалятъ;
чего ради отводя отъ нихъ скучные
свои разговоры, обращай къ веселымъ,
и печальнаго къ тому же склоняй.
Токмо къ большему огорченїю пе-
чальныхъ

чальныхЪ свѢтское употребленіе сЪ застарѢлымЪ обычаемЪ все противное сему дѢлаетЪ : ибо весьма чувствительно представленіе взору человѢческому послѢ умѢршаго оставшихся пожитковЪ, платья и уборовЪ, а особливо дѢтей, на которыхЪ печальной безЪ сердечнаго сожалѢнія и возмущенія чувствЪ своихЪ взглянуть , и сея печали о любимой и умѢршей персонѢ никоимЪ образомЪ забыть не можетЪ. ВЪ семЪ случаѢ утѢшающей отмѢнной разумЪ и искусство ко утѢшенію имѢть долженЪ.

Прáвило 2.

Для большей способности ко утѢшенію другихЪ, надобно знать, какЪ себя утѢшить , и самому себѢ вЪ печали пóмочь подать.

Рассужденіе.

Желающему сіе дѢйствительно исполнить , надобно сердце свое и нравЪ ко всѢмЪ такимЪ случаямЪ приго-

приготовлять, которые человѣка опечалить могутъ. Притомъ же надобно знать сихъ случаевъ слабость, и свои собственныя силы, въ то время какъ они человѣку въ самомъ дѣлѣ печаль наносятъ. Къ томужъ надобно знать, чѣмъ болѣе человѣкъ въ такихъ случаяхъ нетерпѣливости покажетъ, тѣмъ чувствительнѣе ему удары сихъ припадковъ будутъ. Ежели кто такимъ образомъ научится самому себѣ помогать и утѣшенïе подавать; тотъ будетъ знать, какъ другихъ утѣшать въ печали.

Сïи наставленïя я самъ себѣ предписывалъ, желая, чтобъ и другïе меня томужъ учили; токмо сихъ моихъ мнѣнïй за непоколебимыя правила никому не предлагаю, но почитаю только за совѣты прïятелямъ моимъ, для приведенïя ихъ къ желаемому спокойству и удовольствïю. Но при всемъ томъ отнюдь такого мнѣнïя не имѣю, будто бы другïе лучше и умнѣе меня вздумать не могли. Ежели кто разскажетъ, что сему

моему способу не всегда послѣдовать можно, того прошу, лучшей мнѣ способъ показать, которому съ особливымъ удовольствїемъ слѣдовать потщуся; ибо мнѣ все едино, отъ кого, и отъ чего бы совѣту спокойство ни пришло, токмо бы оное получить.

Правило 3.

Какъ человѣку въ бѣдахъ, въ печалѣхъ и въ нещастїи себя утѣшить.

Рассужденїе.

1. Вѣдаю, что мнѣ разныя бѣды и нещастїи приключиться могутъ, и для того долженъ я сердце свое къ ношенїю оныхъ готовить, а притомъ всякой злой припадокъ за пользу почитать.

2. Буде меня по какому дѣлу обвинятъ, такъ уже я зналъ, что я сей процессъ потерять могъ, каковабъ справедлива поступка моя ни была, и сея возможности всегда чаялъ. Ежели я услышу, что лучшей изъ друзей моихъ умеръ, то

что хотя сія вѣсть весьма мнѣ чувствительна, однакожъ въ отчаяніе меня не приведетъ; ибо я знаю, что всѣ мы смерти подвержены, и всѣ умереть должны. Ежели меня жестокимъ злословіемъ гонятъ, то я сему не дивлюсь, и безмѣрно о томъ не печалюсь, вѣдая, что ни одинъ добродѣтельной и безпорочной человѣкъ злобы и злословія избѣжать не можетъ. Буде у меня честной и полезной чинъ отымутъ, то я оной за мой собственной и вѣчной чинъ никогда не почиталъ, но всегда думалъ, что его у меня отнять могутъ, и безпрестанно того ждалъ, а притомъ къ отданію и лишенію онаго заблаговременно готовился. Хотя у меня великое имѣніе и богатство было, а притомъ не малые доходы съ такимъ торгомъ, отъ котораго я весьма знатную прибыль получалъ, на многихъ людяхъ мой долгъ, а я ни кому и ни чѣмъ не долженъ былъ; и хотя нынѣ все сіе пропало, однакожъ я сему не дивлюсь, и о томъ не печалюсь, видя, что банкротство, обманъ, подлоги, небреженіе,

женіе, малая неисправность, или нечаянной случай можетъ человѣка въ бѣдность привести, и большимъ должникомъ другимъ, нежели иныхъ людей должниками ему учинить. У меня такіе друзья были, которые мнѣ непрестанныя знаки своего дружества, склонности и благоволенія являли, во всемъ повидимому за меня старались, а потомъ всѣ вдругъ отъ меня отстали. Перемѣна моего щастія всѣхъ ихъ отъ меня удалила, и меня не только скучнымъ, но и противнымъ взору ихъ учинила. Чтожъ дѣлать? я самъ тому виною, и на передъ сіе придвидѣлъ. Знатнѣйшей въ государствѣ вельможа и министръ весьма ко мнѣ милостивъ былъ, ни въ чемъ по прозьбамъ моимъ не отказывалъ, сильно за меня старался, и о благополучіи моемъ всевозможное попеченіе прилагалъ; а нынѣ щастіе его такъ перемѣнилось, что онъ самъ въ сильномъ помощникѣ великую нужду имѣетъ. Другой сильнѣйшей и великой человѣкъ весьма былъ склоненъ, и больше

перьваго

перьваго милости ко мнѣ казать началъ, но нѣсколько мѣсяцовъ спустя умеръ, и вся надежда моего счастія съ нимъ пропала. Сія бы перемѣна въ великое беспокойство меня привела, ежелибъ я на сихъ паденію подверженныхъ столбахъ все мое благополучіе утверждалъ, и ежелибъ не предвидѣлъ, что сильнѣйшей сему славному на свѣтѣ спорникъ, съ его счастіемъ и мое благополучіе купно опровергнуть можетъ. Я прежде добрую о себѣ славу имѣлъ, вездѣ меня хвалили и имя мое прославляли, всѣ меня за честнаго и за отмѣннаго въ разумѣ и добрыхъ поступкахъ предъ другими почитали. Презрѣніе со злословіемъ всѣ сіи хвалы преодолѣло, и я думалъ, что сія перемѣна здѣлаться можетъ: ибо какъ учтивствомъ похвалу заслужить, такъ легкою проступкою, несчастливымъ успѣхомъ въ предпріятіи, или обыкновеннымъ непостоянствомъ народа въ презрѣніе притти можно, какъ бы кто похвалами и добрымъ о себѣ мнѣніемъ ни

возно-

возносился. И такъ ни на что не надѣясь, ни о чемъ печалиться не буду, дабы мнѣ не лишиться неоцѣненнаго и дражайшаго въ свѣтѣ сокровища, то есть Душевнаго Спокойствія.

3. Я не дожидаясь настоящихъ болѣзней и печалей прежде къ нимъ привыкаю, и рассужденіемъ такую терпѣливость получаю, которой другіе дѣйствительнымъ терпѣніемъ научаются.

4. Ежели я съ двора своего сойду, или отъ дому отлучусь, то думаю, что безъ меня разныя несчастія и непорядки произошли, а буде по возвращеніи моемъ ничего того не найду, то Богу должное благодареніе воздамъ, что по его благости и милосердію ничего такого не воспослѣдовало, что бы подлинно здѣлаться могло.

5. Понеже я твердое принялъ намѣреніе во всю мою жизнь добродѣтели послѣдовать, то ужѣ безъ сомнѣнія вѣрю, что я щастію всегда противиться долженъ буду.

6.

6. Въ какой бы я безопасности по своему мнѣнїю ни былъ, однакожъ всегда напастей чаю, и посреди ласкательствъ сладкаго счастїя къ ругательствамъ и озлобленїямъ горькаго несчастїя за ранѣе готовлюсь.

7. Я ужѐ довольно въ свѣтѣ обращался, однакожъ ни одного такого человѣка не нашелъ, которой бы всѣ таланты, а притомъ тѣлесныя и отъ счастїя приходящїя дары, пользы и всѣ совершенства вмѣстѣ имѣлъ.

Есть люди пребогатые, токмо по природѣ и заслугамъ не знатны. Иные природнымъ благородствомъ и знатностїю фамилїй одарены, но не имѣютъ чѣмъ себя по достоинству содержать. Другой честенъ и богатъ, но принужденъ тайнымъ и уединеннымъ образомъ въ отдаленїи жить, за тѣмъ что ни кто его не любитъ, и обходиться съ нимъ не хочетъ. Третей взялъ за женою великое богатство, но за неимѣнїемъ съ нею дѣтей принужденъ будетъ по смерти ея приданое

ное другимъ отдать. У четвертаго много дѣтей да беспутныя. У пятаго дѣти изрядныя родятся, да не долго живутъ. Шестой славенъ, честенъ и богатъ, но всегда боленъ.

8. Я въ несчастіи не унываю, а въ счастіи не высокоумствую, и не превозношусь, но всегда сердце, нравъ, и духъ мой ко всякимъ случаямъ готовлю, вѣдая, что сіе приготовленіе человѣка въ счастіи скромнымъ, а въ несчастіи терпеливымъ творитъ.

9. Ежели у меня много богатства и деревень, то ведаю ли я, что все сіе перемѣнѣ подвержено? Буде не вѣдаю, то можетъ ли меня сіе невѣденіе сохранить и къ счастію привесть, не допуская мнѣ предвидеть тѣхъ печальныхъ перемѣнъ, которыя случиться, а мнѣ потомъ несчасливыя припадки чувствительнѣйшими учинить могутъ? Когда я непостоянство своего счастія знаю, то мнѣ всегда и по справедливости опасаться надлежитъ, чтобы оно со временемъ само

мо не пропало, чего мнѣ повидимому потерять не льзя, и никто у меня отнять не можетъ. Совершенное счастїе никогда и отнюдъ со всегдашнимъ страхомъ смѣшано быть не можетъ. Ежели сїе потерянїе чувствительной печали мнѣ не причиняетъ, то видно, что потерянное мною, или отнятое у меня имѣнїе великаго удовольствїя дать мнѣ не въ состоянїи; по сему можно рассудить, что и великимъ имѣнїемъ, съ разумнымъ и рассудительнымъ безпристрастїемъ владѣть должно, дабы человѣку душевнаго не потерять спокойствїя.

10. Ежели счастїе меня оставитъ, то оно само меня упредитъ, и весьма не худо здѣлаетъ, вѣдая, чтобъ я и самъ его со временемъ добровольно покинулъ. Мнѣ все равно, я ли завтра, въ день моей смерти, счастїе свое оставлю, или оно сего дня само отъ меня уйдетъ.

11. Человѣкъ бы и самъ своей силы не зналъ, ежелибъ никогда никакого несчастїя на него не было.

Ежелибъ онъ всегда былъ въ постоянномъ счастіи, а притомъ никогда и никакимъ перемѣнамъ подверженъ не былъ, тобъ ничего противнаго стерпѣть не могъ; а когда съ несчастіемъ, съ печальми, болѣзньми, и разными противностьми довольно борется, то чрезъ сіе весьма окрѣпчаетъ, а потомъ ни какому злому припадку не уступитъ; буде же многіе злые случаи вдругъ счастіе опровергнутъ, то оно колебаясь сколько можно противиться станетъ. Которая часть тѣла въ большемъ употребленіи, та обыкновенно крѣпче другихъ бываетъ. Нѣтъ тѣхъ деревъ тверже, которыя вѣтромъ часто шатаетъ.

12. Мудрой человѣкъ несчастіе хотя и чувствуетъ, токмо обыкновенно оное побѣждаетъ, и вдасно какъ на престолѣ мира и спокойствія сидя, выше всѣхъ нападающихъ на него, и грозящихъ ему безсчастныхъ припадковъ возвышается.

13. Злополучіе выводитъ человѣка изъ заблужденія, и понуждаетъ

даетъ возвратиться къ Богу, посредствомъ святаго слова его, повелѣваетъ удалить отъ себя всѣхъ льстецовъ и ласкателей; притомъ же научаетъ, чѣмъ гнѣвъ Божій укротить, а правосудіе его умилостивить, то есть принесеніемъ въ теплой молитвѣ и постѣ смиреннаго духа, и сокрушеннаго сердца, со исполненіемъ добродѣтели.

14. Добродѣтель подобна янтарю, или такимъ благовоннымъ вещамъ, которыя тѣмъ большее благоуханіе отъ себя даютъ, чѣмъ больше ихъ трутъ или жгутъ. По сему примѣру тотъ человѣкъ весьма добродѣтеленъ, которой несчастіе побѣждаетъ.

15. Есть такія слабыя добродѣтели, которыя однимъ несчастіемъ содержатся. Ежелибъ Богъ иныхъ по видимому гордыхъ людей не смирялъ, тобъ они отъ пути истинны удалились; но милосердый Творецъ воздерживаетъ ихъ несчастіемъ, власно какъ терновымъ заборомъ въ надлежащихъ границахъ. Беспрерывно продолжа-

ющаяся милость многихъ бы повредила, ежелибъ гнѣву и несчастія нимало не чувствовали; а многихъ бы вѣра и набожность угасла, ежелибъ огнемъ бѣдъ и злополучій возжигаема не была.

16. Хотя счастіе мое не очень высоко, однакожъ и такихъ людей много, которые ниже меня. Хотя я не Фельдмаршалъ, не Канцлеръ, и не Кабинетной Министръ, однако славлю Бога, что не земледѣлецъ, не пастухъ и не трубочистъ. А когда ужѐ сіи бѣдные люди покой и свободные часы имѣютъ, то для чего мнѣ безпокоиться? Мало такихъ людей, которые сіе рассужденіе имѣютъ, а оно весьма полезно, и ко исполненію легко. Всѣ мы на тѣхъ смотримъ, которые больше насъ, а на меньшихъ и подлѣйшихъ себя, никогда не взглянемъ. Одинъ передъ нами въ корѣтѣ ѣдущей, нестерпимою завистію насъ мучитъ, а тысяча человѣкъ въ рассужденіи насъ ничто, которые позади насъ почти наги и босы идутъ.

17. Сїе поистиннѣ зрѣнїя собственныхъ очей Божїихъ достойно, когда отважной и добродѣтельной человѣкъ счастїю противится, и оному не вѣритъ. Но гдѣ такого чрезвычайнаго великодушїя сыскать? Однакожъ великїе примѣры такой героической добродѣтели въ великихъ несчастїяхъ не рѣдко бываютъ.

Истинную крѣпость съ добродѣтелїю имѣющей человѣкъ, при опытѣ силъ своихъ въ несчастїи, также не робокъ и не печаленъ, какъ великодушной воинъ въ то время бодръ, когда тревогу или сигналъ къ бою услышитъ.

Хотя и побѣжденъ будетъ, однако симъ паденїемъ великодушїе съ добродѣтелью его не умаляется. Его также почитаютъ, какъ раззоренныя церкви и святыя мѣста, которымъ благоговейные люди и въ то время кланяются, когда ужѣ не только стѣны разломаны, но и основанїе сихъ священныхъ мѣстъ разбросано.

18. Внутренность человѣческая въ несчастіи и злыхъ припадкахъ больше и лучше всего познается, въ то время и истинная крѣпость или слабость подлинно откроется. Какъ бы добрыя его мнѣнія и добродѣтели сокровенны ни были; однако несчастіе ихъ силою у него вырвавъ, всему свѣту покажетъ. Въ терпѣніи и злоключеніяхъ весь притворъ пропадаетъ, и только одна правда остается. Я силу и крѣпость моего духа тогда болѣе и лучше узнаваю, когда печали его побѣдить, или въ уныніе привесть хотятъ. Въ сихъ жестокихъ случаяхъ чинимое отъ него супротивленіе въ большее почтеніе его приводитъ, нежели тихость, и то спокойствіе, которымъ человѣкъ посреди роскошей и благополучія наслаждается.

19. Въ чемъ кормчей [штурманъ] и доброй мореплаватель познавается? Въ штурмахъ и жестокой погодѣ. Что борца, и добрую лошадь объявляетъ? Борьба, бѣганіе, и военные случаи. Въ чемъ узнаваютъ,

ютъ мудраго полководца? въ баталіяхъ! Гдѣ крѣпость и храбрость оказывается? Въ несчастіи. Гдѣ узнать великодушіе съ истинною добродѣтелью? Въ бѣдахъ и злыхъ случаяхъ. Поистиннѣ ежелибъ я никакихъ бѣдъ, печалей и напастей не имѣлъ, то бы и самъ себя подлинно не зналъ.

А узнавъ свою слабость, стараюсь оную укрѣпить и исправить; а крѣпость и силу мою испытавъ и познавши, въ дѣйство съ воздержаніемъ произвожу, дабы она въ ослабленіе не пришла.

20. Я отъ счастія мало бѣдъ терплю, потому что въ его дарованіяхъ не много участія имѣю. Злополучія такого человѣка рѣдко побѣждаютъ, которой счастію въ обманъ себя не даетъ и ласкательствами его не прельщается. Кто желаетъ прелестей и измѣны счастія не бояться, тотъ долженъ ласкательства его презирать, а за сіе всегда ожидать угрызеній и предательства фортуны.

21. Понеже я себя недостойнымъ благополучїя почитаю, то и на злощастїя никогда не жалуюсь.

22. Мнѣ того не довольно, чтобъ бѣды и напасти терпѣливно сносить, да еще о томъ стараюсь, какъ бы сїи злоключенїя въ благое обратить. Ежели я что потерялъ, то приключившееся отъ сего печальное время на прїобрѣтенїе мудрости употреблю. Хотя люди мнѣ въ желанїи моемъ препятствуютъ, и до того меня не допускаютъ, чего я ищу, однако я на нихъ не сердясь, стану стараться, какъ бы себя къ полученїю того способнымъ и достойнѣйшимъ учинить. Ежели болѣзнь меня мучитъ, то она мнѣ сїю бѣдную и маловременную жизнь въ омерзѣнїе приводитъ, и смерть не весьма страшною творитъ.

23. Ежели человѣкъ болѣзни и печали съ твердымъ духомъ сноситъ, то они ему не такъ вредятъ, какъ въ то время, когда нетерпѣливостїю своею онымъ противится. А понеже и мнѣ сихъ злыхъ

случаевъ миновать не можно, то я жестокія ихъ нападеніи съ возможнымъ терпѣніемъ сносить потщуся, дабы отъ сопротивленія и нетерпѣливости большаго мученія не понести. Для чего мнѣ время не такъ принимать, каково оно придетъ? Развѣ я оное перемѣнить, или не допустить могу? Никакъ! На что же и роптать? „что не отъ „меня зависитъ, на томъ я никогда „благополучія своего не утверждаю, „и ни какого себѣ отъ того счастія „не жду„.

24. Чѣмъ больше человѣкъ о бѣдахъ и печаляхъ своихъ станетъ рассуждать, тѣмъ несноснѣе они ему будутъ; а ежели у него къ ношенію ихъ довольной силы и крѣпости нѣтъ, то ему свои мысли и глаза какъ можно отъ нихъ отвращать надобно.

25. Смотрѣть на такихъ, которые въ такой же болѣзни или печали страждутъ, какую я терплю, отъ того ни малой мнѣ пользы и облегленія не будетъ.

26. Хотя болѣзнь меня мучитъ

и можетъ, однако я никогда жаловаться на сïе не стану.

27. Какое великое удовольствïе въ слушанïи разговоровъ того Философа, которой по потерянïи всего своего имѣнïя, насмѣявся злому своему счастïю, подалъ веревку, а притомъ слѣдующïя слова сказалъ. „При„ми отъ меня фортуна сïю верев„ку, положи ее себѣ на шею, и уда„вись съ великаго гнѣву и неудо„вольствïя, что ты своею злостью, „и угрызателвными нападками ума „моего повредить, спокойства ду„шевнаго нарушить, и добродѣ„тели моей поколебать не могла„.

28. Я до тѣхъ поръ счастïя за истинное благо не признаю, пока оно у злыхъ людей въ рукахъ не будетъ, и ихъ лучшими не учинитъ. Добродѣтель въ спокойствïи скоро изчезнуть можетъ, а крѣпость духа и разума человѣческаго въ мирѣ и тишинѣ ослабѣваетъ. Когда человѣкъ благополучнымъ, и во всемъ довольнымъ себя увидитъ, въ то время о снисканïи мудрости не старается: будучи

преис-

преисполненъ изобиліемъ земныхъ благъ, забываетъ вѣчное блаженство съ небеснымъ царствіемъ, и ожидаемою безконечною жизнію; все желаемое въ рукахъ своихъ имѣя, о томъ ужѐ не думаетъ, чего съ воздыханіемъ больше всего желать надлежитъ.

Я и въ то время счастію не повѣрю, когда оно для примиренія со мною честь, богатство и славу со изобиліемъ мнѣ принесетъ. Я всѣ сіи вещи въ одно и такое мѣсто положу, гдѣбъ фортуна ихъ сыскать, и назадъ взять могла; а когда она ихъ отберетъ, то я сего не испужаюсь и не потужу. Счастіе любитъ жестокость, нападеніе, и непостоянство; а для сего ни видѣть ни терпѣть не можетъ, чтобъ отъ него зависящее благо на одномъ мѣстѣ, и въ однихъ рукахъ долго было; и что сего дня мнѣ даетъ, тѣмъ завтра тебя наградить можетъ. Ежели оно со мною живетъ, то я доволенъ; буде же станетъ крылья свои къ отлету поправлять, то я всѣ его

тленныя дарованія съ охотою ему возвращу, а самъ къ прежней своей добродѣтели прилѣпившись, ничего у фортуны, кромѣ честнаго убожества, требовать не стану.

29. Сіе не въ моей власти, чтобъ счастіемъ по своей волѣ управлять; но токмо то въ моей силѣ, дабы дары его употреблять на доброе, а того не просить, и о томъ не печалиться, чѣмъ оно меня не награждаетъ. Я ни счастія получить, ни изъ несчастія себя освободить не въ состояніи, да то въ моей волѣ и власти, чтобъ счастіемъ наслаждаться безъ гордости, безъ мотовства и безъ роскошей, а несчастіе съ терпѣливостію, съ спокойствомъ и безъ печали сносить.

30. Ежели я у счастія не извѣстныхъ вещей попрошу, то можетъ быть, что оно мнѣ ихъ не дастъ, и слѣдовательно здѣлаетъ сіе противъ моего желанія; а чтобъ такихъ вещей не требовать, то въ моей волѣ.

31. Счастіе все можетъ отнять,

нять, что у меня ни есть, а притомъ въ бѣды и несчастія меня привесть, и болезнь мнѣ причинить можетъ. Только оно меня къ гордости приневолить, также завистливымъ, мстительнымъ, лицемѣромъ, злословнымъ, трусомъ, лжецомъ, обманщикомъ и скупымъ учинить не въ состоянiи. Оножъ у меня какое нибудь веселiе или маловременную радость отнять можетъ, а неудовольствiя причинить силы не имѣетъ; для того что истинное удовольствiе съ душевнымъ спокойствомъ отъ меня самого, а не отъ его непостоянства зависитъ.

Рассужденiе.

Какъ человѣку не вдаваться въ печаль.

1.

Ежелибъ я всегда печаленъ былъ, тобъ мнѣ и малыя печали не только велики, но и несносны были. Радость инымъ печаль причиняетъ, а добродѣтель скуку и омерзѣнiе приноситъ. Кто свою мудрость, добродѣтель и совѣсть, печалью,

тужeнїемъ и скукою одѣваетъ, тотъ въ смѣшной ливреѣ ходитъ; однакожъ сїе по видимому въ великомъ употребленїи. Изъ нынѣшнихъ мнимыхъ мудрецовъ весьма такихъ много, которые думаютъ, будто всю мудрость посрамятъ, ежели имъ себя веселыми показать. Но я печали какъ глупаго и противнаго украшенїя весьма ненавижу. Италїанцы очень изрядно здѣлали, что злость печалью назвали; ибо сїе состоянїе всегда вредно, безумно и подло. Стоики ученикамъ своимъ запрещаютъ, чтобъ никогда печали не имѣть.

2. Ежели необходимая и законная печаль меня одолѣетъ, то я по крайней мѣрѣ о томъ стараться буду, что бы мнѣ сїю печаль въ компанїи скрывать, опасаясь, дабы объявя оныя, вмѣсто веселїя и забавы, горести и беспокойства между собравшимися не причинить. Мнѣ же должно такой видъ казать, что я и другими также какъ собою доволенъ.

3. Меня и малое веселитъ, для того что я малымъ доволенъ. О не-

небольшихъ причинахъ веселія радуюсь, а о малыхъ причинахъ печали не тужу и не плачу, вѣдая, что то и другое весьма часто случается.

4. Ежели которая изъ моихъ добродѣтелей съ великою строгостію, и безмѣрнымъ постоянствомъ соединена, то я къ сей добродѣтели гдѣ пристойно, и сколько возможно веселіе лица, нрава, и бодрость поступокъ своихъ присоединю. Но хотя и правда, что веселость многимъ пріятна, однакожъ она тому человѣку чести не приноситъ, кому ни по времени ни по мѣсту непристойна. Надобно, что бы мудрость оную подкрѣпляла, а осторожность украшала. Ежели съ веселостію постоянной видъ имѣть, то чрезъ сіе можно воспрепятствовать, чтобъ веселость въ печаль и уныніе, а постоянство въ безумную и смѣшную радость не обратилось.

Ничто такъ съ меланхоліею не сходно, какъ строгое и чрезвычайное постоянство; а напротивъ того ничто такъ безумію не

не равно, какъ безмѣрное веселіе, и предѣловъ неимѣющая радость. Буде мнѣ какое счастіе здѣлается, то хотя и подлинно, что радость весьма шутлива, однакожъ я сего своего благополучія передъ безсчастными и печальными людьми сказывать не стану, дабы печали и болѣзни ихъ моею радостію не умножить. Ежели въ печаль вдаться не хочешь, то прочти предъ симъ писанное рассужденіе о бѣдахъ, печаляхъ и несчастіи.

Рассужденіе.

О утѣшеніи въ ругательствахъ, въ презрѣніи и злословіи.

1.

Развѣ мнѣ всякому дать волю, всегда, и какъ ему ни понравится, спокойство мое нарушать, и меня по своему произволенію ругательски язвить?

2. Я на ругательныя озлобленія не отвѣтствую, но только весьма прилѣжно разсматриваю мои поступки, дабы мнѣ исправленіемъ оныхъ

хвалу

хвалу и почтеніе получить. Симъ способомъ то презрѣніе на тѣхъ упадетъ, которые меня у всѣхъ въ презрѣніе приводятъ и ругаютъ. Гонители мудростію гонимыхъ въ наибольшее презрѣніе и омерзѣніе сами приходятъ.

3. Та публичная хвала, которую у человѣка могутъ отнять, ничто иное есть, какъ общее и одинакое мнѣніе многихъ людей, котораго порознь въ велико не ставятъ.

Поистиннѣ много такихъ людей, которые изряднаго, и почтенія достойнаго не почитаютъ, но только слышанное и хвалимое отъ людей хвалятъ, а сами не видали и не знаютъ, что хвалы, и какая вещь хулы достойна.

4. Хвала и почтеніе отъ людей оказываемыя такъ непостоянны, что и понять не можно, для чего люди о пулученіи оной такія труды прилагаютъ? Кто человѣка въ одномъ случаѣ похвалитъ, тотъ въ другомъ похулитъ. А сія же хвала почти всегда тому при-

чиною, что всегда болѣе ревности съ завистїю, нежели склонности и почтенїя отъ людей приноситъ.

„Кто воздаянїе своимъ добро„дѣтелямъ на хвалѣ другихъ „утверждаетъ, тотъ худое о „добродѣтели и о самомъ себѣ „мнѣнїе имѣетъ„.

5. Постоянная хвала съ наилучшимъ почтенїемъ ни мало совершеннымъ человѣка не творитъ. Сїе почтенїе есть взглядъ человѣческой на насъ, которой какой нибудь отъ Бога и природы внутрь человѣка положенной доброты ищетъ, а самъ ничего влїять, также отъ природнаго отнять, или ко оному прибавить не можетъ, и слѣдственно человѣку нималой пользы не приноситъ; а сей взглядъ весьма маловременной, рѣдкой, и весьма непостоянной.

6. Хотя суетной человѣкъ почтенїемъ и ласкается, однако я больше любви, нежели почтенїя отъ людей желаю, вѣдая, что почтенїе ко нраву ходъ даетъ,

а лю-

а любовь къ сердцу двери отворяетъ. Почтеніе ихъ можетъ обратиться въ ревность, или въ ненависть, а въ любви ни одной изъ сихъ злыхъ и спокойство человѣческое нарушающихъ страстей нѣтъ.

7. Весьма мало такихъ примѣровъ, чтобъ другой кто больше меня любилъ и почиталъ, нежели какъ я самъ себя люблю и почитаю. А понеже я себя не почитаю, то и на тѣхъ не сержусь, которые съ презрѣніемъ на меня смотрятъ, но больше о томъ стараюсь, чтобъ меня хвалили и любили.

8. Кто славы ищетъ, тотъ многія совершенства имѣть долженъ; а мнѣ то всего нужнѣе, что бы лучшимъ себя учинить. Къ полученію славы сей наилучшей способъ, дабы и для славы тожъ самое исполнять, что человѣкъ для доброй совѣсти дѣлаетъ, и дѣлать долженъ.

9. Въ чемъ же состоитъ оная слава, которой люди съ великимъ желаніемъ ищутъ, а потомъ съ несказанною печалью теряютъ? Вся слава человѣческая состоитъ въ

томъ,

томъ, когда о насъ люди въ пользу нашу разсуждаютъ. Сіи хвалящіе весьма мало насъ знаютъ, но много любятъ, а разсужденія ихъ въ собственномъ нашемъ мнѣніи ни праведны ни основательны, для того и почтенія не достойны. Тѣжъ разсужденія ни душѣ ни тѣлу нашему ни малой пользы не приносятъ: ибо ни болѣзней ни печалей нашихъ не убавляютъ, но тѣмъ человѣка прельщаютъ, что онъ самъ о себѣ не по сущей истиннѣ, но по мнѣнію другихъ разсуждаетъ. Во всю жизнь человѣка прелестьми своими ласкаютъ, а въ часъ его смерти, всѣ какъ дымъ изчезаютъ. По сему, что можетъ быть суетнѣе почтенія свѣтскаго, что непостояннѣе, и слѣдственно, что безполезнѣе славы человѣческой? Ни что такъ здравому разуму не противно, какъ желаніе и исканіе славы: ибо лишившись внутреннихъ дарованій, душу свою несовершенною, и всегда алчущею творимъ. А къ украшенію оныхъ не вѣтръ и дымъ; но

весьма

весьма крѣпчайшія вещи требуются. Тотъ бы голодной человѣкъ весьма недостаточенъ въ умѣ своемъ былъ, которой бы вмѣсто насыщенія голодомъ страждующаго своего желудка, сталъ богатаго платья и уборовъ искать, вѣдая, что хлѣбъ нужнѣе паруковъ и парчевыхъ камзоловъ.

Добродѣтель съ правдою и мудростію всего нужнѣе, потому что одна она истинной хвалы, и вѣчной славы достойна. Человѣческая слава свидѣтельствуетъ о его совѣсти, а совѣсть увѣряетъ, что человѣкъ отъ правды и разума не удаляется.

10. Показываемое отъ людей почтеніе временемъ бываетъ сомнительно, и часто случается, что сердце съ словами весьма не согласно, но оныя на какомъ нибудь интересѣ основаны. Кто стоя передъ тобою весьма ниско тебѣ кланяется, тотъ будучи за тобою, тебѣжъ смѣяться можетъ.

11. Ничто кромѣ безсмертнаго истинной хвалы и почтенія недостой-

достойно. А понеже человѣческая слава весьма кратка и маловременна, то я ничего кромѣ добродѣтели хвалить и почитать не стану. Но хотя люди ее и не почитаютъ, однако она вѣчной славы и памяти достойна. Въ семъ безпрестанномъ смятеніи похвалъ народныхъ, колеблющихъ душу и умъ человѣка на подобіе моря, не возможно прямаго и надежнаго пути основать. На что намъ по такой тонкой доскѣ со всегдашнимъ страхомъ и трепетомъ ходить, которая въ одно мгновеніе ока переломиться можетъ? Потщимся лучше добродѣтели и здравому разуму всегда послѣдовать, не смотря на то, есть ли намъ за сіе отъ народа похвала или нѣтъ.

12. Понеже презрѣніе есть мнимое зло, а въ самомъ дѣлѣ ни какого зла человѣку не причиняетъ; то я объономъ и не печалюсь, но болѣе о порокахъ моихъ и погрѣшностяхъ моихъ тужу, вѣдая, что въ нихъ подлинное и дѣйствительное зло состоитъ. Однакожъ весь свѣтъ

не одного сомною мнѣнія: ибо и иные будучи у другихъ въ презрѣніи, больше о томъ печалятся, нежели о порокахъ своихъ и погрѣшностяхъ; посему собственныя человѣку ураженія чувствительнѣе чужихъ ударовъ. „Я такого „работника видѣлъ, которой въ „нѣсколько пудъ беремя на пле-„чахъ своихъ безъ роптанія несъ, „а трехъ словъ стерпѣть не могъ, „которыя ему безмѣрно досадны „показались. По сему примѣру мо-„жно безпристрастно рассудить, „подлинное ли бремя или мнимое „зло тяжелѣ„.

13. Помирясь и согласившись съ собою, весьма легко съ другими въ мирѣ и въ согласіи жить могу, какъ бы они меня ни презирали. Безпокойной человѣкъ скоро ссору и раздоръ учинить можетъ. Какъ такому человѣку презрѣніе другихъ стерпѣть, которой самъ себѣ противенъ и несносенъ?

14. Презрѣніе обидъ умерщвляетъ злословіе, а гнѣвъ и мщеніе оное воскрешаетъ. Тотъ силу злословія

словія признаваетъ, кто говоритъ, будто оное его уязвить могло. Тотъ своего непріятеля веселитъ, кто ему показываетъ, будто онъ противнаго себѣ печальнымъ учинить можетъ.

15. Ежели человѣкъ безъ гнѣва и жалобы сноситъ ругательныя рѣчи отъ малоумчаго, отъ лежащаго въ горячкѣ, и отъ сумозбродовъ, то для чего ему и отъ злыхъ людей поношенія и ругательствъ не стерпѣть?

16. Я бы желалъ умъ свой на такое пространство привести, чтобъ онъ выше всѣхъ ругающихъ его быть могъ. Въ семъ пространствѣ можно тишину и спокойство найти. Какъ въ море брошенной камень бури и волнъ не причиняетъ, такъ ругательство въ сердцѣ великодушнаго никакого смущенія и безпокойства не производитъ.

17. Тотъ ужѐ конечо всю Философію выучилъ, кто ругательства также охотно, какъ и похвалы слушаетъ, для того что умной человѣкъ никогда на народномъ

томъ мнѣніи не утверждается, вѣдая, что честность добродѣтельнаго человѣка состоитъ въ благихъ предпріятіяхъ, а не въ томъ, что объ немъ думаютъ подверженные заблужденію, непостоянству, и неправымъ разсужденіямъ.

18. Ежелибъ я отмѣнное предъ прочими и вышшее имѣлъ достоинство, то бы столько почтенія къ себѣ требовалъ, сколько на содержаніе моей власти надобно. Ежели право и преимущество власти оставить, то я о принадлежащей сему достоинству славѣ весьма мало попеченія имѣть буду.

19. Истинную честность любящей, и ею украшенной человѣкъ за безчестіе себѣ вмѣняетъ, ежели его такіе люди почитаютъ, которые не только не имѣютъ, но и не знаютъ, что есть честность.

20. Я о томъ не сожалѣю, что меня не почитаютъ, но всѣми силами о томъ стараюсь, чтобъ я въ самомъ себѣ хвалы и почтенія достоинъ былъ. Какъ такому человѣку о похвалахъ радоваться, ко-

торому совѣсть представляетъ, что онъ хулы и презрѣнія достоинъ? Какая мнѣ напротивъ сего печаль, что люди меня поносятъ и злословятъ, а совѣсть съ добродѣтелью хвалитъ и оправдаетъ? Потщимся же снискать истинную славу въ самихъ себѣ, которая чрезъ всю человѣческую жизнь продолжается, и по самой часъ смерти неотступно съ нимъ пребываетъ.

Ты совѣсть свою испытать, и самъ лучше всѣхъ знать долженъ, истинноль ты набоженъ, или только для лицемѣрнаго виду благотворнымъ притворяешься? Милостивъ ли ты или суровъ? человѣколюбивъ или безчеловѣченъ? Другіе только съ наружной и неизвѣстной стороны на тебя смотрятъ, и по догадкамъ о тебѣ рассуждаютъ. Они только внѣшнія твои поступки видятъ, а нраву твоего подлинно не знаютъ, и для того на ихъ рассужденія не много смотри, но болѣе на собственную совѣсть полагайся,

21. Я иногда самъ и прежде всѣхъ о моихъ порокахъ публично говорю; а чрезъ сїе непрїятелей своихъ не только въ замѣшательство привожу, но и веселой способъ къ разговорамъ о себѣ отнимаю. Сему смятенїю и печали ихъ главная причина то, что они думаютъ, что понеже мнѣ пороки и погрѣшности мои самому извѣстны, то я о исправленїи себя всячески стараться буду, въ чѣмъ они и не обманываются. Великодушное и добровольное признанїе въ своихъ порокахъ упреждаетъ чужїе выговоры, а у злословїя жало и ядъ отнимаетъ.

22. Я изъ разглашаемаго о себѣ злословїя двѣ пользы получаю: Первая показываетъ мнѣ нравъ и совѣсть тѣхъ, отъ которыхъ сїе злословїе происходитъ, и для того я всякимъ образомъ отъ нихъ остерегаюсь; вторая польза обьявляетъ слабѣйшее во мнѣ мѣсто, дабы я оное отъ непрїятельскихъ нападенїй какъ возможно укрѣплялъ.

23. Ежели обо мнѣ худо говорятъ, то надѣюсь, что сіе не долго продолжится, но скоро изчезнетъ. Настоящая моя добродѣтельная жизнь минувшіе дни житія моего оправдаетъ; а самъ себя для того я не оправдаю, что оное любленіе мнѣ запрещаетъ, которымъ я самому себѣ долженъ.

24. Ежели я со всѣмъ здоровъ, а про меня скажутъ, будто боленъ, то я за сіе разглашеніе также сердиться не буду, какъ за безвинное оболганіе отъ людей.

25. Подлинной знакъ тѣлесной болѣзни, ежели человѣкъ до себя коснуться не допускаетъ; равнымъ образомъ и я бы себя больнымъ въ умѣ призналъ, ежелибъ сталъ за все то сердиться, чѣмъ мое самолюбіе атаковано быть можетъ.

26. Буде меня напрасно и въ неправдѣ обвиняютъ, то я свое оправданіе умѣренно и съ почтеніемъ объявлю, а буде онаго не примутъ, то я своею невинностію доволенъ буду. Можетъ быть что такого человѣка гнать перестанутъ

станутъ, которой не противится. Буде я добродѣтелью своею злословящихъ къ молчанію не приведу, то по крайней мѣрѣ стремительства ихъ избѣгну. Неповинность гонимому лучшее и безопаснѣйшее убѣжище. Чѣмъ чище у меня совѣсть, тѣмъ меньше о томъ печалюсь, что про меня люди говорятъ.

27. Хотя мнѣ досадную и противную правду скажутъ, однакожъ за то не сержусь, для того что я уже сіе зналъ, и самъ себѣ напередъ въ совѣсти сказывалъ. Когда разсматриваю прилѣжно всѣ мои дѣла и поступки, то сіе не допускаетъ меня до того, чтобъ я пороковъ и погрѣшностей своихъ не зналъ. А понеже я проступки свои знаю, а притомъ слышу, что оныя и другимъ извѣстны, то уже мнѣ кромѣ изправленія оныхъ, дѣлать нѣчего.

28. Ежели кто мнѣ зла желаетъ, поноситъ, и ищетъ способа къ учиненію мнѣ вреда, то должно мнѣ думать, не я ли его чѣмъ озлобилъ, и прежде обидѣлъ. Ежели человѣкъ

для учиненія самому себѣ справедливости, прилѣжно себя разсмотритъ, то увидитъ, что весьма рѣдко случается, чтобъ одинъ безъ всякой причины другова злословить, или бы вредить ему сталъ. Чтожъ надъ нами въ безуміи, или въ какихъ явныхъ порокахъ смѣются, тому никто иной, но сами мы причиною.

29. Хотя мнѣ про кого и сказано, что онъ меня злословилъ; однако я на него не сержусь, и сіе злословіе ему прощаю, для того что оно отъ легкомыслія, или отъ молодыхъ его лѣтъ, а не по злобѣ и съ умыслу произошло. Такимъ образомъ долженъ всякой оправдать злословящихъ для собственной своей пользы, что бы злословіе не такъ чувствительно было.

30. Я же хотя увѣдомленъ, что люди про меня худо говорятъ, только меня сіе ни въ страхъ, ни въ гнѣвъ, ниже въ удивленіе не приводитъ, за тѣмъ, что никто на свѣтѣ хулы и злословія избѣжать не можетъ; притомъ извѣстно, что людямъ

людямъ про чужїе пороки и недостатки за глаза говорить вольно. Одни сїе дѣлаютъ по злобѣ и съ умыслу, другїе подъ образомъ разговоровъ, третьи подъ видомъ добраго намѣренія, а такихъ весьма мало, которые бы сего не дѣлали; и такъ смѣшно бы было, ежелибъ я одинъ того сталъ требовать, что бы про меня никто въ свѣтѣ худаго не говорилъ, когда ужѐ подлинно вѣдаю, что мнѣ сїе злословїе никакой болѣзни не причинитъ.

31. Ежели происходящее о мнѣ злословїе праведно, то не ужасное ли дѣло, когда я о томъ не печалюсь, что грѣхи и злыя мои дѣла предъ Богомъ извѣстны, а того слышать и снесть не могу, чтобъ люди объ нихъ знали и говорили? Буде же сїе злословїе ложно и неосновательно, то оправдающей меня судъ Божїй, а притомъ добрая моя и чистая совѣсть, всѣ человѣческія злословныя о мнѣ разсужденія уничтожатъ. Довольно того, когда друзья и знаемые

мои обо мнѣ вѣдаютъ, что я человѣкъ доброй, а постороннимъ или домашнимъ моимъ, вольно про меня говорить, что хотятъ. Какъ пріятно и полезно человѣку утѣшаться правосудіемъ Божіимъ во всякой неправдѣ и обидѣ человѣческой?

32. Молчаніе мое во многихъ случаяхъ мнѣ помогало, злословію налагать молчаніе. Когда люди видѣли, что я на ихъ нападенія не смотрю и не отвѣчаю, то тотчасъ отъ меня отставали? а ежелибъ за сіе сердился или мстилъ, то можетъ быть, чтобъ сугубое безчестіе имѣлъ.

Рассужденіе.

О утѣшеніи находящимся не въ знатномъ чинѣ и убожествѣ.

1.

Ежели вельможа меня презираетъ, то я на худое свое счастіе посмотрѣвши, въ презираніи его дальней вины не нахожу: ибо онъ у придвор-

дворныхъ своихъ научился ничего того въ дѣло не ставить, что его богатству и великолѣпію не равно. Потомъ самого себя разсмотрѣвъ, увѣряюсь, что презрѣніе его ко мнѣ отъ недостатку заслугъ моихъ происходитъ; чего ради всею силою стараюсь о сниканіи того, что онъ почитать долженъ. А ежели сей вельможа и въ то время больше прежняго любить меня не будетъ, то я о семъ печалиться не стану, вѣдая, что чрезъ сіе въ большее и такое совершенство приду, которое отъ всѣхъ почтенія достойно.

2. Ты больше, честнѣе и достойнѣе меня, и для того поди напередъ. Покажи мнѣ путь къ совершенству, поведи меня за собою въ храмъ добродѣтели, научи меня своимъ примѣромъ, и исправь твоимъ разумомъ и мудростію.

3. Побѣждать непріятелей государственныхъ, преодолѣвать свои страсти, и обладать самимъ собою, принуждать себя къ воздержанію и мудрости, къ оказанію милости въ

получаемыхъ побѣдахъ, брать городы, а притомъ сердца живущихъ въ нихъ къ люблѣнію, почитанію и боязни привлекать, единой правдѣ и здравому разуму послѣдовать, не слушая застарѣлаго и ложнаго мнѣнія, другихъ прощать, а самому ни въ чьемъ прощеніи нужды не имѣть, сіе все называю я полнымъ совершенствомъ, и такою великостію, которая небеснаго благословенія, а земнаго удивленія и безсмертныхъ похвалъ достойна. Для чего бы мнѣ въ своемъ убожествѣ не радоваться и не веселиться, ежелибъ всѣ знатные такими качествами одарены были?

4. Истинная честь со славою не въ обидѣ другихъ состоитъ, но въ томъ, дабы человѣку самому въ себѣ такъ великодушну быть, чтобъ получить славу не съ ущербомъ пользы и чести другихъ. По сему истинная моя слава съ великимъ достоинствомъ отъ меня зависитъ; а буде я оныя не имѣю, то самъ тому причиною, и слѣдственно мнѣ о незнатномъ состояніи

яніи и печалиться не надобно, вѣдая, что избавленіе и освобожденіе отъ сея прискорбности не въ моей власти и силѣ.

5. Я самъ себя въ моемъ мнѣніи такъ смиряю и унижаю, что болѣе меня унизить не возможно. По самой землѣ ходить крѣпче, надежнѣе и постояннѣе всего. Какой страхъ сіе низкое хожденіе вельможамъ и гордымъ ни причиняетъ, однако я онаго не боюсь: ибо пешъ по землѣ ходя, ни въ комъ кромѣ себя нужды не имѣю.

Я самъ о себѣ весьма мало думаю, когда о рожденіи и о смерти своей съ многотрудною и суетною жизнью помышляю, и рассуждаю о всѣхъ толь великихъ окружающихъ меня вещахъ. Сіе довольно мнѣ извѣстное умаленіе самаго себя, приводитъ меня въ смиреніе, которое человѣка сему полезному и добровольному униженію самаго себя научаетъ.

7. По моему мнѣнію, я самъ себя больше всѣхъ въ велико не ставлю. Слышу, какъ часто люди сіе слово

говорятъ: онъ самъ себя не знаетъ; и хотя то правда, однако я не въ числѣ тѣхъ: ибо я самъ себя знаю; а сїе знанїе такъ меня смиряетъ, что ужѐ никому больше смирить не возможно. Иногда случается такое скучное время, что я самъ себя ненавижу, а сему собственному омерзѣнїю ничто иное причиною, какъ мои пороки; однако въ такомъ случаѣ тѣмъ утѣшаюсь, что оное же омерзѣнїе меня къ бо́льшому совершенству приведетъ.

8. Но каковъ бы я совершенъ самъ себѣ ни казался, или бы совершеннымъ быть чаялъ; однако рассуждая о свойственныхъ порокахъ всякому, а слѣдственно и о моихъ собственныхъ, всегда нахожу причину къ смиренїю и униженїю.

Ежелижъ разсмотрѣть сїе обстоятельно, то поистиннѣ ничто не можетъ человѣка въ большее смиренїе привести, какъ сїе.

9. Ежели я себя смиряю, то отъ добраго произволенїя сїе дѣлаю, однако симъ добровольнымъ смиренїемъ

ніемъ никого унизить нехочу, а притомъ не стараюсь избѣгать народныхъ переговоровъ, и презирать разумные совѣты и полезныя наставленія.

10. Буде кто меня похочетъ смирить, объявляя презрително мое невѣденіе, то я упреждая сіе строгое исправленіе, больше всѣхъ и самъ себя въ тайнѣ обличу: ибо много такихъ вещей, которыхъ я не знаю, а извѣстныхъ себѣ въ велико не ставлю. Токмо сія гордость весьма смѣшна, которая на долговременномъ чтеніи книгъ, и острой памяти основана.

11. Напрасно вельможи, и славнѣйшіе въсвѣтѣ меня презираютъ, когда я незнатнаго рода и невеликой чинъ имѣю. Я симъ рассужденіемъ давно ужѐ ихъ упредилъ, и самъ себя спрашивалъ. Какимъ образомъ могу я получить безсмертную въ мірѣ семъ славу? Какъ много такихъ людей, которые меня не знаютъ, обо мнѣ не думаютъ, и моей власти ни въ чемъ неподвержены! Напротивъ того такихъ

несравненно больше, которые сильнѣе, богатѣе, умнѣе и лучше меня. Сіе рассужденіе всякаго человѣка къ смиренію и униженности привесть можетъ.

12. Хотя я за незнатностію чина и состоянія своего у вельможъ не въ милости, однако о томъ не печалюсь, вѣдая, что тоже самое мнѣ полезно, потому что бѣдные люди и просители ни о чемъ мнѣ докучать не станутъ; а я къ неправдамъ, обидамъ, взяткамъ и нападеніямъ, причины и способу имѣть не буду. Не буду принужденъ къ безпрестанной мукѣ, то есть стараться всѣми силами угодить, искусно льстить, ближняго облыгать, на людей наговаривать, пристрастія ихъ хвалить, непорядки ублажать, притворствовать, шутить, а потомъ добровольно имъ раболѣпствовать. Какое великое мнѣ въ незнатномъ чинѣ и убожествѣ моемъ веселіе, ежели я въ ономъ спокоенъ и доволенъ! Не лучше ли въ недостаткѣ здоровому человѣку на войлокѣ подъ

овчин-

овчиннымъ одѣяломъ крѣпко и безпечально спать, нежели въ богатствѣ и во всякомъ довольствіи будучи, на пуховыхъ перинахъ подъ собольимъ одѣяломъ въ подагрѣ и хирагрѣ, какъ разслабленному лежа мучиться? По сему примѣру гораздо лучше въ незнатномъ чинѣ и состояніи спокойно жить, нежели въ высокомъ достоинствѣ такими печальми и безпокойствомъ терзаться, которыя съ великими чинами и знатными достоинствами нераздѣльны.

Поистиннѣ я на такомъ караблѣ въ далекой путь по морю не поѣду, которой съ наружи преизрядно украшенъ и раззолоченъ, притомъ же множествомъ флаговъ и вымпаловъ убранъ, а внутри золотомъ, серебромъ и дорогими вещьми такъ нагруженъ, что вода чрезъ бордъ въ него льется, отъ чего наималѣйшая погода сей чрезмѣрно отягченной карабль залить, а людей безвременно потопить можетъ. Такъ власно въ богато убранныхъ и высокихъ палатахъ

тахъ жить не желаю, гдѣ всегдашняя печаль со страхомъ и угрызеніемъ совѣсти пребываетъ.

14. Ежели я въ небогатомъ и незнатномъ состояніи нетерпѣливъ, то сіе значитъ, что въ лучшее и знатнѣйшее состояніе привесть себя хочу; а ежели сіе дѣйствомъ производить начну, то безпрестанно умалятся стану: для обладанія другими, самъ себя въ подданство привожу, для полученія чести, въ разныя раболѣпства отдамся, а вмѣсто мнимаго возвышенія, съ землею сравняюсь. И такъ лучше мнѣ прежнюю малую, нежели новую и бо́льшую бѣдность нести.

15. Лучше горница выбѣленымъ полотномъ убитая, нежели чрезъ полотнище золотымъ и серебренымъ штофомъ убраная. Лучше простая кроватъ съ пуховикомъ для необходимаго сна, нежели парчевые павиліоны съ орѣховыми наподобіе балдахина для одной параду поставленными постелями. Великолѣпіе любящіе люди почти всѣ бѣдны. Вездѣ подъ великія, въ

движи-

движимомъ и недвижимомъ имѣніи состоящія заклады денегъ съ великимъ безпокойствомъ ищутъ, съ невоздержаніемъ употребляютъ, для забавы и веселія другимъ, которые ихъ изобиліемъ наслаждаются, а хозяева и господа дому почти съ голодомъ отъ стола отходятъ, а потомъ съ женами, съ дѣтьми и служительми своими великую и тайную нужду чувствуютъ: отъ заимодавцовъ крайнюю наглость, и ежечасное безпокойство терпятъ, а напослѣдокъ въ великое раззореніе приходятъ.

16. человѣкъ, которой ищетъ славы, и много о себѣ думаетъ, желаетъ, чтобъ вездѣ объ немъ съ похвалою говорили; но понеже отъ того происходитъ, что онъ самъ себя не знаетъ и забываетъ, то я весьма сего опасаюсь: ибо о такихъ людяхъ всегда такъ разсуждаютъ, какъ о поставленныхъ на публичномъ мѣстѣ статуяхъ.

17. Понеже я великаго достоинства достигнуть не желаю, но въ незнатномъ моемъ состояніи

спокойно

спокойно остаюсь; то лучше равныхъ и подобныхъ себѣ ищу, а завышшими себя не гоняюсь. Къ тѣмъ съ радостію на встрѣчу бѣгу, которые ко мнѣ пріятны; а къ такимъ и одного шага безъ рассужденія не ступлю, которые отъ меня взоръ свой отвращаютъ.

18. Хотя я предъ вельможами голову приклоняю, однако духъ мой непоколебимъ, а разумъ непреклоненъ. Кто самъ себѣ не довѣряетъ, тотъ въ такой страхъ и подлую робость приходитъ, что разумъ, волю и свободу потерявши, въ рассужденіи бываетъ слабъ, въ словахъ не смѣлъ, а въ дѣлахъ безсиленъ и недѣйствителенъ. Съ такими мнимыми и видимыми слабостьми человѣкъ у людей въ презрѣніе притти можетъ

Когда я передъ вельможъ прихаживалъ, и передъ лицомъ ихъ стоять принужденъ былъ, то и я въ сію слабость легко упадалъ, представляя себѣ ихъ честь съ высокимъ достоинствомъ, приходилъ въ великую робость, а видя великолѣпіе

колѣпіе и убранство дому ихъ, въ такое ослѣпленіе впадалъ, что стоялъ передъ ними въ слабости, въ темнотѣ и въ совершенномъ уничтоженіи.

Но по сверженіи сего въ суетномъ и робкомъ мнѣніи состоящаго бремени и тяжкаго ига, такъ ихъ почитаю, какъ моихъ вышшихъ, такъ имъ повинуюсь, какъ верьховнымъ властямъ, а персональныя ихъ заслуги и природныя добродѣтели въ особливомъ высокопочитаніи имѣю; однакожъ при всемъ томъ отнюдъ себя такою трусостію и робостію не уничтожаю, которая умному, а притомъ силу, цѣну и достоинство всякой вещи знающему человѣку весьма неприлична.

19. Ежели мнѣ въ вельможахъ милости искать, а притомъ о полученіи чести съ высокимъ достоинствомъ, и о собраніи богатства стараться, то и я начну способы искать къ приведенію себя въ знатность на такомъ свѣтѣ, съ котораго я скоро въ иную несконча-

кончаемую жизнь преселиться принужденъ. А буде всѣ сіи мнимыя пользы и преимущества презрю, то чрезъ сіе въ нескончаемой жизни, и вѣчномъ блаженствѣ тѣмъ болѣе укрѣплюсь, что мнѣ оттуды никогда на сей свѣтъ не возвратиться.

20. Развѣ у знатныхъ иное тѣло и душа? иныя чувства? не тотъ сонъ и апетитъ? не тѣ глаза, руки и ноги, что у меня? Никакъ! Чѣмъ же они меня превосходятъ? Чужимъ и внѣшнимъ различіемъ. Вельможа въ наслажденіи невоздержными роскошьми хуже воздержнаго мужика. Пріятны и удивительны ли пѣвчему концерты, а музыканту звукъ разныхъ инструментовъ? Никакъ! для того что они всегда при томъ, и то ихъ должность. Кто не имѣетъ жажды, тотъ въ сладость пить не можетъ.

21. Развѣ у человѣка росту и толщины отъ того прибудетъ, когда онъ въ большую честь и высочайшее достоинство произой-

детъ

детъ, или великое богатство получитъ? Желающему отвѣта на сей вопросъ, должно рассудить, можетъ ли онъ помолодѣть въ старости, или выздоровѣть отъ жестокой болѣзни своей, ежели его на серебреную или на золотую гору посадить? и прибавится ли отъ того хотя на одинъ вершокъ росту, когда самого его на превысочайшую башню взвести? По сему оба однимъ словомъ: нѣтъ, оправдаться могутъ.

22. Естественныя нужды, съ необходимымъ покоемъ у богатыхъ и убогихъ равны, и у всѣхъ одинаки. Развѣ водовозъ съ истопникомъ не также служатъ, какъ дворецкой и прикащикъ? Ежели имъ платьемъ перемѣниться, то и одинъ тожъ, что другой можетъ здѣлать.

23. Мнѣ въ такихъ случаяхъ ни малаго участія и дѣла до нихъ нѣтъ, на которые весь народъ со удивленіемъ смотритъ. А понеже я имъ не дивлюсь, то ни одного у нихъ не желаю, токмо смотря по возможности стараюсь, начало и причину тому знать; а иногда честь

и поль-

и польза сихъ знатныхъ случаевъ въ томъ состоитъ, дабы начало и причину онымъ отъ глазъ народа скрывать, но предъ Божіими очами все сіе ничто.

24 Я ни мало того не стыжусь, ежели кто меня смиритъ, да то за подлинной стыдъ почитаю, что меня усмиренія и пониженія достойнымъ творитъ.

25. Меня въ моей надеждѣ, то больше крѣпитъ и ободряетъ, что нѣкоторые люди словъ и дѣлъ моихъ не презрятъ. Тожь различіе нравовъ не допущаетъ меня къ возгордѣнію, вѣдая, что какъ бы меня одни ни хвалили, однако другіе всегда причину найдутъ дѣла̀ мои хулить.

26. На горахъ и высокихъ мѣстахъ стоящей человѣкъ сильнымъ вѣтрамъ и жестокимъ вихрямъ подверженъ. Какія на знатныхъ и славныхъ людей гоненія! какъ великія въ тайнѣ умысли, переговоры, зависть, и ненавистныя ловительства! и какое великое стремленіе съ высокаго мѣста! А такія

паденія

паденія весьма часто случаются.

27. Умной и добродѣтельной человѣкъ, праведные и законные способы къ полученію чести и знатныхъ чиновъ, лучше самыхъ высочайшихъ достоинствъ почитаетъ.

28. Нѣкоторой человѣкъ увидѣвъ меня спросилъ: Для чего ты къ Министрамъ на поклонъ не ходишь? За чѣмъ въ нихъ милостине ищешь? Какъ ты лѣнивъ, гордъ и не по своей мѣрѣ покоенъ! Я отъ печали и не удовольствіи ничего на сей вопросъ не отвѣчалъ, но знаемые и пріятели мои вмѣсто меня сказали: Онъ ни для суеты ни корысти, совѣстнаго и душевнаго спокойства потерять не хочетъ.

29. Главное мое намѣреніе состоитъ въ непрестанномъ и ненасытномъ желаніи такихъ заслугъ и добродѣтелей, за которыя знатными чинами и богатствомъ награждаютъ, а самому ни богатства ни высокихъ досто-

инствъ не просить, но токмо бы оныхъ достойнымъ учиниться.

30. Не тотъ добродѣтеленъ и великодушенъ, кто честь, знатные чины и великое богатство имѣетъ, да тотъ, кто все сіе презираетъ.

31. Какое бы различіе между великими и малыми ни было, однако богатой съ убогимъ равное начало и равной конецъ, то есть одно рожденіе и одну смерть имѣетъ. Оба одинакимъ болѣзнямъ, бѣдамъ недостаткамъ, страхамъ и перемѣнамъ подвержены. Вся тягость счастія ихъ основана на подпорѣ гнилой, а именно на многобѣдной, и многоболѣзненной, а притомъ неизвѣстной смерти подлежащей жизни. Они свое сокровище, то есть славу, честь и великолѣпіе, хотя въ позолоченыхъ и дорогихъ, однако въ глинянымъ сосудахъ носятъ, которые отъ малѣйшаго удару разбиться, а отъ огня и холоду легко треснуть могутъ. Великіе и малые, богатые и убогіе, славные и незнатные, всѣ равно умираютъ, и однимъ образомъ гніютъ

ютъ... Какъ бы ясно сальная свѣча ни горѣла, однако ежели оную погасить, то противной и головѣ вредной духъ по себѣ оставляетъ. Такъ власно славные люди и великіе воины [бывшіе въ свѣтѣ наподобіе такихъ ужасныхъ кометъ, которыя кровопролитіемъ и опустошеніемъ всю вселенную устрашали], ничего кромѣ злословія по себѣ не оставляютъ. Все сіяніе славы и великолѣпія въ темнотѣ гроба померкаетъ.

32. Понеже люди ничто такъ осторожно не скрываютъ и не таятъ, какъ гордость, то изъ сего видно, что гордость великой порокъ. Когда въ моей молодости было во мнѣ много суеты, то и я такой же спеси нѣкоторую часть въ себѣ имѣлъ; а нынѣ помысливъ о семъ безчестномъ порокѣ, безмѣрно стыжусь.

33. Съ самаго того времени, какъ я началъ стараться о погашеніи во мнѣ отъ гордости и самолюбія происходящихъ, и сердце человѣческое надымающихъ мнѣній, то ужѐ ни о чьей гордости болѣе не жалуюсь.

34. Чѣмъ больше будешь стараться, приводить свое состояніе въ лучшее, и чѣмъ больше будешь желать, учинить свои поступки отмѣнными предъ другими, тѣмъ болѣе ихъ озлобишь, и каждаго изъ нихъ особливымъ себѣ непріятелемъ учинишь: ибо они уже порознь и вообще непрестанно о томъ стараться станутъ, какъ бы тебя обеспокоить, опечалить и раззорить. Какъ можно о томъ старайся, что бы тебѣ въ самомъ дѣлѣ крѣпче и сильнѣе другихъ быть, а самъ о себѣ думай, что никого на свѣтѣ безсильнѣе тебя нѣтъ.

35. Я гордости страшуся, и суеты съ высокоуміемъ убѣгаю: ибо онѣ такое мнѣніе во мнѣ вкоренить могутъ, будто я третей человѣкъ въ государствѣ, только меня и сто человѣкъ вовсемъ свѣтѣ не знаютъ; а какъ я умру, то и тысящная часть того города, гдѣ жилъ, ни о смерти, ни о погребеніи моемъ не свѣдаетъ. Вотъ сколько я ненуженъ свѣту!

36. Судьбою моею весьма я доволенъ, что чести, славы и высокихъ

кихъ достоинствъ не имѣю , а сверьхъ сего и добровольно отъ оныхъ удаляюсь : ибо въ нихъ такъ много способовъ къ возбужденїю гордости и высокоумїя , что никто изъ любящихъ спокойство душевное оныхъ не пожелаетъ. Прїемлющей честь тѣмъ больше искушается , что себя не только сей приносимой , но еще несравненно бо́льшой чести и славы за достойнаго почитаетъ , не видя того , подлинно ли въ немъ такїя свойства и добродѣтели есть, которыя истинной славы отъ людей , а отъ Бога милости и воздаянїя достойны.

37. Я чрезвычайныя собранїя и знатныя веселїя такъ ненавижу , что внутренно радуюсь , когда для незнатнаго моего чина меня изъ оныхъ выключаютъ.

А ежели и меня притомъ быть принудятъ , то я изъ сего превеликаго шума уединенїе и пустыню дѣлаю : душу мою отъ средины сего безпокойнаго волненїя внутрь себя отвлекаю , и самъ къ молча-

нію прибѣгнувъ, въ совершенной тишинѣ и свободѣ пребываю.

38. Понеже ни чрезвычайное люблені́е чести, ни высокоумі́е меня не мучитъ, то и уединені́е мнѣ не противно; а ежелибъ я честолюбивъ, гордъ и высокоуменъ былъ, тобъ удаленія снести немогъ. Поистиннѣ никакъ не можетъ сравниться слава чистолюбиваго и гордаго съ тишиною и уединеніемъ такого человѣка, которой душевное спокойство съ безмятежнымъ житіемъ истинно любитъ.

39. Во уединеніи живучи совершенно познаю, что главное несчастіе человѣка въ томъ состоитъ, когда его весьма многіе знаютъ, а онъ не только никого, но и самъ себя подлинно и обстоятельно не знаетъ; а человѣку безъ основательнаго знанія себя, никоимъ образомъ исправиться, и въ совершенство притти не возможно. Въ мирномъ житіи и спокойномъ уединеніи человѣкъ научается самого себя познавать, для того что всѣ мысли къ самому себѣ обращаетъ

щаетъ, и о себѣ рассуждая, учит-
ся познавать свою бѣдность, ко-
торая его къ совершенному смире-
нію приводитъ. Я свои слабости
знаю, и для того самъ себѣ не вѣ-
рю. Знаю, что никакой твари
обладаніемъ совершеннаго спокой-
ства и удовольствія получить не
возможно, и для того оставя свѣтъ
сей, рассуждаю о пренесеніи се-
бя на лоно Создателя моего,
который единъ желанія сердца мо-
его исполнить, а душу мою зрѣ-
ніемъ на пресвятое лице свое на-
сытить можетъ.

40. Судьба и счастіе весьма въ по-
средственномъ состояніи и незнат-
номъ чинѣ меня оставили, толь-
ко я симъ весьма доволенъ и спо-
коенъ.

41. Уединеніе меня премногими
сладостьми питаетъ, и вопервыхъ
то удовольствіе даетъ, что отъ
статскихъ и военныхъ дѣлъ уда-
ляетъ, которыми весь свѣтъ без-
престанно колеблется. По своей
волѣ ѣмъ, и сплю спокойно, не
слыша въ великихъ городахъ обык-
новеннаго, и почти никогда не-

перерывающагося шуму. Къ знатнымъ и великимъ людямъ на поклонъ не хожу, для того что домъ ихъ великъ, столъ богатъ, палаты высоки, доступъ къ нимъ не свободенъ, угожденіе имъ трудно; а за долговременную и ревносную симъ великимъ людямъ службу, при отставаніи отъ нихъ кромѣ великаго презрѣнія, великой печали и великаго убожества, ничего другова человѣкъ не получаетъ.

42. Какое великое веселіе и удовольствіе жить въ отдаленіи отъ такого мѣста, гдѣ всякой часъ надобно беречься обману, невѣрности, бѣды и несчастія!

43. Великіе люди мнѣ для того страшны, что между оными много злыхъ, а въ неминуемомъ съ ними обхожденіи весьма сего избѣжать трудно, чтобъ на нихъ или ненависти не имѣть, или бы имъ не послѣдовать. Буде ихъ ненавидѣть, то отъ нихъ гоненіе терпѣть, а ежели имъ послѣдовать, то повредиться должно. Какъ же въ такихъ двухъ весьма скучныхъ крайностяхъ быть?

44. Понеже я привыкъ и весьма люблю одинъ быть, то сіе обыкновеніе всякія игры, публичныя гулянія и другіе случаи, въ которыхъ разумъ повреждается, въ омерзѣніе у меня приводитъ; а напротивъ того прилѣжаніе и всегдашнюю склонность имѣю къ наукамъ, къ чтенію книгъ и къ рассужденію о себѣ. Тожъ обыкновеніе творитъ меня рачительнымъ въ своей должности и приводитъ ко исполненію оныхъ.

45. Я не въ числѣ тѣхъ, которымъ посправедливости можно сказать: „Развѣ вы подлинно думаете, что такой человѣкъ искрен-„не васъ любить можетъ, кото-„раго вы никогда къ себѣ не допу-„щаете. Какъ можетъ съ вами та-„кой человѣкъ искренно и откро-„венно говорить, которой васъ не „смѣетъ спросить о вашемъ здравіи?

„Я отъ людей такой славы и че-„сти не принимаю, которая Божі-„ему величеству противна и пре-„досудительна, и которая человѣ-

,, ка въ такое состояніе приводитъ, ,, что онъ кромѣ своей воли никакого ,, закона не признаваетъ. Власть ,, моя нетакъ велика, что бы она ,, меня въ порокахъ укрѣпляла, или ,, бы такое безсовѣстное и Богу ,, противное во мнѣ мнѣніе причи- ,, нить могла, будто за учиненной ,, мною грѣхъ ни отъ Бога, ни отъ ,, людей наказаніе не будетъ.

,, Я не таковъ властолюбивъ, ,, что бы мнѣ ядомъ всегдашняго ,, льщенія и похлѣбства напоену ,, быть,,. Я могу горесть правды пить; а ежелибъ въ большомъ достоинствѣ былъ, тобы о семъ никто мнѣ говорить не смѣлъ. Кто желаетъ оную видѣть, тотъ долженъ самъ ее искать: ибо великимъ и славнымъ людямъ никто правды показать не смѣетъ. Какая бережъ и храненіе въ богатствѣ, въ чести и въ изобиліи живущимъ? Понеже всякъ отъ нихъ счастіе и милость получить надѣется, то боясь ихъ прогнѣвать, никто правды говорить не хочетъ. Самые добродѣтельнѣйшіе тѣмъ только

ко

ко довольствуются, что объ нихъ сожалѣютъ, а никто исправить ихъ не отважится. И понеже никто имъ не представляетъ, что они во мнѣніи своемъ обманываются, то они и подлинно думаютъ, что мнѣніемъ своимъ не грѣшатъ; а ежели кто осмѣлится имъ представить, то они безмѣрно сему дивятся.

Вельможи очень рѣдко, и развѣ отъ такихъ людей правду узнаютъ, которые весьма безпристрастны. Всякая степень возвышенія человѣческаго, знатно препятствуетъ правдѣ; и чѣмъ больше кто на свѣтѣ возвышается, тѣмъ болѣе ненавидитъ истинну.

46. Иные цвѣтущему благополучію вельможъ и знатныхъ завидуютъ, а я руссуждая о ихъ слабостяхъ весьма сожалѣю: ибо они въ рассужденіи своихъ достоинствъ, будучи обязаны великими дѣлами, творятъ себя невольниками своихъ подчиненныхъ, и будучи одни только свидѣтельми внѣшняго своего труда и безпокойства, публично хвалу, покорность и великое

почтеніе отъ искателей своихъ получаютъ; а въ уединеніи всю тягость душевнаго безпокойства, и совѣстнаго смущенія одни чувствуютъ. Богатые ихъ уборы, съ золотыми и серебреными одеждами, одно только привиденіе и обманъ глазамъ человѣческимъ; а подъ сими парчами скрытыя печали, угрызенія совѣсти, ненависть, зависть и злоба, денно и нощно сердце ихъ такъ терзаютъ, чтобъ они въ незнатномъ чинѣ и мѣстѣ завидующихъ имъ всеусердно, и съ великою охотою быть желали, токмо ужѐ сего здѣлать не могутъ.

47. Кто не имѣетъ знатнаго чина и высокаго достоинства, тотъ ни многочисленнаго экипажа, ни богатаго убранства, и никакой свѣтской суеты не требуетъ; а сего состоянія спокойнѣе въ свѣтѣ нѣтъ. Такимъ образомъ живущему ни богатыхъ обоевъ, ни дорогихъ шкафовъ и кроватей, ни бархатомъ обитыхъ стуловъ, ни украшенныхъ зеркалъ, ни фарфоровыхъ блюдъ и таре-

тарелокъ, ни стенныхъ и настольныхъ часовъ не надобно. Умной человѣкъ все сіе презираетъ, но только на хозяйскія заслуги, и на персональныя его добродѣтели смотритъ, и оныя выше всего почитаетъ.

48. Въ оставленіи чиновъ не по своей силѣ и возможности, такая же мудрость состоитъ, какъ въ сниканіи и полученіи сихъ достоинствъ. Я не могъ надивиться нѣкоторому господину, когда онъ за глубокою старостію и умаленіемъ здоровья, всѣ знатные чины и достоинства съ себя сложилъ, которыми награжденъ будучи отъ своего государя, съ народною похвалою многое время носилъ. Самаго себя знать великая и самая лучшая наука, умѣть уступить немалая отвага, при нужномъ случаѣ съ честію отойти, довольная побѣда; а все сіе такому человѣку не трудно, которой въ сниканіи знатныхъ чиновъ и высокихъ достоинствъ безпристрастенъ.

49. Понеже я себя въ заслугахъ за весьма малаго, въ наукахъ за незнающаго, а въ добродѣтеляхъ за недостаточнаго признаваю; то весьма мнѣ несносно, когда меня не по заслугамъ хвалятъ. Да я же самъ себя ни хвалю ни почитаю, и думаю, что и другіе въ велико меня не ставятъ. Буде увижу, что нужды во мнѣ нѣтъ, то не дожидаясь отъ другихъ слова, самъ удаляюсь. Для чего мнѣ не въ свое мѣсто ходить, и за то приниматься, чего я не знаю? По перьвому могутъ меня вонъ вывести, а по другому глупымъ и незнающимъ назвать; а умному и совѣстному человѣку терпѣть сіе весьма стыдно.

50. Науки, искусство, мудрые проекты [предложенія] и славныя дѣла приводятъ человѣка въ знатность у свѣта, а у самого себя въ забвеніе: ибо человѣкъ о вещахъ внѣшнихъ такъ много думаетъ, что внутреннихъ своихъ тайностей не знаетъ, и о нихъ не мыслитъ. Какъ скоро я душевныя свои дарованія раз-

разсмотрю, то увижу, что я совсѣмъ не таковъ, каковъ себѣ и другимъ изъ внѣ казался.

51. Самъ въ себѣ признаю, что я къ придворному счастію не способенъ, и для того удаленіемъ отъ двора безмѣрно доволенъ: ибо душевнаго спокойства терять весьма не люблю. Придворному надобно зависѣть отъ воли другихъ, не то говорить, что думаетъ; кланяться такимъ, на которыхъ бы глядѣть не хотѣлъ; цѣловаться съ такими, которыхъ бы никогда видѣть не желалъ; хвалить противное; хулить изрядное; питаться надеждою; безъ награжденія служить, и за многія свои службы никогда благодаренія не слышать; не для себя, но для другихъ жить; волѣ и страстямъ иныхъ повиноваться; по ихъ нраву, а не по своему обычаю поступать; всегда въ маскѣ ходить, то есть безпрестанно льстить, похлѣбствовать и лицемѣрить. Какъ можно въ такомъ мѣстѣ быть, гдѣ больше надобно

учиться терпѣть, нежели добро дѣлать? гдѣ неправда и оболганіе господствуютъ, а неповинность съ правдою страждутъ, и всякое гоненіе терпятъ? гдѣ человѣкъ столько низверженія страшиться долженъ, сколько старанія о полученіи чести, и высокихъ достоинствъ прилагалъ?

52. Хотя великіе ни надъ кѣмъ больше не смѣются, какъ надъ малыми, и никого столько не презираютъ, какъ бѣдныхъ; однако ежели все прилѣжно разсмотрѣть, и обстоятельно изслѣдовать, то малые и убогіе гораздо ихъ счасливѣе, веселѣе и довольнѣе. Вельможность съ великими трудами, печальми, и съ такимъ безпокойствомъ соединена, которое великому почти никогда совершенною радостію и истиннымъ спокойствомъ наслаждаться не даетъ.

53. Вельможи и знатные нѣкоторымъ образомъ великіе и сожалѣнія достойные невольники. Мужикъ старается только о земледѣліи, о томъ печется, какъ бы Госу-

дарю подать заплатить, а помѣщику оброкъ отдать; днемъ работаетъ, а ночью крѣпко и спокойно спитъ, ни о чемъ совѣстїю не мучится, и сердца своего не сокрушаетъ. А вельможа привязанъ къ великимъ деревнямъ, къ богатымъ домамъ, ко множеству служителей и предстоящихъ, не разсуждая о томъ, что чѣмъ больше ихъ въ службѣ, тѣмъ больше ему безпокойства и убытку причиняютъ, и такъ онъ всѣхъ ихъ общей невольникъ сталъ, не упоминая о тѣхъ безчисленныхъ досадахъ и грубостяхъ, которыя ему отъ порученныхъ почти ежедневно случаются. А буде къ сему статскія дѣла, съ нераздѣльнымъ отъ нихъ попеченїемъ, суетами и пронырствами, гоненїемъ, а напослѣдокъ несчастїемъ и паденїемъ прибавить, то едва ли крестьянинъ не сщастливѣе господина, не веселѣе и не спокойнѣе.

54. Я такимъ счастливымъ быть отнюдъ не желаю, которой тѣмъ хвалится, что къ храму счастїя весьма близко подходитъ, и по-

и почти къ постоянному благополучію приближился. Но какое въ семъ принужденіе! Всегда надобно своихъ интересовъ смотрѣть, безмѣрное и подлое учтивство употреблять, всѣ тѣ печали терпѣть, которыя отъ надежды и сомнительнаго счастія происходятъ, сносить явныя нападки непріятелей, тайныя угрызеніи и предательства завидующихъ, злобу и ненависть равныхъ, язвительныя шутки отъ вышнихъ, своенравіе и строптивость коммандировъ, а все сіе терпѣть для чести основанной на мнѣніи, для маловременной и непостоянной милости, и для тлѣннаго имѣнія. Правда, что отъ знатнаго чина происходитъ власть, почтеніе, великіе доходы, честь, сила къ одолженію друзей, къ произведенію свойственниковъ, къ отмщенію непріятелямъ; и хотя все сіе возбуждаетъ высокоуміе, возжигаетъ желаніе, самолюбію весьма пріятно, и есть наилучшее мѣсто вельможности; но ежели внутрь сихъ повидимому изрядныхъ красотъ

сотъ посмотрѣть, а притомъ рассудить о тягости раболѣпства, о безпрестанныхъ трудахъ и безпокойствахъ, о умаляющемся здоровьѣ того, кто сей знатной чинъ носитъ, также попеченіе о исполненіи всѣхъ должностей, всегдашнѣе стараніе о отдаленіи ненавистниковъ, о угожденіи властямъ, о ежечасномъ себя храненіи отъ враговъ и непріятелей своихъ; то все сіе дѣлается для скоро преходящей славы, для мнимой чести отъ людей, и для такого имѣнія, которое разными способами изъ рукъ у человѣка уйти, или человѣкъ смертію и несчастіемъ отвлеченъ быть можетъ. Но понеже сверьхъ сего жизнь человѣческая весьма кратка и маловременна, а смерть подлинна, токмо время оной неизвѣстно; то я всей такой славы, не только получить не желаю, но и стараться объ оной не смѣю.

55. По истиннѣ и такихъ вельможъ не мало, изъ которыхъ одни храбростію, другіе велерѣчіемъ, третьи знаніемъ художествъ, четвертые

вертые высокимъ умомъ, пятые политикою, шестые хитрыми и остроумными проектами, седьмые великимъ искусствомъ въ дѣлахъ, а восьмые героичными дѣлами прославляются. Но ежели на каждаго изъ сихъ великихъ людей, и особливо въ домѣ ихъ посмотрѣть, то сколько слабостей, недостатковъ, погрѣшностей, пороковъ, смѣшной суеты, безчестной ревности, губительной зависти и ненависти, дѣтскихъ немощей, и такихъ негодныхъ непристойностей найдется, о которыхъ бы самой подлѣйшей надъ сими вельможами смѣяться могъ!

Утѣшеніе.

Находящимся въ службѣ.

1.

Добровольнымъ послушаніемъ можно человѣку всего избѣжать, чего въ службѣ несноснѣе нѣтъ, то есть дѣлать то, чего бы человѣкъ не хотѣлъ. Повиновеніе за

бесчастіе почесть не можно, но то немалое злополучіе, ежели кто противъ воли, съ упорствомъ и ропотаніемъ повинуется. Не безуменъ ли тотъ, кто добровольно нейдетъ, но того дожидается и желаетъ, чтобъ его влекли силою? Кто своимъ состояніемъ довольствоваться не хочетъ, тотъ самъ себя мучитъ.

2. Я для облегченія, и лучшаго исполненія своей должности, все съ охотою дѣлаю, а что съ принужденіемъ и по неволѣ, то все худо дѣлается; и какъ бы дѣло легко и не важно ни было, однако съ принужденія и противъ воли исполняющему весьма труднымъ кажется.

3. Понеже я къ властолюбію склонности и охоты не имѣю, то мнѣ въ послушаніи нималаго препятствія нѣтъ. Желающему властвовать, надобно знать, какъ другихъ вести, управлять, и ими разумно повелѣвать. А мнѣ какъ другими властвовать, когда еще я въ дѣлахъ и поступкахъ моихъ самъ собою управлять не могу?

Луч-

Лучше хочу ведущему послѣдовать, и за нимъ по проложенной дорогѣ итти, нежели мнѣ дорогу прокладывать, и лучше за одного себя, нежели за многихъ порученныхъ въ мое смотрѣніе отвѣтствовать.

4. Тотъ свою волю и свободу сохраняетъ, кто добровольно тѣмъ повинуется, которые его принудить могутъ. А сіе не свобода ли стала, кто должность свою добровольно и усердно исполняетъ?

5. Я моимъ начальникамъ во исполненіи того съ охотою повинуюсь, чѣмъ я власти и коммандѣ ихъ долженъ. А ежели они персональныя заслуги и добродѣтели имѣютъ, то безъ всякаго сопротивленія ихъ почитаю, съ большимъ къ лицу ихъ усердіемъ.

6. Повиновеніе отъ Бога и Монарха поставленнымъ начальникамъ и предводителямъ, всякому умному человѣку любезно, пріятно и полезно. Мнѣ сей выборъ труднѣе кажется, что бы человѣку одному незнакомою дорогою идучи отъ пути правды не удалится, а на-

а напротивъ того многихъ трудовъ, печалей и безпокойствъ избавиться могу, ежели кто искуснѣе, а особливо выше и честнѣе меня, мнѣ покажетъ, что мнѣ дѣлать, и чего убѣгать должно.

7. Въ послушаніи то лучше всего, что человѣкъ, отправя порученное себѣ дѣло съ надлежащею исправностію, не ожидаетъ послѣ за сіе истязанія.

8. Когда уже послушаніе обществу и сожитію человѣческому весьма нужно и полезно, то для чего мнѣ не повиноваться? Ежели бы верьховная власть не одной персонѣ дана была, то бы всякъ властвовать, и другими управлять пожелалъ, а изъ того какія бы великія непорядки и злыя слѣдства произошли!

9. Кто о повелѣніи много говоритъ, и смѣло рассуждаетъ, тотъ по должности не повинуется. Я повелѣнію безъ сопротивленія и роптанія повинуюсь, а отвѣтъ и рассужденіе о приказанномъ на пове-

на повелѣвающщаго полагаю; его, а не мое то дѣло.

10. Сего раболѣпства несноснѣе и безчестнѣе нѣтъ, какъ своимъ вожделѣніямъ служить, страстьми своими сѣдаему быть, и не умѣть преодолѣть своего мнѣнія.

„Кого должно вольнымъ и сво-
„боднымъ человѣкомъ назвать? То-
„го, кто разуменъ, собою обладаетъ,
„ни убожества, ни бѣдъ, ни бо-
„лѣзней ниже самой смерти не
„боится. Кто своимъ страстямъ
„противится, а честь презирать
„можетъ, тотъ весь въ себѣ за-
„ключенъ: ничему внѣшнему и чу-
„жому не покоряется, и жесточай-
„шимъ нападкамъ счастія проти-
„вится„.

Въ какомъ бы я раболѣпствѣ на свѣтѣ ни былъ, однако сожалѣнія достоинъ не буду, ежели токмо сію вольность и свободу сохраню.

11. Всякую власть господствующихъ и повелѣвающихъ мною охотно снесу, ежели только самимъ собою обладать могу и умѣю.

Утѣше-

въ подломъ и незнатномъ родѣ.

1.

Я лучше добрыми дѣлами, нежели благородствомъ прославиться желаю. Мой трудъ узнаютъ въ собственныхъ моихъ добрыхъ дѣлахъ; а въ благородіи и въ славѣ фамиліи моей, одни только труды и заслуги предковъ моихъ познаются. „Славный Римскій Полководецъ „Маріусъ сказалъ:

„Мнѣ самому о себѣ должно „признаться, что я роду не знатнаго, токмо вмѣсто сего большую пользу въ дѣлахъ моихъ „имѣю. Главная и крайняя неправда незнатнымъ происхожденіемъ меня порицающихъ въ томъ „состоитъ, что они того слышать не хотятъ, дабы я своею „добродѣтелію хвалился, а сами „добрыми дѣлами другихъ людей „величаются„.

2. Для чего тому дивиться, что незнатные люди разумомъ, заслугами или счастіемъ своимъ знат-

знатные чины и отмѣнную честь и благородство получаютъ? На что ихъ тѣмъ порицать, и для чего имъ завидовать? Развѣ честнѣйшіе и славнѣйшіе роды съ начала не таковыжъ были, ежели до самаго начала источника ихъ доходить? Одни фамиліи добродѣтельми и заслугами возобновляются, цвѣтутъ, ростутъ и въ силу приходятъ; а другія пороками своми старѣютъ, вянутъ, изсыхаютъ, и разсыпавшись въ вѣчное забвеніе приходятъ. Благородные однимъ только показаніемъ древности своей фамиліи славятся. Но какъ бы родъ ихъ старъ ни былъ, однакожъ ему особливой предѣлъ предписанъ, за которой переступить не возможно, но дошедши до онаго назадъ возвратиться, и въ прежнее состояніе притти надлежитъ. Чѣмъ больше человѣкъ къ прежнему своему началу приближается, тѣмъ больше сходства въ своемъ родословіи находитъ, а нашедши увидитъ, что всѣ люди равны.

3. Сїе въ благородствѣ лучше всего, что оно человѣка обязуетъ, въ заслугахъ и добродѣтеляхъ уподобляться, и равному быть предкамъ своимъ.

4. Гербы, титлы и другїя внѣшности истиннаго благородства человѣку не приносятъ, ежели онъ добродѣтелiю не одаренъ, и заслугами не украшенъ. Какъ благородство славно, такъ напротивъ того презрѣнїя и жалости достойно, ежели онаго по достоянїю не содержать.

Не знатной, но умной человѣкъ, знатному и благородному господину сказалъ: „Великолѣпїе и „слава твоего дому, не даетъ тебѣ жить въ спокойствїи и уединенїи, а чрезъ то лишаетъ тебя лучшаго и сладчайшаго веселїя въ жизни, и способу къ познанїю себя. Что ты одинъ въ тайныхъ своихъ покояхъ здѣлаешь, „о томъ публично говорить станутъ. Люди пожелаютъ вѣдать, „какъ ты въ своемъ домѣ живешь: „ибо прадѣды и дѣды твои всѣхъ со-

„ сѣдей, власно какъ шпіоновъ, при-
„ ставили для всегдашняго смо-
„ трѣнія на дѣла и поступки твои,
„ и для примѣчанія, послѣдуешь ли
„ ты предкамъ твоимъ; а ты въ
„ самомъ дѣлѣ ежели къ послѣдова-
„ нію заслугамъ и добродѣтелямъ
„ ихъ принуждать себя станешь,
„ то съ мими не мало сравнишься„.

5 Я такихъ больше почитаю, отъ которыхъ честь и благородство фамиліи ихъ начинается, нежели тѣхъ, въ комъ сіе продолжается. Я же больше прославленія добрыхъ дѣлъ, нежели чтенія великихъ титуловъ слушаю.

6. Одно благородство и знатность древней фамиліи человѣка честнымъ не творитъ, ежели онъ заслугъ и добродѣтелей не имѣетъ; а безъ нихъ благородство самохвалу ничто иное, какъ похищенное имѣніе у другихъ, мнимое достоинство, которымъ тщеславится, суетное убѣжище ко гробамъ родителей, и наемной свѣтъ.

Утѣше-

Въ немощахъ и болѣзняхъ.

1.

Я весьма того берегусь, дабы мнѣ къ веселіямъ, роскошамъ и забавамъ не быть безмѣрно страстнымъ, чтобъ не учиниться чрезъ сіе къ болѣзнямъ нетерпѣливнымъ.

2. Въ немощахъ требуется терпѣніе: ибо надлежитъ вѣдать, что или болѣзнь скоро минется, или ужѐ меня не будетъ. Жестокія болѣзни обыкновенно непродолжительны, но чѣмъ жесточае становятся, тѣмъ болѣе къ своему концу приближаются.

3. Чѣмъ больше покажу я нетерпѣливости, тѣмъ чувствительнѣе болѣзнь моя будетъ. Немощь подобна непріятелю: ибо ежели человѣкъ непріятеля своего боится, то его симъ страхомъ ободряетъ.

4. Я въ немощахъ всевозможнымъ образомъ стараюсь, душу мою отъ чрезвычайнаго чувствованія болѣзней отвратить, и съ нею въ разсужденіе углубиться. Хо-

тя я сею поступкою болѣзни моей не облегчу, однако покрайней мѣрѣ не умножу.

Утѣшеніе.

Лишившимся имѣнія, сродниковъ и друзей

1.

Какое бы у человѣка великое имѣніе ни было, однакожъ духъ печальми, а тѣло болѣзньми при всемъ томъ мучиться можетъ. Для чегожъ человѣку по потеряніи такого имѣнія безрассудно тужить, которое его ни отъ печали, ни отъ болѣзней избавить не можетъ?

2. Для утѣшенія о потерянномъ, тѣмъ веселюсь, что у меня осталось; а ежели [по примѣру многихъ людей на свѣтѣ] и ничего не останется, то пищею и одеждою доволенъ буду. Начто мнѣ самому себя мучить? А сіе ужѐ совершенная мука стала, ежели человѣкъ къ потерянному имѣнію печаль, нетерпѣливость и отчаяніе присовокупитъ. 3.

3. Всякое имѣнїе на свѣтѣ почитаю за взятое въ долгъ; ежели же у меня отъимутъ, то думаю, что я его назадъ отдалъ, а не потерялъ. Я вѣдалъ, что имѣнїе вовѣки у меня не останется, но когда нибудь пропасть, или отнято быть можетъ, и для того всегда безпристрастными глазами на него смотрѣлъ.

4. Лишившись сродниковъ и друзей моихъ, натурѣ, дружеству и бладарности должное отдаю, а разуму то уступлю, что время неминуемо получить можетъ. Слезы свои не слабостїю, но рассужденїемъ прекращаю, а до того не допускаю, что бы время ихъ осушило.

5. И мнѣ со временемъ въ тотъ же путь итти, куда прежде меня умершихъ понесли. Я ужѐ подлинно вѣдаю, что и мнѣ съ моими сродниками когда нибудь также разставаться, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерть со мною разлучила.

ВЪ трудахЪ.

1.

Ежели человѢкЪ ко всегдашнимЪ трудамЪ привыкнетЪ, то ему не только трудное легкимЪ покажется, но и самая болѢзнь сносна будетЪ.

2. Я и излишней трудЪ по возможности исправляю, дабы нужное тѢмЪ лучше и способнѢе дѢлать; а притомЪ вѢдаю, что великой покой и частое отдыханіе вЪ лѢность, ослабленіе и кЪ худымЪ мыслямЪ человѢка приводитЪ.

3. Ежели мнѢ дѢлать нѢчего, то для недопущенія себя вЪ лѢность рассуждаю о томЪ, что здѢлано, или что мнѢ дѢлать надлежитЪ. Всегда того опасаюсь, чтобЪ успокоеніе вЪ разумѢ, не произвело упущенія вЪ моей должности. ЛѢность и малую работу несносною творитЪ. Кто ничего не дѢлаетЪ, тотЪ по неволѢ злу учится. Празность или лѢность сама собою не грѢхЪ, но

токмо

токмо ко многимъ грѣхамъ первой и всеобщей способъ.

4. Почти всѣ ненавидящїе трудъ напослѣдокъ въ убожество и крайнюю нищету приходятъ. Лѣнивой ежечасно много проживаетъ, а ничего не присовокупляетъ, безпрестанно роскошамъ, и такимъ забавамъ подверженъ, которыя весьма дорого покупаются, да притомъже праздной въ защищенїи своихъ интересовъ не всегда смѣлость и дерзновенїе имѣетъ.

5. Тотъ обыкновенно въ посмѣянїе приходитъ, кто не за свое дѣло принимается. Я бы не совѣтовалъ духовному въ архитекторство, архитектору въ духовныя дѣла, а кузнецу и рѣщику въ юриспруденцїю вступать. Хотя вышеобъявленная истинна всѣмъ извѣстна, однакожъ сїе искушенїе весьма обыкновенно, чтобъ изъ своихъ границъ выступать въ надеждѣ и подъ видомъ большей пользы, а отъ сего не вѣдомо какое безпокойство во нравѣ человѣческомъ происходитъ

дитъ, которое одними дѣлами должности и состоянія своего человѣку довольствоваться мѣшаетъ.

Иные званы на пользу и услугу ближнему, токмо сего въ дѣйство производить не хотя, для весьма неважныхъ причинъ отъ свѣта удаляются ради празности и лѣностнаго житія. Такимъ же образомъ судія или статской человѣкъ, подъ видомъ молитвы и набожности становится противенъ и неприступенъ тѣмъ, которымъ въ его помощи крайняя нужда; и углубившись въ молитвы, терпѣніе бѣдныхъ въ крайнее изнеможеніе приводитъ, не помня того, что всемогущій и праведнѣйшій Судія ему повелѣваетъ, сихъ бѣдныхъ людей не презирать, но за нихъ вступаться и прозьбу ихъ слушать; однако все сіе презря и забывъ сихъ неимущихъ, тщетными обѣщаніями питаетъ.

Сколько такихъ женъ на свѣтѣ, которыя изъ одной церькви въ другую

гую ходятъ, при всякой службѣ бываютъ, и на всякой день молебны поютъ, а главныя отъ Бога положенныя на нихъ должности, то есть воспитаніе дѣтей и правленіе дому забываютъ!

Я ни о чемъ кромѣ положенныхъ и свойственныхъ мнѣ должностей не стараюсь; а ежели на меня другія дѣла положатъ, то прилѣжаніе, рассужденіе, трудъ, попеченіе и совѣты разумныхъ людей въ дѣйство произведу, дабы мнѣ и въ сихъ дѣлахъ не погрѣшить.

Утѣшеніе

въ страхѣ.

I.

Я всевозможное о томъ стараніе прилагаю, что бы не подвергать себя страху о подлинныхъ, или неизвѣстныхъ случаяхъ, но токмо укрѣпляюсь рассужденіемъ о такихъ припадкахъ, которыхъ миновать не возможно, и соб-

ственнымъ разумомъ себѣ помогаю противъ случаевъ, которые не такъ извѣстны, какъ происходящая отъ нихъ болѣзнь со страхомъ подлинна. Такихъ вещей на свѣтѣ больше, которыя человѣка страшатъ, нежели тѣхъ, которыя подлинной вредъ причиняютъ. Страхъ больше и противнѣе зла всякаго, ибо другія страсти нетакъ чувственны и долговременны, какъ сія. Страхъ не только настоящаго или будущаго боится, но и отъ того дрожитъ, чему по случаю быть не возможно. Кто мнимаго несчастія боится, тотъ мученіемъ страха подлинное несчастіе терпитъ. Всякому злу конецъ и предѣлъ есть, а страхъ ни того ни другова не имѣетъ. Бѣдные люди! какъ много вы самовольнаго зла терпите, кромѣ не обходимыхъ отъ натуры на васъ приходящихъ бѣдъ и болѣзней! Страхъ приходитъ отъ мнимой боязни, и часто человѣка въ подлинную опасность вводитъ, для того что отъ нея родится неутолимая и безрассудная

ная жажда къ освобожденію отъ сего мнимаго зла, и такъ человѣка страшитъ, безпокоитъ, и отнимаетъ у него тѣ порядочные способы, которыми отъ сего зла себя освобождать должно. Страхъ душу человѣческую въ такое великое и сильное смятеніе приводитъ, что она тѣхъ способовъ не видитъ, которыми отъ настоящаго страха избавиться можно. Страхъ, кромѣ великой робости и унынія, въ такой ужасъ человѣка приводитъ, что разсужденіе потерявши, въ нѣмоту языка приходитъ, а притомъ не видя и не имѣя гонящаго, къ бѣгу самъ себя принуждаетъ.

2. Я бы всегда и весьма бѣденъ былъ, ежелибъ всего того боялся, что мнѣ вредъ причинить можетъ. Противъ ожидаемыхъ золъ мудрость и разумъ употребляю, а противъ нашедшихъ и случившихся ищу разсужденія и способовъ къ скорѣйшему себя отъ нихъ освобожденію. Какая отъ того польза,

чтобъ несчастiе свое прежде времени предупреждать, и оному противиться, или настоящее благополучiе теряя, по всякой день, для того печальнымъ и безсчастнымъ быть, что несчастiе со временемъ случиться можетъ?

3. Довольно будетъ человѣку времени къ отягченiю себя печальми и тогда, когда ему какое бѣдствiе приключится. Почтоже безвременно несчастiю подвергаться, а потомъ день и ночь великую печаль сносить? Можетъ быть онаго и не будетъ. Есть такiе безумцы, которые сами себя до смерти убиваютъ, дабы симъ способомъ отъ естественной смерти, также отъ многихъ бѣдъ и несчастiй впредь избавиться. Но они подобны такому человѣку, которой отъ малаго дождя въ морскую пучину бросается, то есть отъ временной смерти, въ вѣчную муку и погибель душевную сами бѣгутъ. Кто боится потерять имѣнiе, или въ другое несчастiе притти, тотъ во всегдашнемъ страхѣ

пребы-

пребывая ни пить, ни ѣсть, ниже спать спокойно не можетъ, а того не вспомнитъ, что иногда ссылочные, каторожные и бѣдные невольники въ своихъ мѣстахъ отраду имѣютъ, и веселы живутъ.

Бѣдной человѣкъ! у тебя и безъ того природныхъ немощей много; начтожъ тебѣ еще новыя и большія вымышлять? Ты уже и отъ натуры бѣденъ, то для чего тебѣ чрезъ вымыселъ бѣднѣйшимъ себя дѣлать?

4. Которыхъ случаевъ и дѣлъ я боялся, а они не пришли и не исполнились, то мнѣ не только о каждомъ изъ нихъ радоваться, но и за всякую бѣду Бога благодарить должно, которая до меня не дошла, а я оныя всегда боялся.

Утѣшеніе.

въ бѣдности и убожествѣ.

1.

Богатство сердцами человѣческими такъ обладѣло, что убожество защищать нимало не возможно,

жно. Правда, что богатство многія выгоды человѣку приноситъ; только совершенно благополучнымъ никогда его не творитъ, но еще отъ счастія удаляетъ, всегдашнимъ лишеніемъ спокойства и истиннаго удовольствія. А кто свое убожество терпѣливно сносить умѣетъ, [о чемъ всякому человѣку стараться надлежитъ], тотъ къ сему спокойству отчасу болѣе приближается, видя умаленіе богатства, а не имѣя способу къ собранію и къ приращенію онаго.

2. Чѣмъ меньше у меня желаній, тѣмъ сноснѣе мнѣ убожество будетъ. Не тѣмъ человѣкъ убогъ, что мало имѣетъ, но тѣмъ, что болѣе того желаетъ, нежели у него есть, и для того я больше о уничтоженіи моихъ желаній, нежели о собираніи богатства стараюсь. Хотябъ счастіе у несытаго имѣніемъ человѣка ничего не отняло, однакожъ онъ все то запотерянное почитаетъ, чего по желанію своему получить не можетъ, и о томъ какъ о подлинно

длинно потерянномъ тужить будетъ. Отъ великаго желанія того, чего нѣтъ, не наслаждается и не веселится тѣмъ, что у него есть. Всѣ тѣ обманываются, которые думаютъ, будто богатые потеряніе своихъ имѣній съ большимъ великодушіемъ сносятъ, нежели бѣдные. Наибольшія тѣла также чувствительны къ язвѣ, какъ малыя. Ежели то богатствомъ назвать должно, чтобъ человѣку все желаемое имѣть, то я сіе за большее богатство почитаю, дабы больше того не желать, что у меня есть. Потщимся же наши желанія со счастіемъ и желаніемъ своимъ ровнять; а ежели за границу ихъ переступимъ, то они въ такое мнимое пространство насъ заведутъ, гдѣ человѣку ни когда покою не будетъ. Тотъ нѣкоторымъ образомъ богатъ, кто богатымъ быть не желаетъ.

3. Я себя также не убогимъ почитаю, ежели вседневную пищу и одежду съ домашними имѣю. У меня, слава Богу, столько есть,

что

что всѣ сіи нужды исправить могу, чѣмъ я весьма доволенъ; а излишество превосходящее сію нужду почитаю за главной способъ къ безпокойству, для того что къ пріобрѣтенію оныхъ требуется великой трудъ и обманы.

Къ утоленію алчбы и жажды не много надобно, а къ насыщенію пьянства и обжирства многихъ тысящъ не довольно. Чего натура требуетъ, то вездѣ и скоро сыскать можно, а объ излишествѣ много трудиться надобно. Что было сперва излишнее и ненадобное, то напослѣдокъ необходимымъ, и такъ нужнымъ покажется, что онаго безъ печали лишиться не возможно.

Человѣкъ въ тѣ поры излишнее познаваетъ, когда у него оное убывать начнетъ: ибо человѣкъ сіе излишество не отъ нужды, но для того употреблялъ, что имѣлъ. Большую часть вещей для того употребляемъ, что другіе употребляютъ; и то за большее зло почитать надлежитъ, что по ихъ примѣру живемъ, ихъ мнѣнія слушаемъ, чу-

жимъ

жимъ обычаямъ слѣдуемъ, а своему разуму не повинуемся. Ежели погрѣшность всѣму свѣту явна, то она напослѣдокъ добродѣтелію здѣлается. Любящему роскошь и излишество всего свѣта мало. Тихая жизнь въ убожествѣ не много требуетъ, а на роскошное и богатое житїе въ тысящу мѣръ противъ того не достанетъ. Не положила ли натура желанїямъ нашимъ предѣла? Не лучше ли стараться о снисканїи сихъ границъ для познанїя, что натурѣ надобно, и что противно, и симъ же образомъ отдѣлить отъ надобнаго и полезнаго ненужное и вредное.

Ежели человѣка жестокая жажда мучитъ, то вода изъ деревяннаго ковша не таковожъ сладка ему покажется, какъ изъ золотаго сосуда? А буде дни два, или три не ѣдалъ, то развѣ простая пища не такой же сладкой и прїятной вкусъ ему дастъ, какъ деликатное и нѣжное кушанїе.

Бразильской варваръ, для исканїя богатства чрезъ море переѣхавшимъ Европейцамъ сказалъ слѣдующее:

дующее : „Развѣ земля ваша такъ бѣдна , что потребной вамъ пищи дать не можетъ, и для того вы за богатствомъ къ намъ пріѣхали ? или думаете , что за золото и серебро съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями большую отъ Бога милость получите ? Никакъ ! берегитесь еще того , что бы вамъ отъ сего въ далекихъ земляхъ исканія чужова богатства своей собственной души и жизни не потерять. Можетъ ли васъ богатство безсмертными учинить ? Возмете ли вы его съ собою на тотъ свѣтъ ? Буде же скажете , что мы збираемъ богатство для оставленія женамъ, дѣтямъ и сродникамъ нашимъ , то скажите , таль нынѣ земля , которая предковъ вашихъ питала ? Конечно таже ! а когда подлинно такъ , то для чего сомнѣваетесь , будто она васъ и потомковъ вашихъ не прокормитъ ? Богъ всемогущій не только всю вселенную , но птицъ и зверей богато насыщаетъ , а васъ не ужѐ ли не пропитаетъ ? Стыдитесь о маловѣріи своемъ„.

4. Въ убожествѣ меньше страху, меньше тягости, меньше печали и меньше безпокойства, нежели въ богатствѣ. Ежели на непостоянство счастія съ прилѣжаніемъ посмотрѣть, то богатой имѣетъ причину бояться, а убогой уповать.

5. Не убожества человѣкъ стыдиться долженъ, но своихъ пороковъ. Кто въ убожествѣ стыдливъ, тотъ въ богатствѣ и чести гордъ будетъ. Ежели я своею погрѣшностію въ убожество приду, то мнѣ не убожества, но того порока стыдиться надлежитъ, которой меня въ нищету привелъ. Хотя богатые убогихъ и весьма презираютъ, однако я во утѣшеніе о сей обидѣ, потщусь обогатить разумъ мой нужнѣйшими къ совершенству онаго науками, душу добродѣтельми, а сердце щедростію и постоянствомъ, дабы ученіемъ и разсужденіемъ познать, въ чемъ состоитъ верьховное благо, что бы мнѣ оное добродѣтелію получить, а крѣпостію, великоду-

шіемъ

шіемъ и постоянствомъ всему тому противиться, что къ полученію сего крайняго блага не допускаетъ, и въ наслажденіи онымъ препятствуетъ. Съ науками и знаніемъ не буду вельможамъ раболѣпствовать, вѣдая различіе между ложнымъ и истиннымъ имѣніемъ. Будучи добродѣтеленъ, почитаю себя благополучнѣйшимъ въ свѣтѣ. Съ великодушіемъ и щедростію ни предъ какимъ вельможею дрожать и трястись не буду, хотя и подлинная правда, что бѣдность человѣка въ страхъ и въ робость приводитъ, а робость ихъ, предъ глазами богатыхъ, гнусными и презрѣнія достойными творитъ. Какъ бы бѣдной предъ богатымъ умно, справедливо и основательно ни говорилъ, однако богатой всѣ его слова уничтожаетъ и презрительнымъ видомъ ни во что ставитъ. Сіе отъ того происходитъ, что бѣдной, не только о сниcканіи покровительства его старается, но и ежедневно себѣ пропитаніе отъ него получаетъ, а потому лучше рассу-

разсужденію и словамъ богатагѡ уступить, нежели справедливымъ своимъ противорѣчіемъ у него въ ненависть притти хочетъ, которая убогихъ передъ богатыми принужденная поступка весьма обыкновенна. Нѣкоторой славной писатель такую бѣдность терпящаго, а притомъ стыдливаго и боязливаго человѣка слѣдующими словами описалъ: „У Федона глаза въ яму ввалились, лицо блѣдно, тѣломъ сухъ, всѣмъ видомъ дуренъ, весьма мало и тонкимъ сномъ спитъ. Безмѣрно задумчивъ, часто забывается, и не то говоритъ, что думаетъ, или знаетъ. Рѣчи его тупы, коротки и часто перерываются; да притомъ же на всѣ стороны оглядываясь смотритъ, не смѣются ли словамъ его. Смотря на другихъ усмѣхается, самъ не зная чему, чужихъ рѣчей не выслушиваетъ, ко всему, да, и на всякое слово, такъ, говоритъ. Суется, бѣгаетъ, чего не спрашиваютъ, то подноситъ, не его зовутъ, а онъ откликается, ко всякому

кому подбѣгая спрашиваетъ: не изволитель чего. Безмѣрно вѣжливъ, чрезвычайной ласкатель, всякія дѣла свои таитъ, временемъ лжетъ, и много прибавливаетъ. Суевѣренъ, всего боится, обо всемъ сомнѣвается, и всегда боязливъ, такъ тихо и легко ходитъ, что на землю ступить боится, потупя глаза идетъ, на мимоходящихъ взглянуть не смѣетъ. Никогда къ тѣмъ не подойдетъ, которые говорятъ, но за стуломъ у нихъ садится, и власно какъ украдкою слушаетъ; а буде на него взглянутъ, то не простясь и не сказавшись никому тихонько уйдетъ. Минуты на одномъ мѣстѣ не сидитъ; зжавши плеча, и надвинувъ шляпу на глаза, или завернувши носъ въ епанчу изъ компаніи спѣшитъ, а самъ не вѣдаетъ, куды. Нѣтъ такова тѣснова мѣста, куда бы онъ не продрался. Ежели его попросятъ, чтобъ онъ сѣлъ, то и на край стула сѣсть не смѣетъ. Въ компаніи тихо говоритъ, только о публичныхъ

ныхъ дѣлахъ свободно разсуждаетъ; на весь свѣтъ и обычай сердитъ. Министровъ въ велико не ставитъ, къ придворнымъ дальняго почтенія не имѣетъ, самъ никакихъ разговоровъ не зачинаетъ; а ежели его о чемъ спросятъ, то прежде тихо кашленетъ, подъ шляпою носъ высморкаетъ, нѣсколько разъ утрется, легко и почти на себя плюнетъ, насилу карманъ сыщетъ, куда платокъ дѣвать, не знаетъ, какъ и куда руку положить. А ежели начнетъ отвѣчать, то голову чешетъ, рукою гладитъ, и буде волосъ на другомъ увидитъ, то подбѣжавъ снимаетъ, платкомъ третъ, чхнуть не смѣетъ, предъ всякимъ въ робость приходитъ; и со всѣмъ бѣднымъ кажется.

6. Человѣкъ великимъ богатствомъ бѣдности своей никогда не окончаетъ, но только оную перемѣнитъ. Хотя имѣетъ много, чѣмъ можетъ удовольствовать свои страсти, однакожъ при томъ суетъ и попеченіи не мало, чтобъ жить по своей волѣ въ роскошахъ и въ доволь-

довольствѣ, желаютъ для того великаго богатства; и для пріобрѣтенія онаго не щадятъ ни живота своего ни здоровья. Снискавъ довольно богатства, въ большее безпокойство приходитъ, не только о сохраненіи, но и умноженіи онаго; а бѣдной ничего сихъ печалей не знаетъ.

7. Хотябъ у человѣка многіе и великіе домы, богатыя деревни и знатные доходы были, однако все сіе для одного тѣла, а впрочемъ ничего ни за великіе миліоны купить не можетъ. Начтожъ сему одному тѣлу разные и великіе домы, многія каморы, постѣли, различные столы, и премножество служителей? Какъ бы имѣніе ни умножалось, однако душевныя человѣка качества наслажденіемъ онаго, не только ни мало не прибавятся, но еще отчасу умаляются.

8. Хотя богатство отъ людей весьма высоко почитается, однакожъ оно предъ очами Божіими весьма малое дѣло, и для того богатство добродѣтельнымъ весьма

ма рѣдко, но почти всегда злымъ достанется. Потщимся же свѣтскихъ, а особливо такихъ имѣній съ безмѣрною горячестію избѣгать, которыя ни сами добра не имѣютъ, нижѐ человѣка добродѣтельнымъ здѣлать не могутъ, но токмо добрые нравы злыми творятъ, что изъ слѣдующаго легко усмотрѣть можно. Богатство возбуждаетъ страсти, и злыя склонности изъ глубины человѣческаго сердца на верьхъ выводитъ, которыя было до того времени въ совершенное забвеніе пришли, сверьхъ сего ко исполненію давно предпріятыхъ злостей скорой и легкой способъ подаетъ. Все имъ повинуется, а сіе повиновеніе пагубной непорядокъ и неминуемой страхъ производитъ.

Богатствомъ честолюбивые все опровергаютъ, что имъ на пути теченія ихъ препятствуетъ; а изобиліемъ на тѣ степени восходятъ, на которыя гордость ихъ всходить принуждала. Чрезъ богатство мстительные получаютъ способы къ изліянію горести и зло-

бы на непріятелей своихъ, на чувствительное имъ показаніе ненавистной злости и мщенія своего.

Отъ богатства лѣнивые въ роскошахъ и въ праздности безпечно утопаютъ, а лицемѣры и пустосвяты симъ же способомъ умѣютъ производить подъ видомъ добродѣтели славныя и знатныя дѣла, которыя имъ за тѣмъ ни во что не вмѣнятся, что безъ добраго намѣренія и усердія, но только для того здѣланы, дабы люди ихъ видѣли и хвалили. О богатствѣ однимъ словомъ можно сказать, что гнусная корысть съ локомствомъ его собираетъ, роскошь съ невоздержностію расточаетъ, смрадная скупость весьма крѣпко хранитъ, безуміе истощаетъ, а разнаго роду и званія игра со всѣмъ развѣваетъ. Ежели душею, сердцемъ и совѣстію къ тлѣнному богатству и пагубному имѣнію прилѣпившіеся скупые оказываютъ себя благовѣрными и благочестивыми, то они въ самомъ дѣлѣ для скупости своей и сребролюбія велі-

кїе беззаконники. Буде скупой являетъ вѣрность, то оная не вѣрность, но обманъ и прельщеніе, проистекающее отъ великой надежды того, чего скупость ихъ ненасытно желаетъ.

Буде надежду объявитъ, то сїя надежда грѣшная: потому что онъ сїе упованїе не на Бога, но на тлѣнное богатство съ маловременнымъ, обидою и неправдами собраннымъ имѣнїемъ полагаетъ.

Ежели въ немъ любовь появится, то сїе не любовь, но Богу противная ненависть и смрадная зависть, дабы подъ видомъ истинной любви обмануть, что нибудь выманить, или къ своимъ беззаконнымъ услугамъ добронравнаго человѣка уловить; а сему причина скупость и сребролюбїе. Буде въ немъ есть сила, то оная служитъ только къ ношенїю трудовъ, потребныхъ къ несытной и неусыпной скупости. Ежели есть разумъ, то токмо для избѣжанїя тѣхъ страховъ, которые безмѣрная скупость глазамъ его представ-

ляетъ. Буде имѣетъ умѣренность съ воздержаніемъ, то только для убѣжанія такой невоздержности, которая можетъ богатству его знатной ущербъ и умаленіе нанести. Ежели справедливость кажетъ, то токмо для сходства съ интересомъ своимъ, которой ему выше и дороже всего на свѣтѣ. Не рѣдко постится, и весьма часто трезвъ бываетъ, только къ обоему скупость его привлекаетъ. До захожденія солнца не ѣстъ и понедѣльничаетъ, токмо сіе не нужное изнуреніе плоти больше отъ скупости и лицемѣрнаго пустосвятства, а не отъ прямяго усердія къ истинному посту происходитъ. Разныя обхожденія презираетъ и крайне ненавидитъ, только оной его чистотѣ причиною скупость. Всегда бываетъ въ безпокойствѣ, въ страхѣ и въ подозрѣніи. Безмѣрная его скупость ничего кромѣ пожаровъ, разбою и грабленія отъ воровъ, голодныхъ лѣтъ, нечаяннаго несчастія и мнимыхъ страховъ гла-замъ его не представляетъ, ко-

торы•

торые опасности еще къ большему грабительству, и собиранію богатства его принуждаютъ. Онъ больше всѣхъ народную бѣдность знаетъ, а меньше всѣхъ о вспоможеніи при такой всеобщей нуждѣ старается. Въ такое то крайнее ненасытство скупость и неутолимое желаніе богатства человѣка приводитъ, и для того сребролюбіе въ священномъ писаніи по самой и вѣчной правдѣ идолослуженіемъ называется, а Христіанское ученіе такихъ несытыхъ душъ бѣгать и бояться повелѣваетъ.

9. Я бы самъ богатства желалъ, и съ великимъ усердіемъ искалъ, ежелибъ благополучіе за деньги покупали и продавали. Но напрежде сниканія какой вещи, надобно разсмотрѣть благополучіе того, кто ею обладаетъ: ибо изъ всего вышеобъявленнаго можно рассудить, что изъ богатыхъ ни одного счастливаго найти не возможно. Хотя люди благополучными ихъ и признаютъ, однакожъ они сами себѣ счастливыми не кажутся.

10. Всякъ изъ насъ ежедневно видитъ небо, солнце, луну, звѣзды, землю, моря со всѣмъ украшеніемъ ихъ, только Нарциссъ все сіе ни во что вмѣняетъ, для того что каждой день на все сіе смотритъ. Ему надобны огромныя палаты, богатые уборы, серебреныя лампады, сервизы и цуговыя кареты. Да счастливъ ли онъ со всѣмъ симъ? Никакъ! для того, что другіе помянутыми вещьми богатѣе его. Несущественное въ сихъ вещахъ ему угодно, но то весьма пріятно, что у него такія вещи есть, какихъ у другихъ людей нѣтъ.

11. Какъ много такихъ вещей на свѣтѣ, безъ которыхъ мнѣ пробыть можно, когда я кромѣ нужнаго ничего не требую. Желаніе имѣнія, такую цѣну на богатство кладетъ, которой въ ономъ, по удовольствіи желанія, и узнать не возможно.

12. Чѣмъ меньше вещей ко удовольствію моему потребно, тѣмъ спокой-

спокойнѣе и безопаснѣе я буду. Скупость и честолюбіе больше невольниковъ имѣетъ, нежели бѣдность и убожество.

13. Въ какомъ я презрѣніи богатство ни имѣю, однакожъ не всѣхъ богатыхъ презираю. Хотя иной не только богатство въ велико не ставитъ, но и отвергаетъ, однакожъ весьма богатъ; токмо я его за сіе не хулю, но за то бы не хвалилъ, ежелибъ онъ безъ богатства пробавиться, и ни чѣмъ кромѣ онаго доволенъ быть не могъ, или бы богатство свое во зло употреблялъ. Хотя умной человѣкъ богатства и не любитъ, однакожъ столько имѣнія желаетъ, чтобъ у другихъ не просить; только сіе имѣніе не въ душу свою и не въ сердце запираетъ, но хранитъ оное въ домѣ своемъ. Отъ владѣнія богатствомъ не отрѣкается, но за такую вещь оное почитаетъ, которая можетъ его добродѣтель свѣту показать и прославить. Поистиннѣ разумной человѣкъ въ богатствѣ болѣе силъ и

способу имѣетъ къ показанію своей щедрости и великодушія, нежели въ убожествѣ. Въ недостаткахъ то главная добродѣтель, чтобъ человѣку бодрствовать и въ унынїе не притти; а въ богатствѣ всѣ добродѣтели оказываются, а имянно воздержанїе, щедрость и доброй порядокъ. Того можно славнымъ назвать, кто будучи богатъ, хранитъ сїи добродѣтели, и ни чѣмъ не повреждается. Воистинну тотъ славенъ, кто посреди богатства духомъ нищъ; только тому меньше бѣдъ и страха, у кого меньше богатства. Я только для того богатства желаю, что бы съ большею щедростїю и благодѣянїемъ помогать бѣднымъ.

Утѣшительное рассужденїе.
О смерти.

I.

Кто часто рассуждаетъ о смерти, тотъ лучше оную познаетъ, и въ такое состоянїе приходитъ, что ее меньше бояться будетъ. Нѣтъ нужнѣе

нужнѣе и полезнѣе разсужденія о смерти: ибо ничто на свѣтѣ такъ не подлинно, какъ смерть. И для того почтимся оную не только ежедневно, но ежечасно и при всякомъ случаѣ помнить. Когда лошадь подомною споткнется, буде съ высокаго мѣста упаду, и ежели меня гадъ, или звѣрь укуситъ, то мнѣ самому себѣ надобно сказать: помни смерть. Когда человѣкъ здоровъ, то о смерти безпристрастно разсуждая говоритъ: „Умереть такъ умереть: смерть „окладное дѣло„.

Но сїе въ то время говорится, когда скоро умереть не надѣемся; а когда часъ смерти приближается, то сїя храбрость всеконечно изчезнетъ. Какъ бы кто ни умствовалъ, и въ болѣзненныхъ припадкахъ ни крѣпился, но когда приближенїе смерти почувствуетъ, то ужѐ прямое лицо природнаго трепета и страха покажетъ.

2. Ежели прилѣжно и здраво разсудить, какихъ великихъ бѣдъ, безпокойствъ, страховъ, болѣзней,

печалей и напастей человѣкъ смертію своею избавится; такъ для чего того ему бояться, что отъ сихъ мукъ его освобождаетъ?

3. Понеже я съ тѣмъ родился, что бы мнѣ когда нибудь умереть, то сіе я всегда помню, дабы мнѣ въ то время не испужаться, когда конецъ моей жизни придетъ, вѣдая, что сей долгъ натурѣ безъ роптанія платить надлежитъ.

4. Человѣку чрезвычайнымъ размышленіемъ о смерти ума своего трудить, а непрестаннымъ о ней напоминаніемъ духа своего колебать не должно. Быстрое и ежеминутное теченіе жизни нашея, само намъ о смерти напоминаетъ. Я въ себѣ чувствую, что на всякой часъ ближе къ смерти подхожу; а послѣдняго часа не знаю, только то вѣдаю, что онаго конечно не миновать.

5. Для чего мнѣ страшиться смерти? Развѣ сей страхъ оную отвратитъ? Или я думаю, что мнѣ никогда не умирать? Развѣ мнѣ одному того отнюдь не хотѣть,

тѢть, чего никому миновать не можно? Дабы не бояться вещей неизвѢстныхЪ, то требуется для того добродѢтель; а кЪ умеренности страха о неминуемыхЪ случаяхЪ, здравой разумЪ надобенЪ.

А понеже смерть дѢло не обходимое, то оныя ждать, и кЪ пришествію ея готовиться должно: ибо какЪ бы человѢкЪ ни боялся, однако часа смертнаго ни миновать, ни избѢжать не можетЪ.

Безумной смерти боится и бѢгаетЪ, лишенной разума оныя ищетЪ, а мудрый человѢкЪ безЪ дальняго страха ее ожидаетЪ.

6. Ежели человѢкЪ предЪ смертію великую болѢзнь чувствуетЪ, то скоро отЪ оной освободится: ибо жестокія болѢзни обыкновенно не долговременны, и тѢмЪ полезны, что человѢка отЪ всѢхЪ болѢзней и такихЪ скорбей вдругЪ освобождаютЪ, вЪ которыхЪ бы человѢкЪ нѢсколько лѢтЪ мучиться могЪ.

Для чего мнѢ думать, будто сама я смерть великую болѢзнь причиняетЪ

Знаю ли только я, что есть смерть? Можетъ быть, что человѣкъ въ то время болѣе отрады, нежели болѣзни чувствуетъ. Обмороки, какъ предверіе и живой смерти образъ, сіе рассужденіе подкрѣпляютъ; а сонъ такое же подобіе, и тожъ возвѣщаетъ. По крайней мѣрѣ сему для того противиться не возможно, что я сего ни самъ собою, ни чрезъ другихъ никогда не пробовалъ.

7. Я иду къ смерти, то есть въ такое мѣсто, куда все идетъ. Всѣ мы туда идемъ, и хотя одни ранѣе, и другіе позже, однако всѣ тамъ будемъ. Развѣ я одинъ тамъ быть не желаю, куда все рожденное идетъ? Прежде меня бывшіе туда пришли, со мною живущіе идутъ, а и по мнѣ будущіе всѣ туда же послѣдуютъ.

Великіе и малые, богатые и убогіе, премудрые и безумные, старые и молодые, умные и дураки, всѣ одно теченіе продолжаютъ, и на одномъ мѣстѣ остановятся. Сколько тѣхъ людей, которые

торые въ одно время со мною умрутъ?

8. Обстоятельства предъ кончиною человѣческою, страшнѣе самой смерти. Какъ человѣку не испужаться отъ слезъ, крику, вопля и рыданія предстоящихъ, которые другъ на друга смотря плачутъ, шепчутъ, болящему же скорой смерти никто объявить не осмѣлится, а лѣкари домашним приказываютъ, болящаго въ путь вѣчной готовить. Друзья и сродники пріѣзжаютъ, будто бы для посѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ для прощенія съ больнымъ. Всѣ въ молчаніи и печальномъ видѣ сидятъ. Нѣкоторые изъ домашнихъ свѣчи, а другіе ладонъ несутъ. Отъ сего приготовленія не только при смерти лежащей, но и здоровой человѣкъ въ страхъ и уныніе притти можетъ. А ежели всѣ сіи церемоніи оставивъ, безпристрастно о смерти разсудимъ, то она ничто иное есть, какъ мгновеніе ока, преселяющее насъ изъ одного мѣста въ другое, то есть въ мѣсто вѣчнаго

блаженства и покоя, ежели человѣкъ добродѣтельно жилъ. Смерть ни малаго въ томъ участія не имѣетъ. Добродѣтельная жизнь, есть духовная, крѣпость, порука и вѣрная предвозвѣстница некончаемаго веселія и сожитія съ Богомъ.

9. Я посреди свѣтскихъ забавъ и веселія смерть помню, и о ней рассуждаю, дабы мнѣ въ сихъ веселіяхъ не углубится и себя не забыть; а и посреди болѣзней тужъ мою кончину, для того напоминаю, чтобъ она меня въ крайней страхъ и отчаяніе не привела. Не знаю, гдѣ смерть меня застанетъ, и въ которой часъ придетъ, и для того вездѣ ее и всегда ожидаю. Хотя не мелалхоликъ, однако задумчивъ; а во время сего углубленія въ мысляхъ, ничѣмъ такъ не веселюсь, какъ рассужденіемъ о смерти, которую такимъ образомъ себѣ представляю:

Въ совершенномъ здоровьѣ лѣжа на постелѣ, думаю, будто я такъ болѣнъ, что лѣкари пользовать меня отказались, а

жена,

жена, дѣти, отецъ, мать, братья, сестры, сродники и друзья подлѣ и около меня сидя плачутъ; такъ власно со мною при часѣ смерти будетъ. Тогда начну забываться, и не то говорить; умъ и разсужденіе станетъ отъ меня отступать, ноги и руки мои похолодѣютъ, страха и смятенія наполненныя глаза на одномъ мѣстѣ остановятся, блѣдное лицо мое посинѣетъ, зубы почернѣютъ, языкъ отолстѣвъ онемѣетъ, грудь начнетъ модыматься, гортань хрипѣть, всѣ члены по маловременномъ дрожаніи похолодѣвъ одеревенѣютъ. А я послѣднимъ тоскованіемъ и болѣзненными видами предстоящихъ въ плачь и ужасъ приведу. Наконецъ духъ мой послѣднимъ дыханіемъ испустивши, какъ свѣча погасну, и въ другъ затихну, а потóмъ какъ испорченая машина со всѣмъ распадусь.

По семъ бездушное мое тѣло обмывши, и саванъ на оное надѣвъ, а потóмъ въ гробъ положа въ могилу поставятъ и землею засыплютъ.

лютъ. Мертвое тѣло никогда гроба не требуетъ, но страхъ смотрящихъ на него, не только посторонних людей, но сродниковъ и друзей принуждаетъ, какъ наискорѣе сего мертвеца земли предать.

Тогда ужѐ всѣ отъ меня удалятся, и всѣ меня оставятъ. Развѣ кто нибудь изъ бѣдныхъ моихъ служителей, или какой милостивой человѣкъ закрывъ мои глаза, и руки мнѣ на грудь положивши, до тѣхъ поръ по природному человѣколюбію у мертваго моего тѣла посидитъ, пока оное изъ той хижины вынесутъ, въ которую ужѐ ему никогда не возвращаться.

Сего то я на всякой день жду, и для того ни мало на мою жизнь не полагаюсь, и на всѣ богатства сего свѣта весьма безпристрастными и власно какъ чужими глазами смотрю. Почто о такомъ имѣніи не усыпно себя безпокоить, которымъ человѣкъ такъ мало, и столь короткое время владѣетъ? Ежелибъ людямъ безсмертнымъ быть, тобъ

тобъ они о собраніи богатства и о утвержденіи своего благополучія на свѣтѣ, больше нынѣшняго попеченія имѣть не могли. А я больше примѣрамъ, нежели рассужденіямъ послѣдую. Видя всякой день, что не только друзья и знаемые мнѣ, но сродники и ближнія мои умираютъ, жду какъ сей жребій до меня дойдетъ; а въ ожиданіи онаго, ежелибъ можно, и чину и состоянію моему не предосудительно было, тобъ удалясь отъ свѣта, въ пустынѣ жилъ. Что же до чести, богатства, роскошей и веселія касается, то при всѣхъ сихъ случаяхъ думаю, будто я на смертной постелѣ лежу, и для того ихъ ни во что ставлю, что они здороваго человѣка благополучнымъ не творятъ, больному здоровья не даютъ, и слѣдственно не нужны, а мертвому ихъ въ гробъ съ собою взять не льзя.

20. Ежели я безмѣрно смерти боюсь, то мнѣ еще слѣдующее рассудить надлежитъ. Кто смѣетъ большому, а особливо знатному

сказать

сказать, что ему умереть должно, вѣдая, что онъ сего чрезъ мѣру боится? Кто осмѣлится въ сей вѣчный путь его приготовить? Все то отъ очей его удаляютъ, что ему наималѣйшее сомнѣніе причинить можетъ. Супруга его съ крайнею осторожностію всѣмъ тѣмъ противится, которые болящему ея мужу близкую кончину объявить намѣряются. Дѣти его забѣгаютъ напередъ къ лѣкарямъ, и просятъ ему сказать, что онъ выздоровѣетъ; а лѣкари ужѐ всѣ отстать отъ него хотятъ. Друзья обнадеживаютъ, что въ немъ ни малаго страха смерти нѣтъ, а сами видятъ, что ему до вечера не дожить; служители и домашніе для подкрѣпленія той надежды, которою болящаго ласкаютъ, веселость въ своихъ глазахъ ему кажутъ, которые по немъ заплаканы и отъ слезъ покраснѣли; и хотя ужѐ видятъ, что со всѣмъ кончается, однако и тогда его утѣшаютъ, а никто не скажетъ, что умираетъ.

11.

11. Сей конецъ моей жизни не душѣ, но токмо тѣлу послѣдней часъ. Все около меня сущее почитаю я за уборы постоялаго двора, или наемной квартиры, съ которой мнѣ скоро съѣзжать должно. Натура выходящихъ на свѣтъ съ принужденіемъ посылаетъ, и отходящихъ съ свѣта также силою влечетъ. Она человѣку не только того съ собою взять не позволяетъ, въ чемъ онъ родился, но еще и тѣла его лишаетъ. Я сей день смерти за начало вѣчной себѣ жизни и нескончаемаго блаженства почитаю. Когда святая вѣра предписываетъ мнѣ правила къ добродѣтельной жизни, обѣщая не ложно, что буду наслаждаться вѣчнымъ зрѣніемъ Творца всего міра, то развѣ бы я обезумелъ, чтобъ началъ бояться оставить маловременную жизнь, наполнѐнную мнимыми благими, а истинными и подлинными злостьми? Что въ самомъ дѣлѣ свѣтъ сей за вещь, что никто съ нимъ разстаться не хочетъ? Зборное мѣсто лжи и суеты. Забавы его обманъ,

манъ, веселье прелесть, ласканїе предательство, богатство тлѣнъ, счастїе тѣнь, а благополучїе наконецъ почти всегда въ дѣйствительное несчастїе обращается. Свѣтъ сей громада разныхъ фигуръ, которыя сперва намъ покажутся, а потомъ ихъ и не станетъ; также перемѣна чиновъ, людей и щастїя, которые начинаются и окончеваются, встаютъ и падаютъ, являются и пропадаютъ. Гдѣ намъ свѣтъ сей свободу обѣщаетъ, тамъ ничего кромѣ суеты и неволи нѣтъ; а гдѣ миръ и тишину даетъ, тутъ кромѣ безпокойства и несогласій ничего не сыщешь. Гдѣ веселїемъ и радостью обнадеживаетъ, тамъ ничего кромѣ печали и горестей не найдется. Наилучшїя его прїязни скоро окончеваются: чести и знатныя титла со временемъ заглаждаются; роскоши, забаны, сладости и веселїй сего свѣта, тайную горесть и долговременное раскаянїе по себѣ оставляютъ; слава, по прошествїи нѣкотораго времени, въ вѣчное забвенїе придетъ.

Ничто

Ничто въ ономъ не можетъ учинить насъ благополучными, понеже сердца человѣческаго ничто изъ земныхъ и тлѣнныхъ, кромѣ духовнаго, небеснаго и вѣчнаго наполнить не можетъ. Сіи свѣтскія вещи въ самихъ себѣ малы, и весьма безсильны. Правда, что красота ихъ глазъ человѣческой прельщаетъ, похвала о нихъ слухъ увеселяетъ, сладость вкусъ нашъ довольствуетъ, богатство тѣлу пріятно, только ни одна изъ сихъ вещей духа человѣческаго насытить и удовольствовать не можетъ: для того, что всѣ сіи имѣнія ложныя и въ самомъ дѣлѣ такія подлинныя злополучія, которыя человѣка злѣйшимъ и безчастнѣйшимъ творятъ. Наилучшее благополучіе не только суетно и тлѣнно, но весьма тягостно, а притомъ полно горестей и печалей. Не только въ раздранныхъ рубищахъ, и заключенные въ желѣзахъ плачутъ, но и живущіе на свободѣ, которые имѣютъ во всемъ изобиліе, не меньше тужатъ

жатъ и вздыхаютъ. Добродѣтель на свѣтѣ во всегдашнемъ гоненіи, вѣра и вѣрность въ непрестанномъ страхѣ, набожность показаться не смѣетъ, смиреніе съ кротостію стыдится, чистота ежечасныя нападки и искушенія терпитъ. Вольное и невольное убожество въ равномъ презрѣніи. Кто постоянно свою должность исполняетъ, надъ тѣмъ смѣются; того за безумца и пустосвята почитаютъ, кто умерщвляя страсти и чувства свои на земли, сердце свое, мысль, вѣру и любовь къ Богу возводитъ. У иныхъ пагубное ученіе, у другихъ прелестные примѣры, у третьихъ заблужденіе съ невѣденіемъ, у четвертыхъ развращенное и вредное толкованіе, пятые такъ въ политику вдались, что вѣру на уловленіе добросердыхъ и и непорочныхъ душъ употребляютъ, у шестыхъ такое лицемѣріе, которое наигоршіе пороки и беззаконія ложнымъ видомъ добродѣтели украшаетъ; у седьмыхъ насильства влекущія ко грѣху, у

восьмыхъ гнусное ласкательство для прикрытія чужихъ пороковъ къ полученію собственной пользы. Въ такомъ крайнемъ замѣшательствѣ множество людей разными страстьми страждущихъ. Одни надменны гордостію, другіе ослѣплены корыстію, третьи возженны любовію, четвертые пылаютъ ненавистію, пятые таютъ съ зависти, шестые утопаютъ въ лѣности, седьмые повреждены роскошью, и такъ далѣе. Худое то правительство, гдѣ всеобщее повреждение наподобіе тлѣтворнаго вѣтра и моровой язвы вкоренилось. То въ свѣтѣ и дѣло, чтобъ обманывать и обмануту быть. Люди наподобіе муравьевъ въ непрестанномъ движеніи и другъ объ друга бьются; иные для содержанія гордости, другіе для подкрѣпленія честолюбія, а наибольшіе ради собранія корыстей. Какое поврежденіе въ нравахъ! Какое чрезвывайное и раззорительное щегольство въ платьѣ! Какія неправды и пронырства въ судахъ! Какіе

обманы

обманы въ комерціи! [въ купечествѣ] Какія лести и притворства въ обхожденіи! Какія вѣроломныя предательства въ дружбѣ! Какая невѣрность въ супружествѣ! Какое лицемѣріе и пустосвятство въ набожности! Какая холодность и небреженіе о душевномъ спасеніи! Не всѣ ли тѣ бѣдные невольники свѣта, которые всегда въ суетѣ и въ движеніи? Всегда въ невоздержныхъ роскошахъ, ни въ какой страсти мѣры не знаютъ; нимало себя отъ оныхъ не удерживаютъ, а къ добродѣтели непринуждаютъ, и о душахъ своихъ такъ мало пекутся, какъ будтобы душъ въ нихъ и не было.

Кто свѣтъ сей для того любитъ, что онъ ему высокія достоинства, богатство, честь и славу обѣщаетъ, тотъ о всемогуществѣ Божіемъ не разсуждаетъ.

Кто выше и сильнѣе Бога? Предъ кѣмъ колѣна небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ преклоняются? Предъ кѣмъ Цари и Монархи сего свѣта скипетры и короны свои по-

лагаютъ?

лагаютъ? Кто таковъ какъ Богъ? Предъ нимъ же всѣ царства и монархіи свѣта, какъ прахъ или пепелъ, которой властію его въ одинъ часъ свѣянъ, и уничтоженъ быть можетъ. Кто сильняе Бога, котораго велѣніемъ, не только ужасные грѣмятъ громы и молніи блистаютъ, но небо и земля предъ нимъ трепещетъ? Кто премудрѣе Бога, которой все самъ видитъ, и несодѣлнное знаетъ? Кто богатѣе Всемогущаго? Онъ одѣваетъ поля зеленостію, и украшаетъ цвѣтами, даетъ плодъ древамъ, золото и серебро нѣдрамъ земнымъ, перлы въ раковинахъ, а алмазы въ камняхъ скрываетъ, и всей натурѣ плодородіе даруетъ. Кто нашего единаго, душевнаго и вѣчнаго любленія достоинъ кромѣ Бога? Онъ самая всесовершенная любовь, неизреченное и непостижимое Величество. Первая правда, не описанная красота, крайнее блаженство, неисчерпаемой источникъ блага, наслажденіе безъ болѣзни и горести, изобиліе безъ убожества,

жизнь безсмертная и радость без-
конечная.

Я несомнѣнно уповаю, естьли
я заповѣди его исполнялъ, то
душа моя по смерти моей въ нѣ-
драхъ сего всеблагаго и милосердаго
Бога будетъ, и сіе единая мнѣ отъ
смерти утѣха.

12. Чѣмъ меньше я прелесть-
ми сего бѣднаго свѣта наслаждать-
ся стану, тѣмъ легче преселеніе
въ вѣчную жизнь мнѣ будетъ. Мы
желаемъ спастись, а свѣтъ сей то-
го ищетъ, какъ бы насъ погубить.
Человѣкъ ищетъ яснаго познанія
своихъ должностей, и прямаго
пути къ спасенію души, а пре-
лестной свѣтъ всякія хитрости и
коварства употребляетъ, какъ бы
человѣка въ заблужденіе привесть.
Мы хотя въ томъ необходимую по-
гибель признаваемъ, ежели сердце къ
чувственнымъ роскошамъ прилѣ-
пится, однако не смотря на то
свѣтъ сей роскоши для повре-
жденія безпрестанно человѣку пред-
ставляетъ. Богъ требуетъ се-
бѣ отъ человѣка такой любви,
кото-

которую бы ни жена, ни дѣти, ни родители, ни друзья нарушить не могли; а прелестной свѣтъ желаетъ, что бы сію любовь люди къ тварямъ имѣли. Богъ повелѣваетъ намъ ближняго какъ самого себя любить, и великія его согрѣшенія прощать; а поврежденной свѣтъ того за безумца и подлаго труса почитаетъ, кто обидъ своихъ не мститъ. Богъ повелѣваетъ намъ такую крѣпкую вѣру имѣть, чтобъ мы за охраненіе оныя и умереть не боялись; а пагубной свѣтъ всякимъ образомъ старается, какъ бы сея вѣры насъ лишить, и для почтенія человѣческаго повелѣніе Божіе нарушить. Богъ увѣряетъ насъ, что плачущіе утѣшаться, изганые за правду царство небесное получатъ; а свѣтъ сей наущаетъ, чтобъ человѣку на земли крайняго благополучія искать. Тѣ свою жизнь счастливо препровождали, которые не долго жили; а кто посреди сѣтей и искушенія живетъ, тотъ безъ паденія долго жить не можетъ.

13. Пока я на свѣтѣ, то хотя земными благими и питаюсь, однакожъ больше о небесныхъ помню, для того что они вѣчны и нетлѣнны, а земное все временно и тлѣнно.

14. Потщусь же я крайнее о томъ стараніе прилагать, что бы мнѣ смерти не весьма бояться, но то дѣлать, за что бы я христіанскую кончину отъ Бога получить могъ. Великая въ томъ заключается важность, чтобъ дѣло единожды и изрядно здѣлать, котораго конецъ сомнителенъ, слѣдства изъ того могутъ быть опасныя, а погрѣшностей ни чѣмъ исправить и загладить будетъ не возможно. Кто спокойной кончины желаетъ, тому должно страсти свои такъ умерщвлять, чтобъ всѣ его грѣхи за долго до смерти умерли. Все мое умствованіе, вся наука, и вся премудрость въ томъ состоитъ, чтобъ къ смерти готовиться. Мнѣ самому себѣ лучше сего совѣта дать нельзя, какъ токмо, чтобъ часто помнить послѣдней часъ, и всю мою жизнь по

по оному учреждать, дабы добровольно отъ того за благовременно отставать, отъ чего смерть силою влечетъ, а чрезъ всю маловременную жизнь къ тому готовиться, гдѣ мнѣ вѣчно быть должно.

Блаженная и спокойная кончина всю нашу жизнь вѣнчаетъ. Въ то время счастію и надеждѣ отъ сердца скажу:

Нашелъ я себѣ пристанище, надежда и счастье прощайте, допольно мною играли, играйте надъ другими.

КОНЕЦЪ.

ПРАВИЛА И СОВѢТЫ.

Какъ человѣку въ свѣтѣ угодить, разумно себя вести и честно жить.

I.

Ежели на свѣтѣ счастія и почтенія желаешь, то бойся Бога, будь вѣренъ своему Государю, и живи такъ какъ доброму и честному человѣку надлежитъ.

2. Ежели кто для услуги и одолженія тебѣ три шага ступитъ, то ты для благодаренія за сіе десять шаговъ учини.

3. Ежели счастія не имѣешь, то заслугами онаго удостоиться потщись, а глаза слѣпой фортуны, кромѣ добродѣтели, частаго благотворенія и всегдашняго честнаго трудолюбія ничѣмъ не открываются.

4. Человѣку въ словахъ своихъ великую осторожность употреблять должно. Не только небреженіемъ или въ шуткахъ, но временемъ и нарочно сказанное слово, весьма дорого тому приходитъ,

которой за сїе слово честь получить надѣялся.

5. Такихъ отнюдь предъ людьми не поноси, и ничего имъ публично не выговаривай, которые твоему исправленїю подвержены: ибо въ противномъ случаѣ самъ о себѣ покажешь, что ты сихъ людей больше самихъ, нежели слабости и пороки ихъ ненавидишь.

6. Ищи себѣ друзей сколько возможно; только вѣрныхъ и истинныхъ такъ мало изъ нихъ найдешь, что едва изъ ста можно ли будетъ на одного положиться. Самъ въ себѣ наилучшаго друга получишь, ежели должность свою къ Богу и ближнему рачительно исполнять будешь.

7. Свѣтъ сей по мѣрѣ того времени люби, сколько тебѣ воономъ жить. Путешествующей въ перьвомъ городѣ не останавливается, но мимо его проѣзжаетъ, вѣдая, что ему еще далѣе ѣхать.

8. Въ какомъ бы ты чинѣ и состоянїи ни былъ, только болѣе себя на дѣлѣ, а не на словахъ оказывай

зывай. Правда и добросердечїе человѣка больше всего въ чинѣ и состоянїи его содержатъ; а сомохвальство и тщеславїе не много поможетъ.

9. Ежели въ знатномъ чинѣ и высокомъ достоинствѣ обрѣтаешься, то такихъ людей при себѣ имѣй, которые Государю и государству дѣйствительную службу учинить могутъ. Чего тебѣ не исполнить, того не обѣщай; а совѣтуй съ такими людьми, которые тебѣ безкорыстны и безпристрастны кажутся.

10. Бѣгай лѣности, какъ перьваго и большаго зла; когда духъ не въ трудахъ, то онъ тѣломъ здѣлается, а ежели онъ въ трудахъ, то и тѣло духомъ будетъ. Въ движенїи, трудахъ и работѣ человѣкъ себя помнитъ, а въ лѣности и роскошахъ самъ себя забывши скоту уподобляется.

11. Крѣпость своея души словами, а славу твоего рода дѣлами покажешь.

12. Друзей своихъ часто посѣщай, только у себя ничѣмъ не неволь, и отнюдь къ долгому пребыванію въ домѣ своемъ не принуждай: ибо чрезъ сіи способы дружбы ихъ лишиться можешъ.

13. Всякъ въ своемъ званіи и должности трудись, чтобъ на свѣтѣ хвалу и почтеніе получить. Заслуги весь свѣтъ въ такомъ высокомъ почтеніи имѣетъ, котораго ни за великіе миліоны купить не возможно.

14. Заподлинно вѣрь, что сего состоянія на свѣтѣ хуже нѣтъ, ежели человѣкъ никакого ремесла и дѣла не имѣетъ: ибо той жизни скучнѣя быть не можетъ, которая во всегдашнихъ забавахъ, или въ непрестанныхъ разъѣздахъ и посѣщеніяхъ проходитъ. Кто всегда въ гостяхъ, а дома рѣдко бываетъ, тотъ повидимому свободенъ, а въ самомъ дѣлѣ связанъ и невольникъ.

15. Ежели ты надъ военными или надъ статскими людьми власть имѣешь; то помни, что

начальникъ, по достоинству чинъ свой отправляющей, долженъ собою другимъ примѣръ давать, и болѣе дѣлать, нежели говорить.

16. Ежели чинъ и служба твоя до наукъ тебя не допускаетъ, то по крайней мѣрѣ ученыхъ людей люби и почитай.

17. Всякаго человѣка такъ равномѣрно почитай, какова почтенія самъ отъ людей желаешь.

18. Ежели ко всѣмъ ласковъ будешь и благопріятенъ, то всякъ твоего обхожденія усердно искать будетъ.

19. Правдою и вѣрностію своею у всѣхъ въ любовь притти можешь, а случающіяся дѣла здравымъ разумомъ и умными рѣчами скоро окончаешь.

20. Домашнія свои печали молчаніемъ покрывай; а хотя люди нѣчто о томъ провѣдаютъ, однако на лицѣ своемъ ни малаго унынія не показывай. Симъ способомъ принудишь вѣрить, что о печаляхъ твоихъ разсѣяли слухъ ложной, или оныя печали такъ не важны,

что

что твоего разсужденія не достойны.

21. Ежели страстямъ своимъ покоришся, то самъ себѣ злѣйшей непріятель будешь.

22. Друзей и сродниковъ своихъ веселымъ и радостнымъ лицомъ принимай, и пріятнымъ видомъ провожай; а ежели иначе поступишь, то они къ тебѣ ѣздить не станутъ.

23. Къ такимъ токмо персонамъ совершенную повѣренность имѣй, которыя заслугами, правдою, разумомъ и добродѣтельми своими прославились. Ихъ однихъ за неподвижныя и такія свѣтила почитай, которыя тебя въ темнотѣ разныхъ несчастій твоей жизни просвѣтить могутъ; а другихъ всѣхъ признаваю за блюдящія звѣзды, которыя по маломъ сіяніи вдругъ исчезаютъ.

24. Чистота въ уборахъ твоего дому и экипажа, а скромность въ твоихъ словахъ, покажетъ людямъ, что умъ твой порядоченъ, а сердце безъ пристрастія.

25. Худая поступка больше въ томъ состоитъ, что человѣкъ таитъ, нежели въ томъ, что объявляетъ. Пользуйся симъ правиломъ, и обманчивой наружности не ввѣряйся. Когда бы то нибыло, однако она тебя со временемъ покажетъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.

26. Богатство многихъ въ несчастіе приводитъ. Которые не имѣя онаго желаютъ, и кои получивъ боятся потерять, равнаго сожалѣнія достойны. Ты напротивъ того ни къ тѣмъ, ни къ другимъ не приставай.

27. Ни благородіемъ, ни богатствомъ, ни имѣміемъ, нижѐ знатнымъ достоинствомъ, но токмо тѣмъ на свѣтѣ прославишься, какъ все сіе употреблять будешь.

28. Многими услужностями и недруговъ къ себѣ склонишь; а чѣмъ болѣе страстямъ своимъ ласкать станешь, тѣмъ меньше въ состояніи будешь, оными обладать.

29. Двои ворота жизни: одними дверьми входятъ, а другими выходятъ.

ходятъ. Чѣмъ болѣе отъ однихъ воротъ удалишься, тѣмъ болше къ другимъ приближаться станешь. Часто о семъ думай и прилѣжно рассуждай.

30. Живи такъ, какъ бы ты очень старъ былъ, дабы тебѣ о своей молодости не сожалѣть и не раскаиваться

31. Роскошь и игра, два главные источника бѣдности. Чѣмъ болѣе на свѣтѣ жить будешь и присмотришься, тѣмъ больше ихъ узнаешь.

32. Кто во время умѣетъ потерять, тотъ много выигрываетъ; и ежели въ случаѣ, нѣчто отъ своего интереса и пользы упустишь, то такъ поступишь, какъ премудрому и искуснѣйшему человѣку надлежитъ.

33. Никому о несчастіи и о худомъ состояніи дѣлъ его отнюдь не говори, ежели къ учиненію ему помощи ни склонности, ни силы не имѣешь. А ежели иначе здѣлаешь, то не только весьма не умно поступишь, но и безъ

всякой причины сего бѣднаго человѣка опечалишь.

34. Кто безъ причины сердится, тотъ въ умѣ своемъ непорядоченъ и жить не умѣетъ. Съ друзьями своими обходись просто, также о преимуществѣ ранга и чести отнюдь съ ними споровъ не зачинай, вѣдая, что симъ способомъ безъ всякой причины и въ одинъ часъ дружбу съ ними разорвешь, которая между вами нѣсколько лѣтъ счастливо продолжалась.

35. Ежели въ компанїю придешь, то не всякїя бездѣлицы сказывай, которыя ты отъ людей слышалъ, или въ книгахъ читалъ. Буде же не послушаешься, то люди узнаютъ, что разсужденїе твое съ памятїю не равно и не сходно.

36. Несчастїе само въ себѣ не великое дѣло, ежели только кто оное терпѣливно снести можетъ. Буде же человѣкъ въ упадкѣ и въ несчастїи безмѣрно печалиться и крушить себя станетъ, въ такомъ случаѣ несчастїе весьма тягостно.

37.

37. Кто спокоенъ и веселъ быть желаетъ, тому кромѣ надобнаго и нужнаго ничего имѣть не должно. Излишнее ненадобно: ибо болѣе человѣку вреда нежели пользы приноситъ. Можетъ быть, что сїе правило вамъ не понравится; только не печальтесь, я чрезъ сїе нужное то разумѣю, чѣмъ вы по своему чину, достоинству и состоянїю въ свѣтѣ жить и пробавиться можете. А всякое выше сего идущее излишество такїя мысли подастъ, которыхъ я вамъ не желаю.

38. Свѣтъ сей только тѣмъ страшенъ, которые ничего кромѣ свѣтскихъ правилъ и угожденїя не любятъ; а кто на все свѣтское безпристрастнымъ окомъ смотритъ, тому свѣтъ всегдашняя наука ко убѣжанїю грѣха, и къ послѣдованїю добродѣтели.

39. Милости Государской отнюдь такими подлыми поступками и худыми дѣлами не покупай, которыя шляхетному роду неприличны, и доброму воспитанїю непристойны.

40. Знатныя особы обязаны ко всѣмъ благопріятны, учтивы и склонны быть. Они временемъ и не съ великими людьми въ такое тѣсное, и повидимому простосердечное обхожденіе входятъ, что сей поступки ихъ понять не возможно. Чѣмъ больше вамъ сей нравъ и состояніе покажется, тѣмъ лучшую славу о себѣ причинишь.

41. Великая тихость и чрезмѣрная кротость подобна глупости, или нечувствію; а чрезвычайная строгость походитъ на мучительство. Тебѣ кротость и строгость надобно имѣть смотря по случаю, а мудрость тебя научитъ, и въ томъ и въ другомъ знать умѣренность.

42. Ежели труда и тщанія къ показанію себя добрыми и хвалы достойными дѣлами не приложишь, то никогда въ люди не выдешь.

43. Кто безмѣрно горячь, безъ рассужденія проворенъ, тотъ подобенъ лошади не имѣющей рта, которая сѣдока своего во всякія погибельныя мѣста занести можетъ, для того что сидящей узды не имѣетъ, и лошади править не можетъ

жетъ. Ежели въ тебѣ сего огня много, то какъ можно его убавляй, и старайся прослыть здраваго ума, и зрѣлаго разсужденія человѣкомъ, а не вѣтрянымъ и такого невоздержнаго языка человѣкомъ, о которомъ весьма приличную пословицу говорятъ: что языкъ болтаетъ, того голова не знаетъ.

44. Ежели ты какую жестокую и непорядочную страсть имѣешь, то проповѣди и нравоучительныя книги столькожъ тебѣ помогутъ, какъ разныя ѣствы больному, у котораго желудокъ такъ слабъ, что ничего сварить не можетъ,

45. Буде ты лицомъ прекрасенъ, ростомъ, станомъ, взоромъ, походкою, и всѣми видами отъ другихъ отмѣненъ, то все сіе весьма не худо; но ежели умъ и нравъ твой съ сими наружностями не сходенъ, то уподобятъ тебя худова мастерства картинѣ, которая поставлена въ пребогатыхъ рамахъ.

46. Недовольно того, чтобъ при случаѣ храбрость оказать, да добрыя поступки притомъ надобны: одна умная голова больше тысячи вооруженныхъ рукъ государству пользы и услугъ приноситъ; а искусной Генералъ, лучше десяти тысячь храбрыхъ салдатъ.

47. Ежели ты трудомъ и тщанїемъ своимъ много богатства собралъ, а ни накакїя честные и полезные росходы онаго не употребляешь, то тебя назовутъ лампадою, которая для того угасла, что много масла въ нее налили.

48. Старайся во всякихъ несчастїяхъ, печаляхъ и злополучїяхъ твоей жизни, терпѣливымъ и великодушнымъ быть.

49. Ничего такого не дѣлай, что тебя въ безславїе привесть можетъ: ибо худая слава всегда за худыми дѣлами ходитъ. Она подобна дыму, которой безъ сомнѣнїя то мѣсто укажетъ, гдѣ огонь горитъ.

50. Ежели такое доброе дѣло здѣлаешь, про которое вездѣ съ похвалою говорить станутъ, то ужѐ конечно безъ награжденія не останешься. Придетъ такой день, въ которомъ и о тебѣ также какъ о Мордохѣе [книги Есфир. гл. 6] вспомнятъ: честь и слава убѣдитъ Государя твоего къ учиненію тебѣ сего воздаянія.

51. Ежели съ друзьями и сродниками твоими въ любви и въ согласіи жить хочешь, то надобно тебѣ будетъ премногія бездѣлицы имъ прощать, и неважныхъ вещей въ велико не ставить. Тыжъ еще долженъ будешь и для того пороки и недостатки ихъ прощать, ежели самъ съ собою въ мирѣ и въ согласіи жить желаешь.

52. Нѣкто изъ Цесарей римскихъ о каждомъ томъ дни своей жизни сожалѣлъ, въ которомъ онъ, ни какой милости и добродѣтели не здѣлалъ. Счастливъ бы былъ родъ человѣческой, ежели бы всѣ Монархи свѣта, мнѣніе сего милостиваго Цесаря имѣли, дабы

и

и ихъ также какъ его утѣхою и веселїемъ рода человѣческаго звали.

53. Ежели ты друзьямъ своимъ пробы дружества, усердїя и откровенной повѣренности не покажешь, то и отъ нихъ сего опыту не жди.

54. Часто и прилѣжно о семъ рассуждай, что хотя розовой цвѣтъ видомъ прекрасенъ, и весьма благоуханенъ, однакожъ терновыми спицами окруженъ. Отъ сего научишься вѣдать, что на свѣтѣ ни одного такого высокаго чину, достоинства, богатства, веселїя и забавы нѣтъ, чтобъ притомъ какой нибудь печали или трудности не было.

55. Чѣмъ болѣе станешь стараться о поспѣшествованїи благополучїя своей фамилїи, тѣмъ больше утвердишь честь и пользу своего рода. Кто настоящаго покою бѣгаетъ, тотъ себѣ впредь большей покой съ благополучїемъ готовитъ.

56. Ежели твоего богатства въ экипажѣ, въ пространствѣ стола,

въ напиткахъ, въ служителяхъ и въ протемъ поведѣніи твоего убудетъ, то самъ ясно увидишь, какъ число твоихъ друзей и пріятелей умаляться станетъ.

57. Нѣтъ такого чина въ свѣтѣ, котораго бы ты желать и требовать не могъ; только всеконечно ни въ одномъ чинѣ и достоинствѣ успѣху не получишь, ежели чести, доброй совѣсти и правдѣ, послѣдавать не будешь.

58. Разсматривай прилѣжно свойство тѣхъ людей, которымъ хочешь и можешь добро дѣлать, ибо у свѣтскихъ людей едва не у всѣхъ такой обычай, что они болѣе благодѣянія, нежели благодѣтеля любятъ.

59. Отнюдь того дня веселымъ, радостнымъ, а еще тѣмъ меньше благополучнымъ не называй, въ которомъ такія погрѣшности и проступки, а особливо такія роскоши и непристойности учинишь, о которыхъ не только многія лѣта стыдиться или тужить, но и по смерть свою раскаиваться можешь.

60. Ежели ты одною своею фамилїею славенъ, а персональныхъ заслугъ и добродѣтели не имѣешь; то твои прародители сїе почтенїе тебѣ даютъ, а не ты имъ честь причиняешь.

61. Ежели что давать намѣряешься, то съ такою прїязнїю давай, дабы ты людей въ двое одолжить могъ; а отказывай съ такимъ учтивствомъ, чтобы тебя люди хвалили.

62. Всякому человѣку будь вѣренъ, только не за всякаго вѣрность ручайся. Людямъ столько вѣрь, сколько твоя мудрость, а ихъ добрая совѣсть и честная поступка допуститъ.

63. Чтобъ главная твоя склонность и охота была, дабы тебѣ никакой страсти не имѣть; а главное старанїе и всѣ свои силы на то употребляй, чтобъ ни роскошей, ни забавъ не любить.

64. Всегда и вездѣ говори правду: гдѣ ея не любятъ, тамъ боятся и почитаютъ.

65. Все дѣлай съ разумомъ, правдою и доброю совѣстію. Ежели такъ поступишь, то и въ такихъ дѣлахъ успѣхъ тебѣ будетъ, отъ которыхъ ты никакой пользы не чаялъ. Симъ способомъ то въ свой интересъ привлечешь, что свѣтъ сей счастіемъ и долею называетъ, то есть заслуги и добродѣтель столько тебѣ помогутъ, что люди за нихъ всеконечно справедливость учинятъ, а притомъ силы и таланты твои узнаютъ.

66. Печали и несчастія во всемъ свѣтѣ одинаковы. Сїе зная помни, что никто отъ нихъ не свободенъ.

67. Ежели успѣха въ твоихъ намѣренїяхъ желаешь, то самъ о своихъ дѣлахъ старайся.

68. Чѣмъ счастливѣе на свѣтѣ будешь, тѣмъ бóльшаго несчастія бойся.

69. Языкъ съ твоимъ сердцемъ всегда долженъ быть согласенъ. Потóмъ старайся, чтобъ слова съ дѣлами твоими совершенно согла-

совали

совали, а люди бы сїе видя словамъ твоимъ больше вѣрили.

70. Ежели счастїя не имѣешь, не печалься, люди и въ несчастїи будучи не только честно, но добродѣтельно, въ покоѣ и удовольствїи живутъ. Иногда сїе гораздо лучше, дабы только счастїя удостоиться, нежели оное въ самомъ дѣлѣ имѣть.

71. Чѣмъ больше и славнѣе на свѣтѣ будешь, тѣмъ явнѣе твои пороки и погрѣшности будутъ. Знатной человѣкъ великихъ погрѣшностей безъ того здѣлать не можетъ, чтобъ ему за сїе крайняго несчастїя и паденїя не бояться. Чѣмъ болѣе чинъ и достоинство человѣка возвышаетъ, тѣмъ больше люди таланты и заслуги его забываютъ.

72. Ты родился самовластнымъ господиномъ надъ твоими глазами и языкомъ. Берегись, чтобъ повреженїе твоего нрава ихъ властьми надъ тобою не учинило; а сїе подданство весьма тяжко и мучительно.

73. Ежели какую добродѣтель имѣешь, то самъ себя отнюдь не хвали; а ежели хвалиться станешь, то никто тебѣ вѣрить не будетъ.

74. Для услуги и во угожденіе друзьямъ своимъ, ничего противъ чести и совѣсти твоей не дѣлай. Тебѣ самому себя больше всѣхъ любить и хранить надобно.

75. Тебѣ наималѣйшаго ко грѣху клонящагося обыкновенія и безчестной привычки весьма бояться должно. Сіе поползновеніе подобно искрѣ, которая закравшись въ уголъ, не только весь твой дворъ въ пепелъ обратить, но и сосѣдніе домы зжечь можетъ.

76. Ежели съ друзьями и сродниками твоими ссоры имѣть не желаешь, то никакихъ вещей имъ не продавай, и у нихъ отнюдь ничего не купи.

77. Охота къ вину и къ игрѣ сперьва тебѣ покажется муравьемъ, котораго мизинцомъ раздавить можно; а по нѣкоторомъ времени сей муравей такимъ великимъ и страшнымъ слономъ здѣ-

лается, что никакъ преодолѣть онаго не возможно будетъ. Напослѣдокъ ты обѣимъ страстямъ симъ такъ послѣдовать станешь, а самъ себѣ столь сильно льстить начнешь, что преодоленіе оныхъ за напрасное и весьма невозможное дѣло признавать будешь.

78. Ежели душѣ своей мира и сердцу спокойства желаешь, то вътамъ оныхъ ищи, гдѣ обѣ сіи вещи найти можно; а свѣтъ сей кромѣ одного имени ничего объ нихъ не знаетъ.

79. Истинную славу наукою, добрыми нравами и добродѣтелію пріобрѣсть можно. Сей то славы вамъ я и желаю: ибо она одна тѣхъ трудовъ достойна, которые человѣкъ о полученіи ея прилагать долженъ.

80. Между честнымъ человѣкомъ, которой въ богатствѣ и изобиліи живетъ, и между другимъ честнымъ же человѣкомъ, у котораго едва дневная пища есть, весьма великое различіе, потому что

что первой доброхотно даетъ, а другой просить стыдится.

81. О которомъ человѣкѣ никогда не говорятъ, то подлинной знакъ, что онъ ни заслугъ, ни добродѣтелей не имѣетъ; а кто ни заслугами, ни добродѣтельми въ знатность и въ славу себя не приводитъ, тотъ и зависти ни отъ кого не имѣетъ. Хотя у тебя завидящихъ и ненавидящихъ много, однако не опасайся: ибо сей знакъ доброй; и тебѣ весьма полезной.

82. Тотъ весьма счастливъ, кто дарованнымъ себѣ отъ Бога и Монарха, или отъ предковъ полученнымъ имѣнїемъ довольствуясь, въ покоѣ живетъ, а больше ничего не желаетъ. Сїе имѣнїе подобно ключевой, всегда текущей, чистой, сладкой и здоровой водѣ; ежелижъ въ сїю воду чужое, а особливо неправедное примѣшается, то оной источникъ уподобится быстрой во время разлива рѣкѣ, въ которой вода такъ мутна, что и пить ея не льзя будетъ.

83. Не начинай прежде того говорить, пока не рассудишь, каковы твои слова, къ какой силѣ и куда клониться будутъ. Слова подобны стрѣламъ, которыхъ въ ненадлежащее мѣсто отнюдь бросать не надобно.

84. Ежели ты скупъ, суетенъ и золъ, то домъ свой ужасною пустынею здѣлаешь; а буде въ непорядкѣ станешь жить, то всѣ умные люди отъ тебя отставать, и твоего обхожденія удаляться будутъ, и такъ въ своемъ домѣ кромѣ наглыхъ и негодныхъ людей никого не увидишь.

85. Часто помни о томъ, что ты былъ, и чѣмъ напослѣдокъ будешь; сіе рассужденіе лучше чтенія многихъ умныхъ и забавныхъ книгъ.

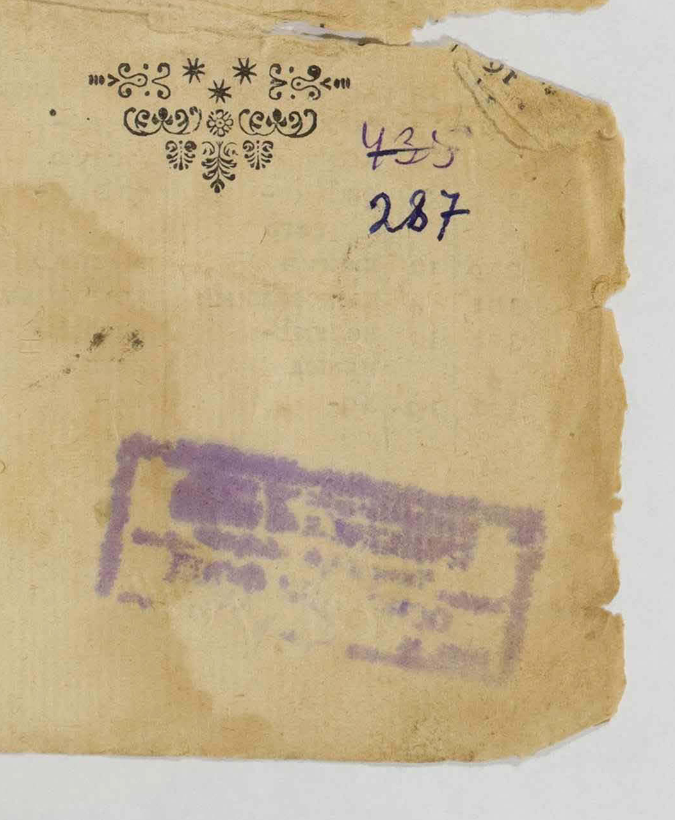
86. Кто собою, также чиномъ и имѣніемъ своимъ недоволенъ, тотъ на Бога и на святое Его провидѣніе жалуется; а сія поступка грѣшна и безчестна.

87. Богатство человѣку на честное и спокойное препровожденіе жизни

жизни дано, а не жизнь на собранiи богатства дарована.

88. Ежели въ страхѣ Божiемъ честно и добросовѣстно жить станешь, то никакого несчастiя по смерть свою не бойся.

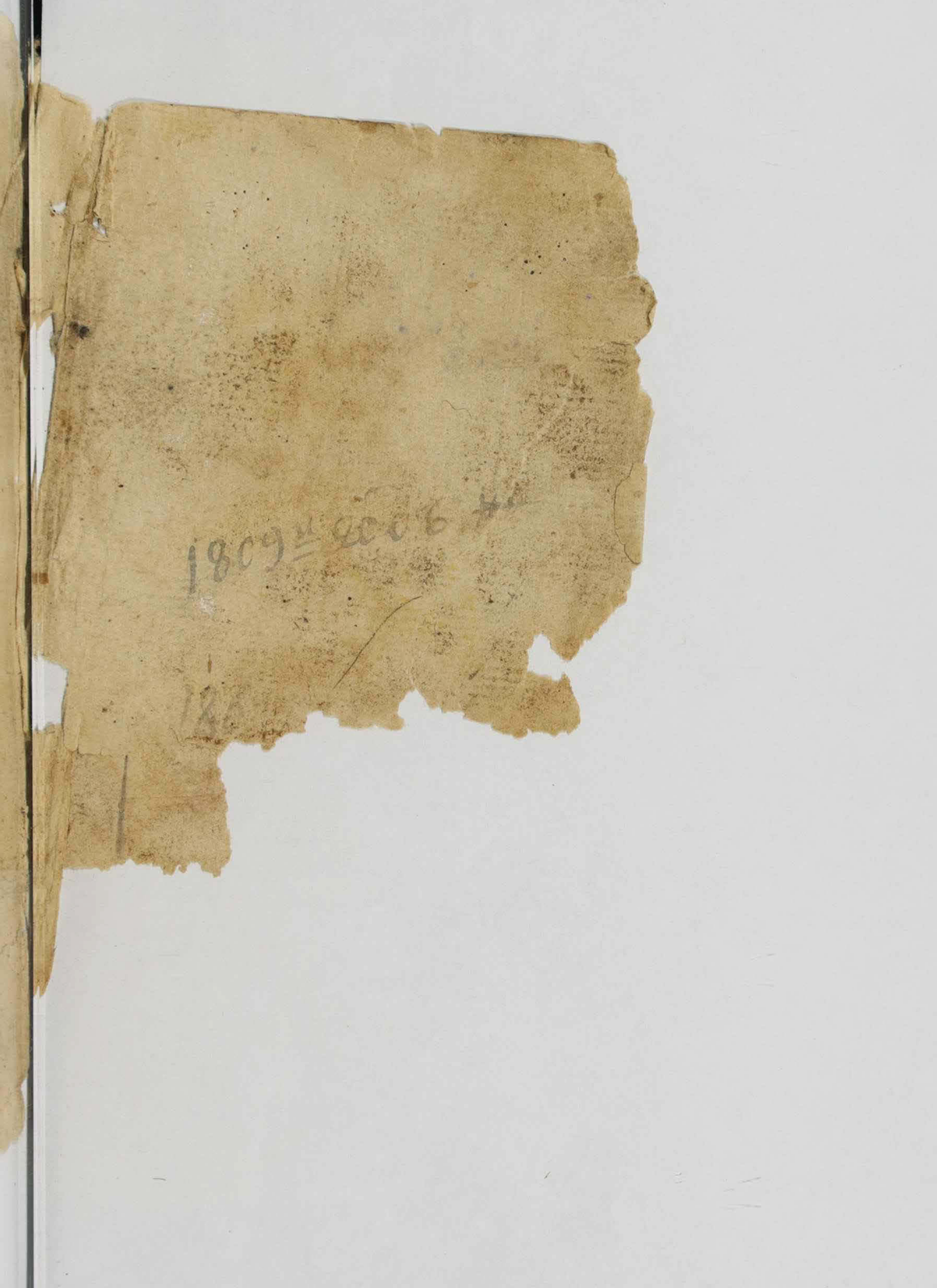
89. Старайся въ старости твоей то сыскать, что ты въ своей юности потерялъ; а ежели ты чрезъ всю свою жизнь отъ праваго пути удалялся, то остаточные дни твоей жизни старайся препроводить честно.

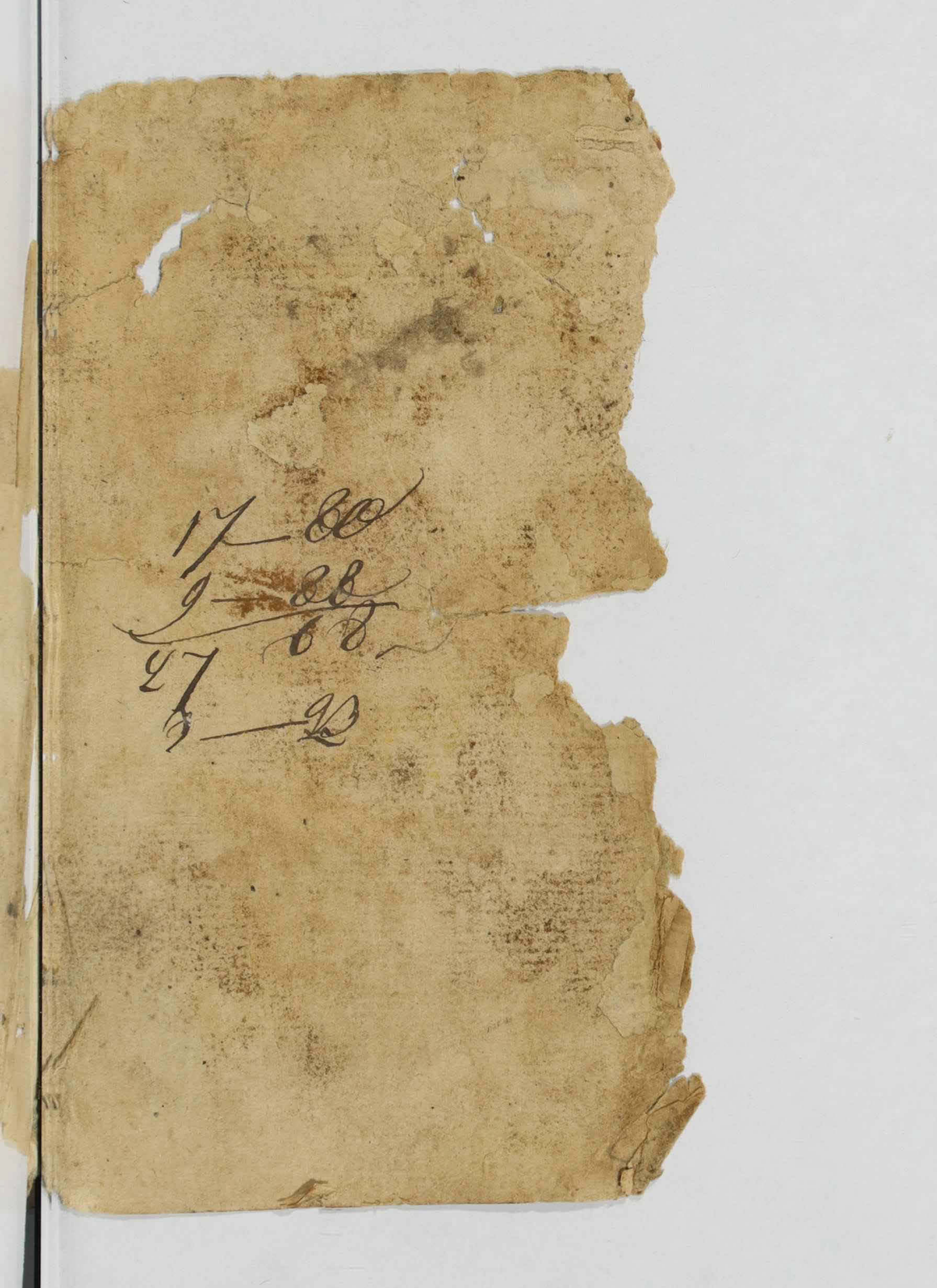

Погрѣшности:

стран.	стр.	напечатано	читай.
26	10	чело-ку	чело-вѣку
27	14	тотчаъ	тотчасъ
52	7	приходить.	приходитъ.
53	21	привесши	привести
89	23	резумъ	разумъ
101	9	необыкновен-лой	необыкновен-ной
118	12	прада	правда
123	5	не друтно	не трудно
135	11	разсморѣть	разсмотрѣть
147	2	о важ-сныхъ	о важ-ныхъ
[illegible]	[illegible]8	стао[illegible]	старается
[illegible]5	1	къ охожденію	къ обхожденію
197	18	ни накихъ	ни какихъ
198	23	за ко-которую	за ко-торую
203	7	отъ се-сего	отъ се-го
219	12	таимъ	такимъ
301	4	каторожные	каторжные
314	11	не вмѣ-иятся	не вмѣ-нятся
326	19	Хо-	Хо-тя

17 — 80
9 — 88
68
27
9 — 92

